

МЭТТ
БРОЛЛИ

Пере-
крёсток

БЕСТСЕЛЛЕР
AMAZON CHARTS

METAMORPHOSES

Annotation

Когда на пляже обнаруживают обескровленное тело, сонный приморский город Уэстон-сьюпер-Маре просыпается в кошмаре. Жертва – пожилая Вероника Ллойд, волонтер местной церкви. Следом за ней в соседней церкви был найден в столь же ужасном состоянии священник, и эти жертвы – не последние. И далеко не случайные.

За раскрытие преступлений берется недавно вернувшаяся в родной город детектив-инспектор Луиза Блэкуэлл. Она должна поймать кровавого мстителя, пока не стало слишком поздно.

-
- [Мэтт Бролли](#)
 -
 - - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)

- [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Глава сорок вторая](#)
 - [Глава сорок третья](#)
 - [Глава сорок четвертая](#)
 - [Глава сорок пятая](#)
 - [Глава сорок шестая](#)
 - [Глава сорок седьмая](#)
 - [Глава сорок восьмая](#)
 - [Глава сорок девятая](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
-

Мэтт Бролли

Перекресток

Matt Brolly
The Crossing

* * *

Copyright © Matt Brolly, 2020
This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson
and The Van Lear Agency LLC

© Артем Пудов, перевод на русский язык, 2022

© Издание, оформление. ООО «Издательство „Омега-Л“», 2023

* * *

Элисон

Пролог

Везение привело их поздней ночью на заброшенную ферму на окраине Бриджуотера, куда они решили заглянуть скорее от отчаяния, чем с надеждой. Сотрудники полиции разыскивали Макса Уолторна, а следователь Луиза Блэкуэлл и ее коллега Тимоти Финч были ключевыми участниками следственной группы.

Запах этого места Луиза никогда не забудет. Когда следователи, осмотрев ряд хозяйственных построек фермы, вошли в открытый хлев, где животные содержались, должно быть, десятилетиями, на нее обрушилась невообразимая вонь. Земля словно начала двигаться, как только Блэкуэлл осветила фонариком копошащиеся кучи, выстилающие пол хлева. Следователь даже отвернулась, не в силах побороть тошноту.

– Луиза! – тихо и взволнованно произнес Финч.

Блэкуэлл справилась с рвотными позывами и вернулась к делу.

Финч стоял в углу хлева, его фонарь освещал трупы пропавших матери и дочери.

Луиза позвонила в участок.

Правильным было бы оставаться на месте и ждать подкрепления, но Финч не хотел терять времени.

– Обойди хлев снаружи, – прошептал он.

Луиза тоже не собиралась упускать выпавший шанс. Следователи больше года охотились за этим больным ублюдком, и если преступник все еще находится здесь, то она скорее проклянет себя, чем позволит ему сбежать из-за ее пассивности.

Женщина выскочила на улицу. Холодный ночной воздух едва мог разогнать гнилостный смрад, приставший к ее одежде и коже. Луиза ощущала, будто вонь, проникнув через ноздри и рот, укоренилась внутри тела. Следователь вытянула перед собой фонарь и двинулась по краю заросшей колеи к задней части хлева. В этот момент Луиза Блэкуэлл и заметила мерцание огня в развалинах фермерского дома. Она свернула за угол и осветила фонарем пространство за треснувшими окнами. Огонек внутри дома погас, ярко вспыхнув напоследок.

– Здесь есть человек, – тихо проговорила Луиза по рации своему коллеге Финчу и достала пистолет. После последнего убийства Уолтона, а именно ужасной перестрелки у доков в Бристоле, Блэкуэлл и Финчу выделили огнестрельное оружие. Луиза прошла полный обучающий курс, но ей все еще было непривычно носить при себе оружие.

– Я пройду через заднюю часть хлева, – предупредил Финч.

Задние двери хлева вскоре распахнулись, и свет фонаря Финча прорезал темноту. Пульс Луизы Блэкуэлл участился.

– Где? – прошептал подошедший к ней Финч. В правой руке он сжимал пистолет.

Луиза кивнула на главный фермерский дом.

– Спереди или сзади? – поинтересовалась она.

Теперь понятно, что это оказалось ее самой большой ошибкой. Они совершенно зря разделились в тот момент, пусть убийца, вполне вероятно, и мог скрыться.

– Ты заходишь сзади, – решил Финч.

– Нужно сообщить, что мы обнаружили преступника.

Финч пошел к дому.

– Нет времени, – бросил он на ходу. – Вперед!

Но Луиза сомневалась. Перед тем как идти в обход дома, она все же сообщила в участок о своем положении и общей ситуации. Луиза Блэкуэлл завернула за угол и, поскользнувшись на мокрой глине, остановилась и огляделась, не поднимая фонаря. Поле за фермой, заросшее бурьяном, напоминало кладбище сельскохозяйственной техники с ржавым комбайном по центру. Обвившие гигантский остов виноградные лозы, казалось, то ли удерживали его, то ли всасывали в землю. За полем располагалась лесистая местность, и Луиза вздрогнула при мысли, сколько человеческих тел они могли бы найти на этом пустыре.

Задняя дверь фермерского дома скрипнула. Луиза развернулась на месте с пистолетом перед собой, как ее тренировали, но там никого не было. Ей не хотелось связываться с Финчем по рации – это могло выдать его местонахождение, поэтому пришлось одной направиться к двери.

Запах внутри фермерского дома напоминал гнилостный смрад в хлеву, хотя теперь желудок Луизы уже спокойнее реагировал на это.

Финч мог находиться в опасности, поэтому следователь прокрадывалась вдоль стен и прислушивалась ко всем звукам. Луиза тщательно проверила первый этаж, осторожно обходя выхватываемые фонарем препятствия.

– Финч, – пробормотала Блэкуэлл себе под нос и вдруг услышала звук бьющегося стекла наверху. Луиза тут же ринулась вверх по деревянной лестнице и чуть не сломала лодыжку, когда ее правая нога застряла в дыре на одной из ступенек.

– Последняя комната справа от тебя, – раздался голос Финча. – Я думаю, он убегает! – добавил он.

Луиза на коленках поползла по коридору навстречу Финчу, приказывающему Уолтону выйти. Преступник не отзывался.

– Иду туда, – сообщил Финч.

– Он никуда не денется, Тим. Давай подождем. Скоро сюда придет подкрепление, – взывала к его благоразумию Луиза, уже понимая, что это не остановит Финча. Тим вовсе не хотел ждать подкрепления полиции, чтобы просто поймать убийцу, он жаждал личной славы.

– Прикрой меня, – сказал Финч и переступил порог.

Все случилось очень быстро. Финч споткнулся, пробираясь через коридор, и тут из угла в сторону Луизы метнулась фигура. Финч успел выкрикнуть:

– Он вооружен!

Восемнадцать месяцев спустя

Глава первая

Джефф Симмонс закрепил лодку и, спотыкаясь, спешно поднялся на холм. Симмонс чуть было не пропустил прилив, он едва успел сюда добраться. Мужчина остановился на вершине склона. Он переводил дыхание и не сомневался в своем уединении. Джефф все еще ощущал легкую боль и гадал, скоро ли она утихнет. Симмонс чувствовал и синяк на плече, и тяжесть в ногах, однако никак не мог понять, отчего ноет в центре напряженного живота.

Временный дом Джеффа Симмонса звал, но туда мужчина еще успеет попасть. Сейчас он боролся на бесплодном плато маленького острова, пока очертание материка не появилось в сумраке раннего утреннего света. Симмонс достал из рюкзака мощный бинокль, остановился и тяжело опустился на влажную землю. У него вспотели ладони, и мужчина снял перчатки – почесать покрытую шрамами кожу. Уши Джеффа наполнял звук волн, бьющихся о скалы.

С места, где сидел Симмонс, материк казался тенью – пятном мрака, освещенным редкими уличными фонарями. Он с рождения жил в Уэстон-сьюпер-Маре, однако чувствовал большую близость да вот к тому жу камню, на котором сейчас лежал. На острове он погружался в спокойствие, которого не ощущал на материке. Остров редко посещали люди, а в это время года здесь вообще было пусто. В Уэстоне же люди сновали по городу, как муравьи. Даже сейчас, сквозь туман, Джефф Симмонс видел силуэт рыбака, идущего от береговой линии в сторону отступающего моря. Джефф отрегулировал оптику бинокля, и очертания незнакомца стали отчетливее. Нетривиальное время для рыбалки, ведь скоро рыбак не сможет забросить снасти так, чтобы хотя бы намочить наживку, но Джеффа это не особенно удивило. Целью морской рыбалки редко когда была непосредственно ловля, и Симмонс предположил, что рыбак искал такого же спокойствия, какое сейчас Джефф испытывал на острове.

В любом случае скоро этот человек получит свое и покинет берег.

Джефф стиснул свой бинокль, когда рыбак остановился как вкопанный и уронил снаряжение. На секунду ему показалось, что рыбак собирается повернуться спиной и убежать из поля зрения

Джеффа – от увиденного, что находилось всего в нескольких метрах от него. Джефф прошептал: «Давай, подойди!» – он хотел этого. Время будто замерло. Но вот мужчина огляделся и медленно двинулся вперед. Джефф сосредоточился именно на фигуре рыбака, словно потеря незнакомца из виду могла привести к его исчезновению. Джефф задержал дыхание, когда мужчина упал на колени, а затем вытолкнул воздух из легких вместе с таким стоном, что сам испугался, не достигнет ли этот звук материка.

Только тогда он перевел бинокль – на долю секунды сфокусироваться на том, что обнаружил рыбак.

Почувствовал ли Джефф облегчение? Во всяком случае боль в животе усилилась, когда он пробирался через кусты диких пионов – Крутой Холм, а также соседний остров, Плоский Холм, были единственными местами в Великобритании, где росло это растение, – к пещере в известняковой скале. Отец показал ему это место, когда Джеффу было всего шесть лет. Это был их секрет, которым мужчина ни с кем не делился вплоть до последних двух дней. За эти годы и он, и отец провели много ночей в лагере рядом с укромным местечком, но ни один из них не хотел пользоваться убежищем в скале. Джефф никогда не спал в пещере и все так же пользовался одноместной палаткой во время кемпинга. В этом плане ничего не изменилось и сейчас, только теперь в пещере кое-кто находился.

Луч его фонарика нашел связанную фигуру. Человек заморгал от света, а Джефф вытащил кляп и влил ему в рот воду, как вино для причастия.

– Ты не обязан этого делать, – откашлявшись, сказал пленник.

Джефф сам не ожидал, что ему будет так легко игнорировать слова, произносимые этим человеком. Мольбы пленника растворялись в крике чаек и шуме моря. Джефф позволил ему сделать еще несколько глотков воды и снова вставил кляп. Глаза мужчины расширились от замешательства и страха.

Джефф показал пленнику то, что принес, а затем засунул это в карман грязных брюк мужчины.

Толстый ржавый гвоздь, пропитанный кровью.

Глава вторая

Луиза Блэкуэлл опустила на корточки, чтобы попрощаться с племянницей. Глаза девочки уже были полны слез.

– Увидимся в следующие выходные, – сказала Луиза, но это обещание не успокоило малышку Эмили.

– Ты не могла бы остаться? – спросила девочка, которой всего три недели назад исполнилось пять.

Луиза прикусила губу и попыталась сдержать эмоции. В доме брата имелась свободная комната, но, если бы она осталась, все стало бы только хуже.

– Эмили, я с большим удовольствием провела сегодняшний день, но мне нужно возвращаться к работе.

– Ловить плохих парней?

Луиза поцеловала племянницу в щеку, притянула к себе и повторила:

– Ловить плохих парней.

Перед уходом женщина заглянула в гостиную.

– Я ухожу, Пол, – сообщила она брату.

– Да, пока. – Пол даже не оторвал взгляд от экрана телевизора – следил за футбольным матчем. Он держал бокал красного вина, а буфетка на буфете уже опустела.

– Хочешь, чтобы я осталась? – спросила Луиза, но пожалела о вопросе, едва тот слетел с ее губ. Пол отхлебнул из бокала, вино запачкало его губы. Потом спросил:

– Думаешь, я не смогу присмотреть за собственной дочерью?

Эту присказку Пола Луиза слышала слишком много раз за последние два года.

Она знала, спорить с братом бессмысленно.

– Ну, ты знаешь, где меня найти.

Пол хмыкнул и вернулся к футбольному матчу. Как только Луиза стала открывать входную дверь, Эмили вцепилась в пальто своей тети. Хватка девочки была такой крепкой, что Луизе захотелось подхватить племянницу на руки и унести к себе домой.

– У тебя все будет хорошо, – сказала Луиза и осторожно разжала пальцы ребенка. – Иди и готовься ко сну. Уверена, папа почитает тебе, когда закончится футбол.

Эмили поджала губы и тяжело вздохнула. Этот жест был предельно душераздирающим и не по возрасту, поэтому Луиза проклинала бессердечие брата по отношению к дочери, несмотря на все случившееся с ним. Два года назад его жена Диана умерла, всего через две недели после постановки диагноза «рак кожи». Смерть Дианы от неизлечимой болезни в итоге оторвала от Луизы не только ее, но и Пола.

Блэкуэлл еще раз поцеловала племянницу, закрыла дверь и вышла на холодный октябрьский воздух.

В машине Луиза сидела и ждала, пока обогреватель прогреет салон. Все это время она боролась с желанием вернуться в квартиру брата, но вместо этого отправила сообщение матери, жившей всего в десяти минутах езды отсюда, и предложила ей навестить Пола сегодня же вечером.

Путешествие по трассе М-5 к новому месту жительства Луизы в Уэстон-сьюпер-Маре всегда было трудным, и не только потому, что она покидала Эмили. Каждый раз, когда Блэкуэлл ехала на юг и удалялась от любимого города, она испытывала глубокое чувство потери из-за ухода со старой работы в Основной следственной группе (МІТ). Хотя официально Луиза Блэкуэлл базировалась в штаб-квартире Эйвона и Сомерсета в Портисхеде, большая часть ее работы в МІТ проводилась в Бристоле.

Дорожный знак перед Эйвонмутским мостом оповещал о выезде из города, и дорога за ним вела будто в другой мир. Под бетонным переездом в водном канале стоял огромный танкер. Луиза представила глубину, удерживавшую судно на плаву, и ее настроение испортилось. Она могла бы остаться в Бристоле и ежедневно ездить на работу, но жить в Уэстоне было проще, чем ежедневно тратить время на дорогу.

Через сорок минут она съехала с автострады и, проехав короткий отрезок пути, оказалась возле своего нового дома. В Уорле, на окраине Уэстона, Луиза сняла коттедж с двумя спальнями сразу после того, как получила известие о своем переводе из МІТ. Дом когда-то принадлежал пожилой даме, недавно скончавшейся, и ее семья отчаянно пыталась избавиться от него за небольшую ежемесячную

плату. Но это явно не то место, где Луиза Блэкуэлл представляла себя в тридцать восемь лет, к тому же она была моложе большинства жителей этого округа минимум на тридцать лет.

Блэкуэлл шла к дому по каменной дорожке. Сосед Луизы, пожилой мужчина, о котором она знала только то, что его зовут мистер Торнтон, заполнял свой мусорный бак. Мужчина подозрительно посмотрел на нее и лишь коротко кивнул в ответ на ее «Добрый вечер».

Запах сырости с какой-то мускусно-кислой примесью встретил Луизу, едва она открыла дверь в дом. В Бристоле Блэкуэлл жила в шикарной однокомнатной квартире в Клифтоне. Воспоминание о прежнем жилище заставило ее вздрогнуть в этих стенах. Луиза прошла мимо выцветших обоев в цветочек в маленьком коридоре, ведущем в гостиную.

Это было добровольным наказанием. Квартира-студия в Клифтоне все еще была Блэкуэлл по средствам, но она убедила себя, что нужно жить в городе, где работаешь, что Бристоль должен остаться в прошлом. Телефон завибрировал. Луиза обрадовалась, узнав, что родители планируют вечером заглянуть к Полу. Теперь она точно могла отдохнуть перед завтрашней работой.

На ужин перед телевизором было разогретое куриное карри из морозилки. Она смотрела телевизионные передачи воскресного вечера и старалась не заикливаться на своем положении.

Луиза подумывала позвонить сержанту Томасу Айрленду, одному из сослуживцев в Уэстоне, единственному человеку, с которым она действительно общалась за последние полтора года. Впрочем, по многим причинам Блэкуэлл не могла этого сделать. Не в последнюю очередь из-за того, что Томас был женат и сейчас находился дома с семьей. Луиза приняла душ и стала читать в постели, когда вдруг пришло еще одно сообщение.

Она ожидала этого, но слова «*неизвестный номер*» на телефоне всегда заставляли сердце биться быстрее. Текст был привычным. Она получала нечто подобное почти каждый вечер с тех пор, как покинула Бристоль восемнадцать месяцев назад.

Надеюсь, ты хорошо выступишь, Луиза. Икс.

Инспектор Луиза Блэкуэлл ругнулась на еле заметную дрожь в руке и сделала все как обычно: достала блокнот, записала сообщение,

дату и время, а потом убрала блокнот и выключила телефон.

Глава третья

Луиза резко проснулась в шесть утра и потянулась за мобильным телефоном: вдруг он снова написал ей. Экран был пуст. Блэкуэлл ощутила легкое разочарование.

Через тридцать минут Луиза отправилась на работу. От коттеджа она двигалась по старой платной дороге вдоль побережья в сторону Кьюстока и въехала на набережную Уэстона с севера. Ей вдруг вспомнились давние семейные поездки, те чувства, которые возникали на одном из участков привычной дороги: чувство предвкушения, когда ее отец проезжал узкие повороты, и нервное возбуждение в сочетании со страхом, когда Луиза, сидя на заднем сиденье машины вместе с Полом, смотрела на отвесный край утеса. Родители тяжело приняли ее отъезд из Бристоля. Отец Луизы все еще не смирился с явной несправедливостью произошедшего. Каждый раз при встрече он предлагал подать в суд на полицейское управление. Дочь разделяла его огорчение, но должна была подождать. Она не забыла, что с ней случилось, и не простила виновных. До них Луиза еще доберется, но сейчас нужно жить своей жизнью и тем, что осталось от ее карьеры.

Солнце поднималось из-за черных туч, катившихся к горизонту. Луиза продвигалась мимо старинных фасадов отелей, полуразрушенного поля для гольфа и вдруг заметила грязно-коричневый пляж. Луиза Блэкуэлл могла сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз наблюдала море во время прилива, словно оно всегда находится где-то вдалеке за слоями песка и грязи и шумным большим пирсом, возвышающимся над набережной. Мутный участок воды, постоянно удаляющийся от города.

Следуя по дороге с односторонним движением, Луиза ненадолго заехала вглубь материка, подальше от развлекательных заведений, кафе и баров, в это утреннее время темных и пустынных, как будто давно заброшенных, и потом снова вернулась на набережную. Она остановилась напротив «Калимеры» – греческого ресторанчика, который посещала почти каждый день. Единственное место, открытое с раннего утра. Каждый раз инспектора обслуживала одна и та же женщина, владелица ресторана. Эффектная дама лет сорока, с

темными волосами, собранными в тугой высокий хвост, она никогда не вступала в разговор с Луизой. Владелица приняла заказ – Блэкуэлл пила только черный кофе – и молча поставила его на стойку.

Луиза взяла кофе, села у окна и посмотрела через дорогу на набережную. Эту привычку она приобрела едва ли не с первого дня работы в Уэстоне. До начала смены Блэкуэлл оставался еще час. Только сейчас она могла побыть одна. Маленький ресторанчик был тихой гаванью, а Луиза – часто единственным утренним посетителем. Одиночество давало ей возможность спланировать день, ведь потом следователь обязательно вовлекалась в офисную работу. Большая часть деятельности Блэкуэлл с момента приезда в Уэстон заключалась в руководстве группами по борьбе с наркотиками. Северный Сомерсет был одним из худших районов страны с точки зрения злоупотребления наркотиками, поэтому Луиза тратила много времени на небольшие группировки, проникшие в приморский город. В последнее время ее работа сосредотачивалась на притоке нового препарата, за последние два месяца виновного в смерти трех граждан этого маленького городка. В Уэстон-сьюпер-Маре находилась десятая часть всех центров реабилитации наркоманов в стране. Этот факт все еще поражал Луизу. Вместе с выздоравливающими наркоманами появились как цепочки спроса, так и цепочки поставок.

– Спасибо, – произнесла Луиза и положила деньги на прилавок. Никакой реакции не последовало. Луиза вышла из ресторана и через пять минут была уже на работе.

Здание полицейского управления представляло собой бело-серое строение рядом с ратушей, в нескольких минутах ходьбы от набережной. В следующем году здание должны закрыть, поэтому большинство сотрудников переехало в новый, специально построенный полицейский «центр» недалеко от коттеджа Луизы в Уорле. Блэкуэлл припарковалась и обменялась кивками с несколькими сотрудниками.

Она направилась в отдел уголовного розыска. Хотя Луиза Блэкуэлл и проработала в новой должности целых восемнадцать месяцев, но большинство людей все еще с опаской относилось к следователю и к ее прошлому. Разговоры затихали, когда она входила в офис, а сотрудники обменивались странными взглядами. Подобное сложно заметить, однако она отмечала такие нюансы. Луиза не

беспокоилась из-за подобных мелочей и не спешила быть до конца принятой в коллектив. Впрочем, на этом месте работы ей сильно не хватало темпа. Она привыкла находиться в шумном офисе, где множество офицеров работали над многочисленными делами. Здесь же все двигалось немного медленнее. Войдя в отдел, она сразу почувствовала разницу между обычной атмосферой и сегодняшней. Офицеры и вспомогательный персонал, все вели себя гораздо оживленнее.

Офис-менеджер Симона остановила Луизу Блэкуэлл, не дав следователю даже подойти к своему столу.

– Я вам звонила. Старший инспектор Робертсон хочет видеть вас немедленно, – сообщила женщина, как всегда смотревшая на нее с неприязнью.

Луиза проверила телефон и обнаружила на экране пять пропущенных звонков за последние двадцать минут. Блэкуэлл отругала себя за то, что забыла отключить беззвучный режим. Следователь бросила сумку на стол и в расстроенных чувствах направилась в кабинет старшего инспектора Робертсона. Несколько коллег остановились и посмотрели на нее.

– Сэр, – начала Луиза. В таких обстоятельствах она решила прибегнуть к формальности.

Старший инспектор Робертсон оторвал взгляд от экрана и уставился на следователя. Уроженец Глазго, он прожил в Уэстоне двадцать лет.

– Засиделись допоздна? – поинтересовался старший инспектор, говоря с сильным акцентом, на который не повлияли годы, проведенные в западной части страны.

– Извините, телефон стоял на беззвучном режиме.

Робертсон лишь поднял брови.

– Садитесь, – коротко сказал он.

– Что случилось, Йен? – спросила Луиза, обрадовавшись, что начальник не сделал ей выговор за пропущенные звонки.

– На пляже нашли тело. Первый свидетель прибыл туда сегодня в половине шестого утра, незадолго до того, как мы начали вам звонить.

Луиза взглянула на часы на стене: семь пятнадцать.

– Тело? – переспросила она, проигнорировав выпад Йена Робертсона.

– Женщина, шестидесяти восьми лет, найдена рыбаком. Похоже, вы наконец-то будете расследовать убийство.

Вообще-то, это было не первое ее дело об убийстве с момента приезда в Уэстон. Луиза Блэкуэлл была старшим следователем по семейному делу: муж убил жену после ссоры из-за ее подозрений в супружеской неверности. Мужчина сознался на месте преступления, и дело закончилось до того, как началось. Сейчас, судя по всему, Луизе предстояло заняться тем, чем она занималась, работая в Бристоле, – расследованием убийства. Она ощутила знакомый прилив возбуждения, когда шла к набережной.

На южной стороне пирса на пляже колыхалась на ветру белая палатка. Ее установили криминалисты. Палатку разбили примерно в двухстах метрах от набережной, а кромка моря находилась по крайней мере еще в двухстах.

Воздух был пропитан запахом серы и гниющих морских водорослей. Песчинки, поднимаемые порывами ветра, покалывали лицо. Луиза Блэкуэлл двигалась по рыхлому песку к влажной, похожей на грязь субстанции, где разбили палатку. За ней вдалеке из моря выступал кусок скалы – пустынный остров Крутой Холм, который следователь никогда не посещала, хотя всю свою жизнь прожила на юго-западе.

Она поздоровалась с офицером в форме, стоящим на входе, вошла в палатку и краем глаза увидела жертву. Волна знакомых ощущений накрыла Луизу, едва она натянула белый защитный комбинезон. Запахи и звуки места убийства, дрожь предвкушения и адреналин заставляли Блэкуэлл действовать, несмотря на тот факт, что приходится иметь дело с мертвым телом. Мысленно Луиза была рада признать, что, похоже, все еще не привыкла к таким вещам. Но сейчас не хотелось анализировать свою реакцию.

Она уже направлялась к труп, как вдруг почувствовала головокружение. Луиза остановилась, борясь с волной тошноты, подступающей к горлу. Ее позывы провоцировали жар от костюма и духота в тесной палатке, да и приторный запах убийства, который тут

же напомнил ей дело Макса Уолтона. Это последнее дело об убийстве было навязчивой идеей Блэкуэлл в течение двух лет и причиной, по которой она находилась в Уэстоне. Стоя в палатке, Луиза будто чувствовала запах заброшенной свинофермы. Этот запах покрыл ее кожу и наполнил ноздри. Все это вынуждало ее покинуть палатку. Коллеги-офицеры уставились на следователя, и Луиза Блэкуэлл поняла, что они подумали об одном и том же – причине ее перевода в Уэстон. Но Луиза знала, что тогда она предприняла действия, которые считала необходимыми. Здесь, на ее первом настоящем месте убийства, она не хотела снова почувствовать недоверие коллег, поэтому, усилием воли вернув ногам устойчивость, заставила себя подойти к жертве.

Луиза уже знала некоторых из сотрудников, но все равно представилась.

– Инспектор Луиза Блэкуэлл, старший следователь. Что у нас имеется? – спросила она и обрадовалась, что голос прозвучал довольно твердо.

Первым заговорил окружной патологоанатом Стивен Демпси:

– А, инспектор Блэкуэлл, вы возглавляете это дело?

Она кивнула с дежурной улыбкой. Он говорил громко и уверенно лишь в присутствии коллег, но Луиза знала Стивена лучше. Его бравада была показушной. Настоящий Стивен Демпси – неуверенный в себе человек, неуклюжий, неспособный долго притворяться кем-то другим. Луиза покраснела: она вспомнила, как узнала характер Демпси.

Жертва, Вероника Ллойд, лежала на спине. Ее кожа была такой же белой, как и палатка, если не считать черно-фиолетовых пятен на различных частях тела. Патологоанатом указал на останки правой руки женщины.

– Черт знает что, – отметил он без всякой надобности. – Бедная женщина вся в недавно нанесенных травмах. Ноги жертвы разбиты во многих местах, и у нее серьезные ссадины на плечах. Похоже, несчастную связывали, – добавил Стивен Демпси и указал на глубокие борозды на лодыжках и запястьях женщины, где, похоже, веревки или проволоки были стянуты так туго, что впивались в плоть и разрывали кожу.

На месте преступления крови было немного, хотя на теле имелись резаные раны. В принципе, кровь мог впитать влажный песок под трупом, и это кое-что подсказало Луизе.

– Тело переместили?

– Правильная догадка, инспектор Блэкуэлл. Признаки такой синюшности на лице жертвы предполагают, что ее изуродовали посмертно. – Демпси положил руку на правое запястье женщины. – Убийца перерезал ей лучевую артерию прямо здесь. Явно пролилось много крови. Нам нужно будет взять образцы окружающего песка, когда труп заберут. Убийца на самом деле кое-что сделал с ее ладонью, – добавил Стивен и поднял руку жертвы, кисть которой представляла собой рваное месиво. – Полагаю, преступник пронзал ее вот здесь, движением вниз, что изуродовало все запястье. Очевидно, мы выясним подробности позже.

Головокружение вернулось. Луиза отошла в угол палатки и притворилась, что проверяет телефон. Образ Макса Уолтона, перед тем как она застрелила преступника, промелькнул у Блэкуэлл в голове. Ей потребовалось все самообладание, чтобы остаться в палатке еще на несколько минут. Она боролась с клаустрофобией, смущенная своей реакцией. Луиза наблюдала, как криминалисты снимали на видео место преступления. Она не сводила глаз с тела, заставляла себя изучать каждый миллиметр плоти несчастной женщины, но в конце концов не смогла больше терпеть и направилась к выходу. Встретившись взглядом с одним из криминалистов, она отодвинула плотный полог палатки. Как же она обрадовалась порыву холодного ветра!

Луиза расстегнула костюм, хотя ей хотелось просто сорвать его со своего тела. Когда костюм удалось снять, головокружение прошло. Ощущение гниющей плоти и свиных экскрементов исчезло.

– Нам нужно расширить периметр оцепления, – сказала одному из полицейских в форме. Сейчас полицейская лента была натянута всего в пятидесяти метрах от палатки.

– Насколько? – спросил офицер, высокий мужчина, которого Луиза знала просто как Хьюза. Офицер задал вопрос с явным оттенком воинственности, и Луиза пристально и недовольно посмотрела на констебля.

К горизонту море почти исчезло и оставило на своем месте почти бесконечный слой грязи. Несмотря на суматоху на пляже, местность была пустынной. Луиза оглядела обширное пространство влажного песка и задалась вопросом, почему убийца решил оставить тело именно там.

– Я хочу, чтобы весь пляж был очищен от посторонних, – произнесла старший следователь.

– Весь пляж? – переспросил Хьюз, и удивление на его лице стало едва ли не комичным.

– Да, весь пляж. Я имею в виду именно пляж. Слишком хлопотно для вас, констебль Хьюз?

Хьюз нахмурился и кинул взгляд на одного из коллег, стоявшего на страже у входа в палатку.

– Нет, мэм, – произнес он и посмотрел себе под ноги.

– Хорошо. Пожалуйста, очистите его.

Луиза развернулась и, помимо полицейских, насчитала на пляже, насколько могла видеть, еще четырех человек. Она знала, что, возможно, переборщила, предложив освободить весь пляж, но пренебрежительный взгляд Хьюза разозлил ее. Когда Луиза Блэкуэлл только начинала осваиваться в городе, все еще отягощенная той бристольской историей, она, вероятно, спокойнее отнеслась бы к некомпетентности, чем относилась к подобному в MIT. Женщину потрясли события, заставившие ее отправиться в Уэстон, а конкретно – последствия дела Уолтона, и только недавно следователь поняла, насколько сильно отъезд в целом повлиял на нее. Теперь все должно измениться. Заставить опытного полицейского выполнять дополнительную работу – всего лишь маленький шаг. Он справится, сейчас явно не разгар лета.

Хьюз передал инструкции Блэкуэлл коллегам. Луиза быстро отошла от палатки, довольная, что находится на некотором расстоянии от царившей внутри суматохи. Она прошла по песчаному отрезку к месту, где разрешалось парковать машины. Луиза с детства помнила такую уэстонскую причуду и была удивлена, когда обнаружила, что машины все еще пускают на пляж. В детстве отец Луизы шутил, что собирается съездить в море. Позже Луиза и Пол по очереди сидели у него на коленях на водительском месте – им разрешалось держать руль

во время движения машины по песку. Взволнованная мама сидела на пассажирском сиденье.

Солнечный фон всегда сопровождал воспоминания Луизы о времени, проведенном в Уэстоне, словно приморское уединение ее детства было прямо каким-то карибским раем. Она, конечно, догадывалась, что родители всегда выбирали солнечные дни для однодневных поездок, однако промозглая, серая, ветреная обстановка, в которой она сейчас находилась, настолько отличалась от ее воспоминаний, что Луиза практически не могла их совместить.

Луиза остановилась у подножия гряды песчаных дюн. Когда-то они с Полом с трудом карабкались вверх по крутым осыпающимся склонам, а солнце палило их головы. Теперь дюны казались не более чем маленькими холмиками, поэтому Блэкуэлл даже задумалась, куда со временем подевалась их мощь, не смыло ли их вершины приливом?

Но о том, что действительно ее беспокоило, Луизе думать не хотелось.

В свое время она видела гораздо худшее, чем труп Вероники Ллойд. Луизе доводилось сталкиваться с вещами, которые она никогда не забудет, и, хотя раны, нанесенные бедной женщине, были ужасны, она привыкла к таким картинам. Или она просто так думала? Уже прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как она покинула МПТ, и, возможно, за это время она смягчилась. Более того, Луиза приветствовала такой расклад. Ей придется уволиться, когда вид жертвы убийства перестанет волновать ее, следователя, но то, что она никак не могла для себя определить характер собственной реакции на тело Вероники Ллойд, расстроило Луизу. Значит, ей только предстоит полностью оправиться от инцидента с Максом Уолтоном и отношений с ее бывшим мужчиной, инспектором.

Луиза взобралась на песчаную дюну. От короткого подъема перехватило дыхание, что вызвало у нее раздражение. Она взглянула на широкую панораму пляжа. Луиза представила раны Вероники Ллойд, серьезные порезы на запястьях, синяки на плечах, искалеченные кости ног. Блэкуэлл протиснулась сквозь виноградные лозы, ежевику позади дюн и посмотрела вниз, за пляж, на зеленое поле для гольфа. Одинокий игрок в гольф выровнял мяч по метке, сделал несколько прицеливающихся замахов и ударил по мячу, тот улетел и тяжело приземлился на траве поля.

Луиза отвернулась и все же предалась размышлениям, которых очень хотела избежать.

Старший инспектор Финч.

Блэкуэлл сколько угодно могла притворяться, что он ничего для нее не значит, но именно мысль о Финче вызвала ту реакцию Луизы в палатке. Тимоти Финч. Такое скромное имя. Они начали работать в Бристоле примерно в одно и то же время и вместе сотрудничали в течение последних пяти лет. Оба коллеги, оба следователи-инспекторы, при этом еще и случайные любовники. Все в итоге повернулось в пользу Финча. Теперь Луиза видела это совершенно ясно. Она все поняла через долю секунды, как только дело Уолтона было раскрыто. Тимоти манипулировал ею и вел по пути, который она никогда бы не выбрала в одиночку.

Луиза никогда не узнает, действительно ли Финч думал, что Уолтон держал пистолет в ту ночь, или у коллеги-любовника даже хватило хитрости подставить Блэкуэлл. Она не колебалась, она видела тела в хлеву. Преступник и раньше стрелял из пистолета, а Финч к тому же сказал ей, что Уолтон держал его в руках. Луиза направила собственный пистолет в темную фигуру и произвела три выстрела. Человек мгновенно упал на землю.

Блэкуэлл отстранили от работы на время расследования убийства. ДНК Уолтона находилась повсюду. Преступник был однозначно связан со всеми жертвами и еще четырьмя телами, найденными в лесу за фермой. Некоторым Луиза Блэкуэлл казалась героиней, ведь она уничтожила хладнокровного убийцу. Однако, по мнению других, Луиза убила безоружного человека. Она умоляла Финча сказать правду. Тимоти Финч, похоже, был великим актером. Даже когда они были наедине, он продолжал притворяться:

– Извини, Луиза, но я вовсе не говорил, что он был вооружен, – произнес Финч настолько убедительно, что она сама едва не поверила в это. Потом, когда Луиза уже уехала, его повесили до старшего инспектора, и все увиделось в другом свете. Тимоти никак не мог все это спланировать, и, если бы не споткнулся, он сам мог выстрелить в безоружного человека, но в том раскладе увидел возможность и ухватился за нее. Оба следователя шутили, что их столкнули друг с другом в гонке за повышение, но Луиза никогда бы не подумала, что Тимоти Финч когда-нибудь окажется таким непорядочным.

Суд решил, что следователь проявила небрежность, но если учитывать обстоятельства и не считать противоречивые показания Финча, то стрельба была законной. К большому сожалению, главный констебль и, в частности, его помощник Морли были другого мнения. Они устали от негатива, распространяемого СМИ, и предложили ей переехать в Уэстон.

Луиза Блэкуэлл приняла бы все и признала свою роль в событиях, закончившихся смертью Уолтона на ферме, оставь Финч ее в покое, но восемнадцать месяцев спустя он все еще донимал ее. После повышения бывший любовник немедленно отсек ее от себя и сыграл важную роль в отъезде Блэкуэлл в Уэстон. Но и этого ему явно было недостаточно. Финч анонимно писал ей каждый вечер. У Луизы, конечно, не имелось доказательств, и Тимоти слишком осторожно себя вел, но она не сомневалась, кто был этим таинственным незнакомцем.

И теперь еще и это. Женщина не видела Тимоти Финча почти полтора года, но он все еще очень сильно влиял на нее. Он всегда так действовал: небольшие манипуляции и демонстрация силы. Луиза Блэкуэлл должна была разглядеть сущность Финча гораздо раньше, ведь друзья предупреждали ее, но она предпочла сомневаться в себе.

Луиза плохо почувствовала себя в палатке не из-за того, что увидела, или даже не из-за того, что произошло на ферме Макса Уолтона. Блэкуэлл так отреагировала из-за Финча, того, что он заставлял ее делать, и власти, которую Тимоти все еще имел над ней.

«Ну и черт с ним», – подумала женщина, наблюдая, как игрок в гольф сделал свой бросок. Пришло время Луизе жить своей жизнью, а Финчу – получить по заслугам.

Глава четвертая

Эйлин Босвелл любила свои еженедельные путешествия – раннюю утреннюю прогулку на свою единственную работу. Женщина могла бы поехать на автобусе, позволить себе эту роскошь, когда зима полностью овладеет городом, но Босвелл не дождалась бы до восьмидесяти одного года, если бы выбирала легкий путь. Эйлин всегда следовала одним и тем же маршрутом: вниз по лестнице на автостоянку у железнодорожного вокзала – и вдоль тропинки, ведущей к морю.

Она всю жизнь провела в приморском городке Сент-Айвз в Корнуолле. За прошедшие годы место изменилось до неузнаваемости, но здесь, наедине с плещущем о стену гавани морем, Эйлин могла представить, будто она снова маленькая девочка. Она многим бы пожертвовала, лишь бы опять, как в детстве, нырнуть со стены в прекрасную, чистую воду. Пожилая женщина остановилась и усмехнулась: на это уже не было энергии и сил. Может, в один прекрасный день она так и поступит. Пусть вода проводит ее в последний путь.

Но не сегодня. Сегодня ей нужно добраться до дома мистера Ланегана. Хотя этот мужчина и был на целых десять лет моложе ее, он не мог полностью заботиться о себе. Ланеган платил Эйлин несколько фунтов каждую неделю за хорошую уборку в доме. Деньги не имели значения. Уборка была поводом выйти из дома, кроме того, когда Ланеган был в настроении, он становился отличным собеседником.

Эйлин покинула набережную и направилась к кинотеатру, к счастью свободному от туристов. Она спускалась по мощеной улице, идущей под уклон, и ворчала, когда проходила мимо магазинов для любителей серфинга и новых рыбных ресторанов. Женщина остановилась у кинотеатра, прищурилась на яркие плакаты и подождала, пока восстановится дыхание. Казалось, холм становился все круче с каждой неделей. Эйлин Босвелл взглянула на автобус, подъехавший к остановке и открывший свои двери прямо перед ней, и вновь тронулась в путь.

Никто не готовит вас к старости – особенно сами старики. Мать и бабушка Эйлин дожили до девяноста лет. Босвелл ни разу не слышала их жалоб. Страдали ли ее близкие так же, как Эйлин? Когда она поднималась вверх по склону, то слышала скрип в костях, а когда буквально заставляла конечности передвигаться, болели остатки ее мышц.

Босвелл сражалась с ледяным ветром и размышляла о Терренсе. В последний раз он звонил шесть месяцев назад, и тогда разговор длился меньше пяти минут. Эйлин не могла винить Терренса. У него была семья, и они жили в другой стране. Дети ведь должны вырастать и уезжать? Она дала Терренсу независимость и сейчас должна быть довольна, что сын самостоятельно движется по выбранному им пути.

До сих пор так и было. Но Эйлин Босвелл видела внуков всего один раз. После той встречи у сына и его семьи не находится на нее времени. Рейсы из Австралии слишком дорогие, как-то возразил Терренс, и однажды, когда пожилая женщина набралась смелости посетить турагента, она обнаружила: сын был прав. С тех пор она копила деньги, но пенсия не «растягивалась», как раньше, даже с подработкой уборщицей. Эйлин еще не хватало нескольких сотен фунтов на обратную дорогу.

Женщина в который раз остановилась у пожарной станции, повернула налево и поднялась на другой холм к дому мистера Ланегана. Эйлин позвонила в дверь и с удивлением обнаружила, что никто не открывает. Мистеру Ланегану нравилась ее уборка, он ценил домашний уют. Обычно он первым делом наливал Босвелл чашку кофе из очередного модного кофейника, что сегодня у него был в ходу. Затем Ланеган всегда спрашивал Эйлин, как она, как прошла ее неделя, и улыбался. *«О, эта его улыбка!»* – подумала пожилая женщина и стала рыться в сумке в поисках ключей.

Эйлин уже очень давно сама не открывала дверь, поэтому не могла вспомнить, какой из множества ключей на связке, а она собирала ее годами, принадлежал мистеру Ланегану. Босвелл начала попробовать по очереди каждый ключ. Холод усиливал ее артрит, пока дрожащие пальцы каждый раз искали замочную скважину. В конце концов она подобрала нужный ключ. Кожа на руках буквально потрескалась от холода, но она наконец открыла дверь.

– Здравствуйте, – произнесла Эйлин в прихожей, сняла пальто и повесила его на крючок вешалки. Ее голос эхом отразился от стен. Пожилая женщина почувствовала холод, словно мистер Ланеган не включил обогреватель. – Здравствуйте, – снова позвала она, немного поколебалась, затем прошла на кухню, где мистер Ланеган проводил большую часть времени. Женщина нахмурилась и разочарованно оглядела помещение. Кофеварка, стоящая на буфете, тоже была чистая и пустая.

«Видимо, мистер Ланеган забыл сказать мне, что его не будет весь день», – подумала она и достала чистящие средства из-под кухонной раковины. Впрочем, это очень странно. За последние десять лет Эйлин Босвелл не могла припомнить случая, чтобы мистера Ланегана не было дома, когда она приходила. Она вымыла раковину, более чистую, чем обычно, и с меньшим удовольствием начала приводить в порядок пол.

Женщина убирала гостиную и изо всех сил старалась не обращать внимания на зловещую фигуру Иисуса Христа на гигантском распятии, занимавшем немалую часть комнаты. Эйлин пыталась понять, что ее беспокоит. Очевидно, она скучала по утренней чашке кофе, но в глубине души знала – дело не только в этом. Босвелл не хотела этого признавать и отказывалась делать из факта проблему, но выходило, что мистер Ланеган был ее единственным другом. Каждую неделю она с нетерпением ждала нужного дня и выдерживала долгую прогулку в гору, ведь это было частью процесса. Несколько часов, которые ей удавалось провести в этом доме, были драгоценны, и теперь ей придется ждать еще неделю, прежде чем она снова увидит мистера Ланегана, то есть впереди еще целая неделя без дружеской беседы.

Уборка в доме заняла немного времени. Эйлин не заметила обычного беспорядка мистера Ланегана, и работа была закончена по крайней мере за полчаса. Женщина надела пальто и написала записку мистеру Ланегану. В ней она сообщала, что увидится с ним на следующей неделе и чтобы мистер Ланеган не беспокоился, что не оставил ей денег.

Эйлин Босвелл кинула быстрый взгляд на термостат и подумала, что должна поставить прибор на обогрев, но ее смутил цифровой дисплей, поэтому она оставила эту затею в покое. Женщина заперла

дверь, отошла от дома и прошептала: «Увидимся на следующей неделе».

Глава пятая

Луиза вернулась в палатку. К этому времени оцепление было расширено, а на набережной собралась толпа. Она без колебаний вошла в палатку и обрадовалась, что поняла причину беспокойства. Луиза напомнила себе – она самый опытный офицер здесь, и с профессиональной отстраненностью наблюдала, как уносили тело Вероники Ллойд, а Демпси заканчивал анализ.

– Стивен, на пару слов, – обратилась она к патологоанатому, упаковывавшему оборудование.

Демпси улыбнулся. На мгновение Луиза почувствовала вину, что она так бесцеремонно обошлась с ним после их совместной ночи. В Демпси была определенная наивность, которая при других обстоятельствах показалась бы ей милой.

– Луиза, ты так быстро ушла. Все нормально?

– Все хорошо, Стивен. Вскрытие должно быть завершено как можно быстрее.

– Где-то я это уже слышал.

Луиза улыбнулась мужчине и заметила:

– Выйдешь на улицу – увидишь толпу. Подозреваю, это происшествие будет громкой новостью. Скорость, с которой мы получим твоё заключение, принесет пользу нам обоим.

Демпси улыбнулся, хотел что-то сказать, но ответил только:

– Я сделаю все, что в моих силах, – пообещал он и вышел из палатки.

В участке был создан оперативный штаб. Луиза потратила остаток утра на распределение обязанностей в команде. Появилась информация о жертве. Вероника Ллойд была школьной учительницей на пенсии. Она никогда не выходила замуж, но вела активную общественную жизнь, сосредоточенную вокруг местного теннисного

клуба и местной церкви Святой Бернадетты. Все родственники Ллойд уже умерли, и, похоже, у нее не было ни с кем близких отношений.

За годы, проведенные Луизой Блэкуэлл в МПТ, она выучила процедуру расследования убийства назубок. Луиза пробовала и проверяла тысячу раз самые разные методы и процедуры. Сейчас она испытывала удовольствие оттого, что все было сосредоточено по местам. Ее роль в качестве старшего следователя – в основном управленческая, но, в отличие от многих офицеров на должности Луизы, она настаивала на своем участии с самого начала расследования. С одной стороны, Блэкуэлл, конечно, доверяла офицерам, но с другой – у нее был самый большой опыт расследования убийств в команде и она не собиралась оставлять его без применения.

Луиза Блэкуэлл поехала в жилой комплекс Вероники. Ее дом находился на окраине Олдмиксона, рядом с больницей, да еще и в конце ряда одинаковых террасных послевоенных домов мрачного серого цвета.

Томас поздоровался с Луизой, едва она вошла в дом Вероники.

– Мэм, – формально поприветствовал он Блэкуэлл, обращаясь так при офицере в форме, охраняющем дверь.

Томас Айрленд был на десять лет моложе Луизы, вскоре он должен был получить звание инспектора. Айрленд родился и вырос в Уэстоне, обладал легким обаянием и приветливостью, что делало его популярным и среди начальства, и среди подчиненных. Луиза улыбнулась про себя и подумала, что чуть не позвонила ему прошлой ночью.

– Томас, что у тебя здесь? – спросила Луиза и вошла в гостиную.

– Боюсь, ничего особенного. Похоже, здесь не было взлома. Кажется, все на месте. Если и была борьба, то нет никаких ее признаков.

Блэкуэлл оглядела помещение. Гостиная хорошо обставлена и не загромождена, за исключением переполненного книжного шкафа над камином. Единственное кресло, украшенное покрывалом с цветочным узором, повернуто к маленькому телевизору. Рядом – двухместный диван из искусственной кожи, все еще упакованный в защитную пленку.

Луиза бродила по дому. Возникло ощущение определенной закономерности. Все было аккуратно и хорошо обустроено, возможно до маниакальности. В доме все пребывало на своих местах, было вычищено и отполировано до совершенства. Единственная странность – неупорядоченные книги на полках в каждой комнате. Большинство были триллерами в мягких обложках, но среди них присутствовали и несколько книг классических авторов – Оруэлла, Грина, Остин, Вульф, а также ряд детских книжек и научно-популярных изданий. Луиза подумала о нехватке книг в ее коттедже и поняла, какой тоскливой покажется следователям ее домашняя жизнь, если однажды ее постигнет та же участь, что и Веронику.

Вид одинокой односпальной кровати неожиданно вызвал у Луизы Блэкуэлл грусть, но тут же следователь напомнила себе, что должна думать практически, а не эмоционально. Вероника никогда не была замужем. Односпальная кровать свидетельствовала о человеке, который всю жизнь провел в одиночестве либо по собственному выбору, либо вынужденно. Луиза уже собиралась уходить, как вдруг заметила на книжной полке старую шкатулку для драгоценностей. Она напоминала деревянную шкатулку, принадлежавшую ее матери. Когда шкатулку открывали, в ней играла музыка.

Луиза потянулась к верхней полке и достала ее. Блэкуэлл заметила, что музыкальную шкатулку недавно отполировали. Женщина улыбнулась, открыла крышку, и вращающийся цилиндр внутри воспроизвел незнакомую Луизе мелодию. Желтый стикер указывал, что сотрудники уже обыскали шкатулку, но она все равно осмотрела содержимое трех ее уровней. Каждый из них был выложен дешевыми на вид, в основном посеребренными украшениями. Блэкуэлл уже собиралась запечатать музыкальную шкатулку обратно, как заметила защелку в ее задней части. Луиза прищурилась, отстегнула ее и увидела подпружиненное секретное отделение. В нем лежал небольшой матерчатый мешочек, обмотанный бечевкой.

Она надела латексные перчатки, развязала мешочек и покачала головой. В мешочке Луиза нашла пластиковый футляр. Она много раз видела подобные тайники раньше. В футляре было четыре предмета – шнурок, ложка, шприц и бумажная обертка. Женщина развернула обертку и увидела серовато-белый рассыпчатый порошок, который, по опыту Луизы, скорее всего окажется героином.

Старший инспектор Робертсон вызвал следователя Луизу Блэкуэлл в кабинет после дневного брифинга. Мужчина положил на стол перед Блэкуэлл экземпляр «*Бристоль пост*». В глаза бросалась статья: «Обнаружение тела Вероники на пляже».

– А вот это уже поинтереснее, – сказал он.

– Не каждый день на нашем пляже происходит жестокое убийство, Йен.

– Я не это имел в виду, – отозвался Робертсон и перевернул газету. – Штаб-квартира запрашивает регулярную информацию о продвижении дела. Начальство проявляет большой интерес, особенно руководитель вашей старой команды.

Луиза закрыла глаза и постаралась справиться с нарастающим гневом, вызванным этим сообщением.

Финч.

Она хотела поговорить с Йеном Робертсоном, готовая защищать свою позицию, настаивать, что это ее дело, что штаб-квартира не должна вмешиваться в ее расследование, но решила, что пока лучше придержать язык.

Робертсон потер правый глаз.

– Послушайте, мне все равно, что с вами там случилось. Я не жалею на вашу работу с момента переезда, но вы должны понимать, что сотрудники с вашего прежнего места службы будут внимательно следить за вами.

– Я понимаю, Йен. – Луиза могла бы предположить: старший инспектор и назначил ее старшим следователем по делу Вероники Ллойд, чтобы самому избежать ответственности за результат, но Робертсон всегда справедливо относился к сотрудникам. Во всяком случае его решение было комплиментом, признанием доверия к ней. Но она ничего больше не могла сделать в первый день расследования. Йен Робертсон мог прочитать ее отчет и понять это.

Мужчина вздохнул. Он явно боролся с каким-то внутренним напряжением.

– Вы должны быть готовы. Из-за... – Робертсон отвел взгляд и снова начал потирать глаз. Луиза подавила смех. – Послушайте, вы будете находиться под пристальным наблюдением. Еще больше, чем

раньше. Так всегда происходит, когда мы получаем здесь что-то важное, а с вашей... историей...

– Я понимаю, Йен, – повторила Луиза. – Все будет тщательно продумано и прозрачно.

Робертсон еще не закончил. Луиза оценила осторожность, с которой старший инспектор подбирает слова, но им обоим было бы легче, выскажи Йен Робертсон то, что он действительно хотел сказать.

– Помните, я здесь в вашем распоряжении двадцать четыре часа в сутки.

– Я ценю это, Йен.

– Если будут проблемы, обратитесь ко мне. Вам не нужно вступать в конфликты.

Мысли Луизы вернулись к текстовому сообщению, которое она получила от Финча прошлой ночью, и она не на шутку разволновалась.

– Понятно? – спросил Робертсон с гортанным акцентом. Луиза несколько секунд выдерживала пристальный взгляд своего начальника и затем ответила:

– Понятно.

Блэкуэлл вернулась домой в десять вечера и приготовила миску хлопьев в тишине гостиной. На длинной стене комнаты она разместила «доску убийств» и прикрепила множество фотографий Вероники Ллойд, в том числе пляжных. «Зачем кому-то захотелось вас убить?» – мысленно обратилась она к фотографиям жертвы. Хлопья остались почти нетронутыми. Вскоре Луиза легла спать. Она хотела вернуться в офис рано, до шести утра. Телефон завибрировал в ту же секунду, как только она выключила свет в спальне. Она рассмеялась, отметив своевременность сообщения. Луиза потянулась к прикроватному столику, схватила телефон, прищурилась и прочитала сообщение:

«Ты нашла себе интересное дело, Луиза. Я надеюсь, все пройдет гладко. Икс.»

Глава шестая

Луиза заснула с трудом. На следующее утро она встала с постели и почувствовала боль во всем теле. Вопреки желанию Блэкуэлл, последнее сообщение Финча дошло до нее. Одно дело, когда сообщения были на общие темы – приуроченными к ее сну или приходящими ранним утром, но этот текст сильно отличался. Это и наводило на мысль, что бывший любовник, возможно, все время следил за ней.

Когда они работали вместе, Луиза не замечала подобные черты в Финче, но, если подумать, темная сторона всегда присутствовала в нем. Тимоти обижался на других членов команды, он не забывал даже самые пустяковые конфликты. Мужчина постоянно боролся за власть, манипулировал ситуациями и результатами в свою пользу. Молодой член их команды в Портисхеде, Уилл Мэннинг, попросил о переводе через пару лет после начала работы Луизы в МПГ. В то время большинство в команде думало, что он просто не справлялся, но после дела Уолтона Луиза поговорила с Мэннингом. Уилл рассказал ей о тайных издевательствах Финча: постоянных подставах, приписывании себе заслуг за работу, проведенную Мэннингом. Уилл Мэннинг решил не высказываться против Тимоти Финча из-за опасений, что такой шаг помешает его карьере. Луиза умоляла Мэннинга помочь в ее собственном деле против Финча, но тот отказался, он, видимо, боялся возмездия.

Теперь она задавалась вопросом, следил ли Финч за Мэннингом так же, как следил за ней. До сих пор Тимоти Финч проявлял предельную осторожность, поэтому доказать что-либо было невозможно. Сообщения были не отслеживаемыми и отправленными с помощью зашифрованного программного обеспечения. Бывший коллега и любовник Луизы тщательно подбирал слова. Достаточно очевидные, чтобы Луиза знала, что они от него, но слишком изощренные, чтобы быть напрямую с ним связанными.

Луиза, борясь с растущей яростью, сосредоточилась на деле.

Она позвонила Томасу, договорилась встретиться с ним в «Калимере» перед работой, но пожалела об этом, как только повесила

трубку. Если она и усвоила что-то с тех пор, как приехала в Уэстон, так это то, что хранить секреты здесь было почти невозможно. Блэкуэлл совершенно напрасно провела ночь с Демпси почти сразу после своего приезда в Уэстон. Это было результатом ее вынужденного одиночества и слишком большого количества красного вина. Такие вещи в маленьком городке не оставались секретами, и, хотя с тех пор никто не осмеливался упоминать об этом при ней, она все видела на лицах: прищур глаз, пропитанные намеками ухмылки каждый раз, когда она разговаривала с патологоанатомом. Встреча с Томасом была в рамках профессиональной деятельности, но даже это не остановило бы распространение сплетен по полицейскому участку, если бы кто-нибудь узнал об этом.

Блэкуэлл заколебалась, хотела позвонить ему еще раз, чтобы отменить встречу, но потом решила: в своих действиях она не будет ориентироваться на людей, и так уже обсуждающих любые ее поступки.

Следователь поехала по центральной дороге через Уорл в сторону центра города. Она терпеть не могла, когда отец ездил этим путем во время их однодневных поездок в Уэстон, задерживая появление вида на море еще на несколько мучительных минут, но этот путь был короче, а Луиза Блэкуэлл спешила. Они уже двадцать четыре часа занимались этим делом и не имели ничего, кроме ориентировочной связи с зависимостью Вероники от наркотиков.

При определенных обстоятельствах город Уэстон мог быть красивым. Но явно не сегодня. Всю поездку на машине Луизу сопровождал непрерывный морозящий дождь. Серость окутывала весь город, и следователь словно смотрела через ветровое стекло на черно-белую версию происходящего. Наконец она добралась до набережной и припарковалась. Море отступало, однако Луиза его видела, когда направлялась к ресторану.

Томас уже сидел внутри и заказал ей кофе. Темноволосая владелица бросила на Луизу непроницаемый взгляд, когда та усаживалась напротив коллеги.

– Так вот куда вы ходите каждое утро, – заметил Томас. Луиза перекинула через плечо волосы, все еще влажные после утреннего душа. – Для меня ваше приглашение большая честь.

– Расскажите кому-нибудь об этом месте, и вы покойник, – невозмутимо произнесла Луиза.

Томас наклонился к ней и заговорщически прошептал:

– Мы уже о нем знаем. Вот почему здесь больше никого нет.

Луиза рассмеялась:

– Хорошо, продолжайте в том же духе.

– А почему такая ранняя встреча, босс?

Луиза забеспокоилась, ведь разговор мог бы состояться и в полицейском участке, но желание Блэкуэлл увидеть дружелюбное лицо пересилило ее профессионализм.

– Я хотела первым делом узнать, что вы скажете о местной специфике, – произнесла она после короткого раздумья.

– Да, конечно, – с улыбкой произнес Томас.

– Вы когда-нибудь сталкивались раньше с подобными случаями?

Вопрос прозвучал несуразно. Томас выглядел смущенным. Луиза не знала, почему она спросила об этом, она ведь наизусть знала статистику дел об убийствах по всему юго-западу Англии.

– В Уэстоне? Не уверен, что я когда-либо видел происшествие настолько отвратительное, во всяком случае с тех пор, как я в уголовном розыске. У нас было несколько дел об убийствах, но это особенно жестокое. Возраст жертвы делает его еще более странным. Если бы, например, произошло неудачное ограбление, я мог бы это понять, но зачем утруждать себя перемещением тела? Почему кто-то сделал подобное с женщиной такого возраста?

– Из-за обиды?

– Чертовски большая обида.

– Что говорят люди? – спросила Луиза.

Томас помолчал.

– Люди? – удивленно переспросил он.

– Что говорят на улицах, сержант Айрленд?

– Улица напугана, босс. – Улыбка Томаса стала шире. – Я не знаю.

Вчера людям было слишком рано говорить об этом. Думаю, сегодня языки развяжет статья в «Пост».

– Даже не напоминайте мне.

– И, конечно, ваше открытие, – заметил Томас и приподнял брови.

– Не кажется ли вам странным, что у женщины такого возраста был героин?

– В этом городе меня больше ничто не удивляет. Я видел все возрасты на героине. Единственный любопытный момент – насколько убитая хорошо содержала дом. Нетипичная среда обитания для наркомана, – добавил Томас.

Луиза согласилась. Значит, привычка была либо новой, либо Веронике удавалось вести нормальную жизнь, несмотря на употребление наркотика.

Они потягивали кофе. Луиза была благодарна, когда Томас прервал молчание.

– Демпси сегодня проводит вскрытие? – спросил он.

Луиза ответила после паузы. Она искала в словах Томаса Айрленда намек на подтекст. Томас должен был знать о ее романе с Демпси, но ничто в его поведении не указывало, что вопрос Томаса выходит за профессиональные рамки.

– Дело является приоритетным, поэтому он согласился заняться им ближе к вечеру, около пяти часов. Отдел судебно-медицинской экспертизы тоже продвигает это дело.

– Будем надеяться, мы получим что-нибудь от отдела судебно-медицинской экспертизы. Со вчерашнего дня я изо всех сил пытаюсь увидеть потенциальный мотив убийства, помимо прихода дилера. Немного ДНК пригодилось бы.

– Разве это сложно?

Они поднялись, чтобы покинуть заведение. Губы владелицы искривились, когда Луиза последовала за Томасом из ресторана.

– Увидимся в полицейском участке, – сказала Луиза.

Блэкуэлл переходила дорогу, когда услышала автомобильный гудок. Она обернулась и увидела улыбающееся лицо сержанта Фаррелла в его полицейской машине. Сержант отъехал. Луиза отметила, что Томас был на виду. Но тот пожал плечами, словно не имело значения, что Фаррелл видел их. Луиза развернулась к своей машине. Если бы она могла выбрать одного человека, который не видел, как она выходит из ресторана с Томасом, это был бы Фаррелл.

Сержант Грег Фаррелл был молодым офицером, явно делавшим большие успехи в профессии. В отдел уголовного розыска он поступил три года назад сразу после испытательного срока и получил повышение до сержанта вскоре после трудоустройства Луизы в департамент. У нее не было никаких претензий к соблюдению им

трудовой этики, Грег был олицетворением профессионализма. Его одежда всегда отличалась безупречностью: сшитый на заказ костюм, накрахмаленная рубашка, галстук на уровне верхней пуговицы. Луиза Блэкуэлл никогда не замечала, чтобы молодой сотрудник пропускал какие-либо сроки оформления документов. Он хотел произвести впечатление, и его заметили старший инспектор Робертсон и вышестоящие, однако ей еще только предстояло сблизиться с этим сотрудником. Фаррелл всегда был представительным, хотя и держался более отчужденно, чем Томас, и относился к Луизе с уважением, по крайней мере при ней. Блэкуэлл же Грег Фаррелл по-прежнему настораживал. В этом не было ничего необычного. Служба в полицейском участке сродни жизни в семье, но вы не можете выбирать, с кем работать, и, хотя вы стремитесь к общей цели, вам не всегда нравятся ваши коллеги.

Может, ее раздражала его манера постоянно улыбаться? Так или иначе, Луиза Блэкуэлл считала, что пройдет немало времени, прежде чем она полностью ему доверится.

Луиза не хотела возвращаться в полицейский участок одновременно с Томасом, поэтому решила немного прокатиться.

Положение следователя в Уэстоне осложнялось причиной ее назначения. Луиза старалась не вести себя так, будто этот переезд был понижением в должности, но все знали, почему она больше не работает в Бристоле. Луиза покачала головой и прогнала мысли о Максе Уолтоне и его порочном фермерском доме. Она поехала в Гору, мимо больницы общего профиля и по проселочным дорогам поместья Олдмиксон. Наконец Блэкуэлл остановилась у дома Вероники.

В одном из окон дрогнула занавеска, когда инспектор выходила из машины, но любопытная так быстро скрылась из виду, что Луиза не смогла встретиться с ней взглядом. Такие нравы жизни в Уэстоне все еще были ей чужды. Уэстон, который она знала, – солнечный город ее детства. Ее воспоминания вращались в основном вокруг набережной. Прогулки на ослике по пляжу, лавирование между щелей деревянных досок, когда она шла по пирсу, жаркие дни в «Тропикане», ныне не существующем городском бассейне под открытым небом. Эти воспоминания теперь омрачались ее недавней историей, и хотя за последние восемнадцать месяцев Луиза исследовала каждый уголок города, он все еще казался ей незнакомым. Она завидовала Томасу и

Фарреллу, их связи с родным городом, и разрывалась между желанием больше узнать об этом месте и намерением уехать отсюда как можно скорее.

Команда терпеливо ждала следователя в оперативном штабе уже двадцать минут. Неизменная улыбка Фаррелла сияла на его лице, и молодой сотрудник уставился на вошедшую Луизу, будто они были тайными сообщниками. Блэкуэлл изучила «доску убийства» в офисе и только потом заговорила. Фотографии Вероники Ллойд – такие же, что находились в ее гостиной. Их окружали снимки тех, кто был ближе всего к жертве, и напоминали фотопробы для американского фильма «Кокон» – никто на доске не выглядел моложе шестидесяти.

– Есть какие-то новости? – спросила она, обращаясь к притихшей команде.

– Я встречаюсь с председателем теннисного клуба, – доложил Томас. – Потом отправляюсь к приходскому священнику церкви Святой Бернадетты, где Вероника трудилась на добровольных началах.

– Занятой парень, – произнес Фаррелл до того, как Луиза успела ответить.

– А вы, сержант Фаррелл? – спросила она и представила, как сдирает с его лица улыбку.

– У меня есть возможная зацепка по поводу дилера Вероники. Тревор Коул. Известен тем, что время от времени торговал в «Колесе обозрения», пабе в ее поместье.

Луиза знала это заведение и не могла представить Веронику входящей в него, тем более покупающей там наркотики.

– У нас прошли уже двадцать четыре часа. Поиск дилера Вероники становится приоритетом номер один, – сказала она и добавила: – Некоторые предварительные результаты судебной экспертизы мы должны получить сегодня.

– А патологоанатом? – спросил Фаррелл.

Луиза задержала взгляд на его ухмыляющемся лице в попытке понять, не намекает ли сержант на ее интрижку с Демпси. Фаррелл продолжал смотреть Блэкуэлл в глаза с совершенно невинным видом, словно демонстрируя, что задал вполне безобидный вопрос.

– Вскрытие состоится сегодня днем, – сказала как отрезала. Тон Луизы дал всем понять, что дальнейшего обсуждения этого вопроса не будет.

Следователь распределила обязанности на день, отпустила всех и вернулась в кабинет. Она подумывала присоединиться к Томасу в церкви Святой Бернадетты, но ей не хотелось давать Фарреллу новый повод для сплетен, сейчас она должна была полностью доверять своей команде. Она ожидала второй половины дня в надежде, что в принятии правильных решений помогут результаты судебно-медицинской экспертизы и вскрытия тела.

Известия появлялись в течение дня: отчет Томаса о его встрече с отцом Макгуайром в церкви Святой Бернадетты и встрече с теннисным сообществом; последние новости от Фаррелла о дилере, которого он пока не смог найти.

Луиза пообедала за своим столом всухомятку, бутербродом из столовой. Через какое-то время зазвонил ее внутренний телефон. Блэкуэлл с удивлением обнаружила, что часы показывают уже четыре часа дня, значит, остался всего лишь час до вскрытия. Рабочий день шел к концу, а она пока мало к чему пришла в своих рассуждениях.

– Инспектор Блэкуэлл, – произнесла Луиза в трубку.

– Луиза, это Симона. У меня на проводе девушка из школы Хенгроув в Бристоле. Не хочет говорить мне, в чем дело. Соединить ее с вами?

У Луизы екнуло сердце. Хенгроув был школой Эмили.

– Соедините. Луиза Блэкуэлл.

– Здравствуйте, мисс Блэкуэлл. Это Кэролайн Трэвис из школы Хенгроув в Бристоле. У меня вы записаны в качестве экстренного контактного лица для Эмили Блэкуэлл. Верно?

– Правильно, она моя племянница, – произнесла Луиза и сжала телефонную трубку.

Женщина сделала паузу и затем сказала со вдохом, будто через силу:

– Эмили должны были забрать сегодня в три пятнадцать, как обычно, но за ней никто не пришел. Мы не можем связаться с отцом девочки.

Глава седьмая

Джеффри Симмонс закончил последнюю работу в шесть тридцать вечера, а значит, у него было более двух часов до вечерней мессы.

Тем утром мужчина вернулся на лодке под покровом осенней темноты. Место его швартовки находилось у старой станции спасательных шлюпок в конце заброшенного пирса Бирнбек, известного местным жителям Уэстона как старый пирс, где Джеффри Симмонс мог спрятать маленькую лодку под гниющими бревнами и стальными балками.

Он чувствовал себя по-другому этим утром. Ноющее чувство в животе исчезло, и на его место пришло ощущение ясности. Симмонс не почувствовал вины, когда вынимал кляп изо рта пленника, кормил того хлебом и поил водой. В какой-то момент мужчина начал оправдываться, но Джефф снова заткнул его рот кляпом и погрузился в тишину раннего утра. Перед уходом он накрыл пленника одеялом: тот дрожал во время завтрака, а Джефф не мог позволить ему умереть до того, как придет его время.

В то утро Симмонс подождал, пока мать уйдет из дома, и только потом вошел. Он держал дверь спальни запертой, чтобы она решила: прошлым вечером Джефф вернулся поздно и спал дома, хотя она никогда и не проверяла его. Джефф Симмонс не мог позволить себе уйти от матери, ему было удобно продолжать жить в ее доме, а та не могла решиться отпустить его от себя. Она готовила ему обеды и стирала белье, если он оставлял его за дверьми своей комнаты, и Джефф вообще не мог вспомнить, когда они проводили время вместе. Живя под одной крышей, они почти не разговаривали. Симмонс был благодарен матери за это невмешательство.

Он ухватил лишний час сна и потом отправился в фургон. Планируя задуманное, Джефф прочитал: чтобы тебя не обнаружили, важно соблюдать ряд правил, и ему удалось выполнить три пункта в течение дня. Симмонс завершил все простые поездки, имел наличные на руках, а значит, сегодня до начала мессы он мог побаловать себя едой в местном пабе в Апхилле.

В баре с низким потолком было почти пусто. Одиноким мужчиной в приплюснутой кепке и с тростью сидел и читал газету. Перед ним стояла нетронутая пинта темно-красного горького. Молодой бармен бросал монеты в автомат с фруктами. Если не было разгара сезона, пабы в Уэстоне почти всегда пустовали, за исключением выходных, но они существовали год за годом и каким-то образом выживали. Он всегда удивлялся, что таких мест, как этот бар, в городе сохранилось много.

Бармен отвлекся от своего занятия и улыбнулся Джеффу:

– Чем я могу вам помочь, сэр?

Сэр. Его редко так называли. Определенно, в этом молодом человеке было что-то. Джефф Симмонс и воображал, и надеялся, что захолустный паб для этого приятного бармена всего лишь ступенька вверх и что в ближайшие годы он вырвется из лап этого умирающего города.

– Вы готовите?

– Конечно, – ответил бармен, зашел за деревянную стойку бара и протянул ему меню.

Джефф заказал стейк и пирог с мясом, а также колу. Мужчина редко пил спиртное, после того как увидел, что алкоголь сотворил с его отцом. Симмонс занял место на другом конце бара, подальше от старого чудака с газетой. Джефф опустил голову и ждал, когда принесут еду. Шедший от ковра запах скисшего пива был знакомым и неприятным, и мыслями Симмонс вернулся к Крутому Холму и его пленнику, прикованному к стене пещеры.

Ему нужно быть сильным и не поддаваться желанию все закончить прямо сейчас – вернуться на остров и разом избавить похищенного от страданий. Мучительное сомнение, которое, как он думал, уже исчезло, пыталось убедить его, что именно так он и должен поступить. Однако Симмонс обязан бороться с подобными мыслями.

Он должен спасти отца.

Пирог, который принес бармен, сложно было назвать пирогом. Перед Джеффом стояла тарелка мяса «с душком», залитого густым соленым соусом и прикрытого куском слоеного теста. Тем не менее он съел его до последней крошки. Симмонс запил пирог колой, провел тыльной стороной ладони по губам, поблагодарил бармена и вышел из паба. Свой фургон он припарковал на стоянке. До церкви было

километра три пешком, но там его приметная машина бросалась бы в глаза, а Симмонс не мог так рисковать.

Зима определенно приближалась. Джефф почувствовал это еще на острове: земля под его палаткой по утрам замерзала, а ночью воздух становился почти ледяным. Теперь, когда Симмонс шел по закоулкам к церкви Святого Михаила, он замерз. Он забеспокоился о пленнике, но лишь из-за того, что тот был нужен ему живым в течение следующих нескольких дней. Джефф планировал держать пленника в пещере все это время, однако скоро станет слишком холодно, значит, придется перевести его в туристический центр на другой стороне острова.

Времена года меняли Уэстон больше, чем другие города, так, словно Уэстон летом и Уэстон зимой – два совершенно разных места. С поздней весны до конца лета население города, казалось, увеличивалось вдвое. Туристы прибывали из ниоткуда, подобно вылезавшим из ракушек крабам, и захватывали здесь все, чтобы с наступлением зимы поспешить обратно в свои города. Джефф предпочитал видеть Уэстон таким, как сейчас: тихим и пустынным, принадлежащим только его жителям.

Симмонс добрался до церковных ворот уже в сумерках. Кисти его рук онемели от холода, и это ощущение, хотя и болезненное, понравилось Джеффу. Он любил вечера, как этот, когда воздух свежел, но оставался спокойным. Джефф открыл старые церковные двери, и его встретил аромат зажженных свечей. Знакомая дрожь пробежала по нему, едва он вышел на открытое пространство. Его тело загудело, словно попало в набор вибраций, обволакивающих церковь. Такое состояние вернуло Симмонса к первому воспоминанию о посещении церкви: он шел рука об руку с отцом через двери церкви Святой Бернадетты. В то время ему было года четыре, но он хорошо помнил ощущение благоговения, на мгновение лишившее его дара речи. Всю неделю до этого отец рассказывал ему о Божьем доме, и вот Джеффри, открыв рот от шока и удивления, стоял там, где жил Бог. Конечно, в то время он имел лишь примитивное представление о том, что значит это выражение, но тогда он почувствовал присутствие Бога так же верно, как чувствовал его сейчас.

В церкви, как и в пабе, было пусто. Мужчина преклонил колени и направился в переднюю часть церкви.

Его отец так и не понял, почему сын все еще ходит в церковь «после того, что случилось. После того, что ты сделал!» – это было потом, когда Джефф стал старше. Однако отец никогда не обвинял Джеффа и ни разу не пытался запретить сыну эти посещения. Джефф понимал замешательство отца и жалел, что не смог объяснить, что для него значит церковь. Никто, даже человек, которого они никогда не обсуждали, не мог отнять этой радости.

Прихожанки начали рассаживаться на пустые скамьи. Ни одного знакомого лица. Это была не его церковь, поэтому он никогда не присутствовал здесь на мессе. Ни одна из женщин не выглядела моложе шестидесяти, возможно семидесяти, что для вечерней мессы было нормой. Симмонс предположил с печалью: все они были вдовами и позже зажгут свечи за умерших мужей. Наверное, они находят в этом ритуале некоторое утешение.

Через пять минут священник направился к алтарю. Было воскресенье, так что отсутствовали благовония, исходящие из золотой чаши, и алтарные служки, ведущие процессию вокруг церковных скамей. Когда Джефф впервые был алтарным служкой, он и его друг Грегори не поняли, что должны следовать за священником, они заняли место у алтаря, и священник совершал путь в одиночестве. Джефф чуть не захихикал, когда позже рассказывал об этом отцу, но улыбка исчезла, когда отец отчитал его.

Этот священник был так же стар, как и его прихожане. Движения священника были медленными и размеренными, а его кости скрипели, когда он держал чашу с вином и благословлял ее.

Было бы невежливым не дать вначале причаститься пожилым женщинам. Затем и Джефф опустился на колени перед алтарем, высунул язык, и священник пробормотал: «*Corpus Christi*».

– Аминь, – произнес Джефф, благословляя себя, и вернулся на место.

Узнал ли его священник? Джефф Симмонс сомневался. Они оба сильно изменились за эти годы. До сегодняшнего дня Джефф старательно избегал посещать ту же мессу, что и старик. Хотя разве не дрожала рука священника, когда он клал облатку Причастия ему на язык?

Джефф вернулся к скамьям и помолился. Он просил сил осуществить то, что задумал, и довести дело до конца. Еще мальчиком

Симмонс понял, что Бога нужно просить о реальных вещах. Бог не исполнял желания, как джинн, но мог помочь добиться желаемого. Джефф продолжал стоять на коленях и усиленно притворяться, что молится, но вот месса закончилась. Старушки зажгли свечи и помолились. Он сел, когда последняя из них ушла. Один в холодной церкви. Во времена его детства местная церковь все время оставалась открытой. По крайней мере, отец сказал ему об этом, а Джефф никогда не подвергал такой факт проверке, но, уже повзрослев, узнал, что в какой-то момент в церкви всегда запирались двери, а значит, кто-то должен был попросить его уйти.

Священник дважды высунул голову из ризницы и лишь потом приблизился. Его шаги отдавались эхом. Священник подошел к Джеффу и прислонился к спинке скамьи.

– Боюсь, мне придется закрыть двери, сын мой. Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил священник.

Слова были очень добрыми и искренними. Джефф даже заколебался и только после ответил. Снова Симмонс усомнился в себе, как истинный Фома неверующий. Тут он вспомнил о своей цели:

– Да, отец, думаю, нам нужно поговорить.

Глава восьмая

Луиза положила трубку и потерла глаза. Это было последним из всего, чем бы ей хотелось сейчас заниматься. Она согласилась стать экстренным контактом, но ведь она не была матерью Эмили. Пол не должен продолжать в том же духе: это несправедливо по отношению к кому бы то ни было. Мысль о материнстве все еще привлекала Луизу, но эта возможность таяла с каждым годом. Иногда Блэкуэлл фантазировала о том, как Эмили переезжает к ней. Они могли бы жить вместе в Уэстоне. Луиза могла бы отвозить девочку утром в школу и найти няню, которая присматривала бы за ней, пока она не вернется домой. Они могли бы, в принципе, вместе начать новую жизнь, наконец-то освободившись от прошлого. Она представила Эмили, сидящую в гостиной, довольную и счастливую. И тут до Луизы дошла реальность. Блэкуэлл вспомнила фотографии мертвого тела Вероники Ллойд, висевшие на стене в ее доме. Образ жизни Луизы был несовместим с воспитанием маленького ребенка.

Телефоны ее родителей сразу переключились на голосовую почту: они, как обычно, были выключены. Мать Луизы объясняла это так: зачем включать их, если не нужно никому звонить?

Луиза вышла из офиса, остановилась у стола Томаса и попросила его присутствовать на вскрытии вместо нее.

– Все в порядке? – спросил он.

Луиза кивнула и без лишних слов ушла.

Она направлялась за город, вдоль набережной. Вдруг ей перезвонила мать.

– Извини, Луиза, мы были в кино, – сказала она. Голос в автомобильной акустике звучал жестко и отстраненно.

– Хорошо, я поняла. Ты получила сообщение из школы?

– Да. Мы уже в пути. Должны быть там через пять минут. Извини, что им пришлось вызвать тебя.

Луиза вздохнула.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Давай поговорим об этом позже.

Блэкуэлл знала: ее матери не нравилось говорить о Поле в присутствии отца, у того было меньше терпения к выходкам брата Луизы. Мать была уверена, что после такого события из обсуждения ничего хорошего не выйдет. Конечно же, Пол напился и просто забыл забрать Эмили из школы. Луиза повесила трубку и постаралась убедить себя, что ее вины здесь нет. Она напомнила себе, что следить за Эмили не ее обязанность, и Пол, вообще-то, заставил следователя пропустить вскрытие, но все же ей пришлось бороться с желанием не сворачивать с дороги в Бристоль, чтобы проверить, как там ее племянница.

Она развернула машину и припарковалась на набережной, напротив того места, где и обнаружили тело Вероники. По времени Томас теоретически уже направлялся на вскрытие, и она могла быть уверена, что коллега доведет работу до конца должным образом.

Небо темнело, обзор закрывал туман, подступающий с далекого моря. Она вышла из машины и прошла к пляжу. Пара, выгуливающая пару щенков Лабрадора, бросила на Луизу странный взгляд, словно покрытый туманом берег был последним местом на земле, которое ей следовало посетить.

Через пятьдесят метров Луизе показалось, что пляж поглотил ее, туман стал таким густым, что она могла видеть только в радиусе нескольких метров. Блэкуэлл, спотыкаясь, двинулась вперед. Она слышала отдаленный шум моря и вдруг подумала, что находится недалеко от места, где было найдено тело Вероники. Луиза повернулась лицом к затуманенным огням набережной. Испытывал ли убийца такое же чувство уединения, когда он (или она?) нес тело Вероники? И зачем оставлять ее на таком открытом пространстве?

По опыту следователя, обычно существовали три причины, по которым убийцы оставляли жертву в очень людном месте: во-первых, из-за ошибки, неудачного выбора времени, то есть им пришлось бежать с места преступления; во-вторых, если преступники гордились собой и хотели похвастаться; и в-третьих, потому, что какая-то часть убийц, сознательно или нет, хотела, чтобы их остановили. Часто причины номер два и три были взаимосвязанными. Луиза не думала, что убийца совершил ошибку. К тому же она не сомневалась, что еще и положение тела имело большое значение. Независимо от того,

выпендривался убийца или хотел быть пойманным, Блэкуэлл понимала: он не собирался останавливаться.

Направляясь назад к машине, Луиза едва сдерживала себя, чтобы не броситься бежать, изо всех сил игнорируя детский страх заблудиться в тумане. Вытряхнув песок из обуви, она с облегчением забралась внутрь машины и включила обогреватель. Согреваясь, она читала сообщение от матери, где говорилось, что Эмили забрали, а Пол находится дома. Луиза сразу поняла истинный смысл объяснения матери, что брат был «потрепан».

Отец попросил ее не видеться с Полом, то есть дать ему выпастись после адского похмелья, на что Луиза неохотно согласилась. Она позвонила Томасу.

– Привет, Луиза, все хорошо?

У Блэкуэлл не было времени на светскую беседу. Офис уже наводнили слухи, почему она не смогла провести вскрытие и зачем ей пришлось спешить в Бристоль после звонка из школы.

– Прекрасно. Как прошло вскрытие?

– Да ничего особенного. Много чего я не хотел бы видеть или нюхать, – отметил Томас. Он явно легкомысленно относился к этому испытанию.

– К каким выводам пришел Демпси?

– Подтвердились его подозрения, возникшие еще на пляже. Ублюдок заставил несчастную пройти через какой-то совершенный кошмар и только потом убил ее. Множественные переломы ног и плеч. Обе лодыжки сломаны. Похоже, он связал жертву и пытал, а потом лишил жизни. Демпси нашел несколько волокон в ранах на запястьях и лодыжках. Их отправили в отдел судебно-медицинской экспертизы.

Луиза закрыла глаза. Она боролась с образами в сознании. Мотивы, которые заставили кого-то причинить такие муки другому человеку, были совершенно непонятны, но каким-то образом еще и возраст Вероники затруднял обоснование такой жестокости. Последовательность событий наводила на мысль, что убийство спланировали и организовали. Теперь полиции предстояло определить, была ли Вероника намеченной целью или убийство произошло случайно.

– Причина смерти?

– Что-то, как и полагал Демпси, ей вонзили в правое запястье. Есть несколько следов надрезов, словно убийца пытался найти нужное место. Из-за этого получилось довольно большое отверстие – пару сантиметров в диаметре. В конце концов убийца перерезал лучевую артерию, и Вероника истекла кровью. Демпси уверен, ее переместили после смерти.

– Значит, у нас даже нет места убийства, – вздохнула Луиза.

– Я могу просмотреть отчет с вами сегодня вечером? – спросил Томас.

Луизе показалось, она услышала в его интонации надежду на встречу с ней.

– Пришли мне по электронной почте.

– Пока все?

– Да, Томас. Спасибо, – сказала Луиза и повесила трубку. Она пока не хотела возвращаться домой. Мысль о ее жилище, украшенном изображениями трупа Вероники Ллойд на стене, не радовала. Блэкуэлл позвонила одной из своих бывших коллег, Трейси Пью, и договорилась встретиться с ней в Клифтоне в Бристоле. Трейси была сержантом в городе в ее команде и все еще работала в том же подразделении, что и старший инспектор Финч. Пью повысили до инспектора, когда Луиза ушла, и она заняла ее должность. Трейси уже ждала Луизу в баре, в котором они договорились встретиться, с большим бокалом просекко в руке.

– Привет, я рада тебя видеть, – произнесла она, встала и обняла Луизу. На мгновение ошеломленная смесью запахов никотина и духов, Луиза обняла Трейси в ответ. Блэкуэлл было очень приятно видеть старую приятельницу и бывшую коллегу. После отъезда из Бристоля она решила отрезать от себя как можно больше людей, и Трейси была единственным человеком, с которым Луиза поддерживала контакт, но и его свела к минимуму. Некая стратегия преодоления. Впрочем, радушный прием Трейси заставил Луизу задуматься, не совершила ли она ошибку.

– Что ты будешь? – спросила Трейси.

– Я выпью совсем чуть-чуть. Я за рулем.

Трейси улыбнулась и заказала Луизе бокал белого вина. Бывшей коллеге Луизы было за тридцать. Громкая, уверенная в себе женщина, с непослушной копной вьющихся черных волос, Пью получила в

офисе досадное прозвище «Парикмахер», но не из-за волос, а из-за стереотипа, по крайней мере среди мужчин, что Трейси – парикмахерское имя. Хотя никто не осмеливался так назвать ее в лицо. Трейси нельзя было приручить. С ней опасались связываться. Трейси Пью была фактически доверенным лицом Луизы Блэкуэлл в Бристолле, и Луиза безоговорочно доверяла ей.

– Так как там Уэстон-Большая-Грязища? – спросила Трейси. Они заняли место в маленькой кабинке в задней части бара. В отличие от Луизы, чей акцент был предельно слабым, Трейси говорила полностью по-бристольски. Она, как само собой разумеющееся, опускала согласные в конце слов, и иногда Блэкуэлл ловила себя на том, что напрягается и пытается понять, что говорит ее приятельница.

– Как всегда. Вы там, наверное, слышали о теле?

– Конечно. Ваши новости дошли до нас. Звучит как фильм ужасов. Я собиралась позвонить тебе по этому поводу.

Луиза хотела облегчить душу и рассказать Трейси все: и о ночных текстовых сообщениях от Финча, и о плачевном состоянии, в которое попал ее брат, и о бедной племяннице, но не знала, с чего начать, поэтому продолжила тему работы.

– Тело Вероники Ллойд оставили на пляже. Похоже, убийца предварительно пытал ее, – сообщила Луиза, понизив голос. Трейси покачала головой. Ей не нужно было больше ничего говорить. Обе женщины достигли той стадии карьеры, когда поняли, что мир полон больных ублютков, и мало что могло их шокировать.

– Есть у нее кто-то?

– Никакой семьи. Только друзья в теннисном клубе, – сказала Луиза.

– Думаешь, убийство случайное?

Луиза отхлебнула вина, слишком сладкого и тепловатого, и немного подумала над этим вопросом.

Блэкуэлл почувствовала себя виноватой, что была в баре, когда могла вернуться в Уэстон и напряженно работать.

– Нет, я не думаю, что случайное, – заметила она. Луиза Блэкуэлл была рада возможности высказаться. До того как присоединиться к Трейси в баре, она прочитала отчет Томаса на телефоне и решила, что в том, как убийца обращался с Вероникой, прежде чем покончить с ней, присутствовало что-то личное, почти интимное. Раны были

специфическими, в частности на запястьях и лодыжках, а, по опыту следователя, следы случайного нападения были бы более хаотичными.

– Я не знаю, хорошо это или нет, – произнесла Трейси. Она говорила достаточно громко, чтобы привлечь нежелательное внимание.

– Все зависит от мотива убийцы, – сказала Луиза и попыталась вновь понизить громкость их разговора. – Если бы преступника изолировали, тогда хорошо, но...

– Думаешь, будут новые жертвы? – спросила Трейси с явной тревогой в голосе.

Луиза заставила себя сделать второй глоток, и ей показалось, что вкус вина немного улучшился.

– Это действительно приходило мне в голову. Преступление в целом убийце удалось, и у него получилось незаметно перетащить тело на пляж. Если злодей почувствует вкус к таким убийствам, то оно может оказаться не последним.

– Вот почему мне нравится встречаться с тобой, Лу. Ты всегда меня подбадриваешь, – произнесла Трейси. За ее невозмутимым тоном скрывался сарказм.

– Я принесу еще, – сказала Луиза. Она вернулась с просекко для Трейси и стаканом газированной воды для себя. – Хватит болтать о делах. Что там у тебя с личной жизнью?

– Ты же знаешь меня, Лу, веселую и свободную. Хотя...

Луиза потягивала воду и улыбалась. Она ожидала от Трейси какой-нибудь непристойной сплетни.

– Да?

– Я взяла шефство над одним из новой партии констеблей, если ты поняла, что я имею в виду.

Выражение лица Луизы говорило: она точно понимала Трейси Пью.

– Сколько ему лет?

– Под тридцать, – ответила Трейси с выражением, которое Луиза могла описать только как загадочное.

– У вас все серьезно?

– Ну, ты же знаешь, у меня не очень хорошо получается относиться к этому серьезно. Сейчас все как обычно, но он кажется хорошим парнем.

Луиза чувствовала, что Трейси оказывает себе медвежью услугу. Пью очень хотела встретить мужчину, с кем можно было бы остепениться, но она редко выбирала хороших парней.

– Ну, а ты? – спросила Трейси. – В Уэстоне есть выбор?

– Ты была в Уэстоне, Трейси?

– Я уверена, там есть несколько красавцев. На кого ты положила глаз?

Луизу не удивило, что ее мысли автоматически обратились к Томасу. В первый же день в полицейском участке она сразу почувствовала к нему влечение, которое не угасло со временем. Однако наличие у него жены и трехлетнего ребенка говорило о том, что она никогда не будет действовать в соответствии со своими желаниями.

– Нет, на данный момент никого интересного.

– Ты, наверное, просто что-то скрываешь.

Луиза пожала плечами.

– Ничего я не скрываю. Последнее, что мне сейчас нужно, это...

– Стоп! Доскажешь, когда я вернусь из бара, – остановила ее Трейси и одним глотком допила остатки просекко. – Глоточек на дорожку. Уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче?

Луиза покачала головой и поразились, сколько Трейси пьет. Она наблюдала, как та нетвердой походкой идет к бару. Луиза удивилась, почему только сейчас ей пришла в голову мысль, как было бы весело проводить время с друзьями? С момента отъезда в Уэстон она встречалась с Трейси только несколько раз, и, находясь здесь, Луиза не понимала, почему они не виделись чаще? Они жили всего километрах в тридцати друг от друга, но это расстояние между их мирами часто казалось непреодолимой пропастью.

– Пока я не забыла, Тим Финч спрашивал о тебе сегодня, – заметила Трейси. Сердце Блэкуэлл бешено заколотилось.

– О? – только и произнесла Луиза, стараясь, чтобы голос не звучал подавленно. Трейси никогда не принимала чью-либо сторону в деле Уолтона, хотя всегда предлагала Луизе полную поддержку. Ей предстояло работать с Финчем, так что Луиза не хотела привлекать ее к своим проблемам больше, чем это требовалось.

– Тим пытался говорить небрежно, расспрашивая о твоём деле, но мне кажется, что он просто интересовался твоей жизнью.

Луиза кивнула, но не ответила. Ее мысли все еще занимало сообщение, которое, она была уверена, мужчина отправил прошлой ночью. Трейси, казалось, ничего не заметила.

– Ты что-нибудь слышала о нем?

Луиза рассмеялась.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, хорошо?

Трейси приуныла.

– Прости, Лу, я не хотела тебя расстраивать.

– Нет-нет. Я просто устала. Ты же знаешь, как это бывает. Старший следователь по такого рода делам.

– Конечно. Давай забудем о работе. Я сейчас допью, а потом провожу тебя до машины.

Они обнялись на парковке, и неловкость, возникшая в разговоре о Финче, исчезла.

– Было здорово снова увидеть тебя, Трейси. Ты уверена, что тебя не нужно подвезти?

– Нет, я поеду на автобусе, – сказала Трейси, слегка запинаясь. – Может, сначала быстренько позвоню своему молодому констеблю.

Луиза усмехнулась.

– Будь осторожна. И нам нужно встречаться почаще.

– Я согласна. Я могла бы в ближайшее время заскочить на побережье. Примешь меня?

– С удовольствием. Тогда до встречи!

– Скоро увидимся, красавица, – крикнула Трейси отъезжавшей на машине Луизе.

Жаль, что Трейси упомянула Финча. Теперь Луиза только о нем и думала, возвращаясь в Уэстон. Неужели от Тимоти не было спасения? Она надеялась, ее перевод в Уэстон – последний. Тимоти Финч победил и вытеснил ее из своей жизни, так почему же он все еще преследует ее? В гневе молодая женщина сильно надавила ногой на акселератор. Она проехала по пустынной М-5, свернула на въезд в Уорд, притормозила и попыталась собраться с мыслями. В настоящее время в ее жизни было много отвлекающих факторов. Помимо Финча, Блэкуэлл приходилось иметь дело со своим непутевым братом и следить, чтобы тот должным образом воспитывал ее маленькую племянницу, но при этом Луиза старалась сосредоточиться на деле Вероники Ллойд. Она была в долгу перед этой женщиной. Вероника

стала жертвой ужасного преступления, лишившего ее достойной кончины. Конечно, Луиза не собиралась отстраняться от Эмили. Она будет рядом с ней, родителями и братом, когда понадобится, но сейчас нужно сосредоточиться на убийстве Вероники.

Луиза вернулась в коттедж, сделала себе чай с молоком и, потягивая его, стала глядеть на самодельную «доску убийств». Время от времени она проверяла телефон на наличие вечернего сообщения от Финча, но оно так и не пришло.

Глава девятая

Вблизи священник оказался более дряхлым, чем ожидал Симмонс. Это и неудивительно, ведь Джефф был мальчиком, когда в последний раз встречался с ним лицом к лицу, но перемена во внешности священника тревожила. Кожа сероватого цвета казалась слишком сухой, она обтягивала кости черепа и обвисала складками на шее. Белки выцветших глаз были испещрены крошечными красными прожилками. Ноющее чувство вернулось к Джеффу, и он снова усомнился в себе, но, вспомнив преступления священника, попытался убедить себя, что тот заслуживает его мести.

– Вы помните меня, отец? – спросил Симмонс, и голос эхом отозвался в пустой церкви.

Священник изучал Джеффа. Его голова покачивалась, он пытался вспомнить, где видел этого человека раньше. Джефф сомневался, что какие-то его настоящие черты могут напомнить священнику о мальчике, которым он был когда-то. В период полового созревания лицо и тело Джеффа очень сильно изменились. Он вырос, лицо стало вытянутым и изможденным, а волосы спадали сзади на плечи. Единственной зацепкой могли стать его руки в перчатках, скрывающих изуродованную ожогами кожу.

Священник покачал головой и с улыбкой произнес:

– Прости, сын мой, память уже не та, что была когда-то. Слишком много людей, как ты понимаешь. Я с трудом могу вспомнить, что я ел на завтрак.

В священнике была какая-то притягательная сила, несмотря на его возраст. От добрых слов, сказанных с сильным ирландским акцентом, Симмонс почувствовал тепло внутри.

– Как тебя зовут, сын мой?

– Это не имеет значения, отец.

Джефф колебался, поскольку знал, что наступил решающий момент. Симмонс взглянул на распятие, расположенное высоко над алтарем, на белого Иисуса, висящего в вечной агонии, и вспомнил, что видел все это много лет назад. Когда-то он обратился за помощью к

этому священнику, и его оттолкнули. Джефф принял решение и начал действовать.

– Я знаю, уже поздно, отец, но мне нужно исповедаться.

Священник моргнул, и его глаза расширились, словно он только что узнал человека перед собой.

– Конечно. Здесь – или ты хочешь уединиться в исповедальне?

Джефф встал.

– Я последую за вами.

Священник начал опускаться на колени, используя скрипучую деревянную скамью в качестве опоры.

Джефф протянул руку, чтобы помочь ему, и тоже преклонил колени перед распятием.

Это была долгая, медленная прогулка. Священник шаркал, словно пытался остановить время. Это напомнило Джеффу о тех временах, когда он посещал церковь Святой Бернадетты с отцом и они вместе проходили станции Крестного пути. Джеффри было четыре или пять лет, и ему разрешили посмотреть по телевизору мини-сериал о жизни Иисуса. В то время он мало что понял из этого сериала, но зрелище привлекло его внимание как никакое другое.

Отец часто бывал суров, но когда дело доходило до передачи, он поощрял интерес Джеффа и с неизменным терпением отвечал на его многочисленные вопросы. В частности, Джефф был очарован сценами Распятия. Он спрашивал отца, почему Иисус нес крест, зачем на его голову был надет терновый венец и отчего стража била его, когда ему так тяжело было нести свою ношу. Вот дело дошло до самого Распятия. Мать пыталась запретить ему смотреть эту серию, но отец настоял, и мальчику разрешили, несмотря на его нежный возраст. Папа объяснил, как Иисус спасал души всех людей, будучи распятым, и Джефф удивился чуду, хотя, когда увидел, что гвозди были вбиты в плоть Иисуса, он поежился, будто раны нанесли ему самому. Мальчик плакал, когда Иисус висел на кресте, и это был один из немногих случаев, которые он мог вспомнить, когда отец обнял его.

Через неделю после завершения мини-сериала отец снова повел его в церковь Святой Бернадетты. Они вместе прошли по внутренней части церкви, и отец показал ему станции Крестного пути, сравнивая их с телесериальными. Там был Иисус, падающий впервые;

там Иисус видел свою мать, Марию; там был Симон из Кирены, помогавший нести крест.

Они вместе совершали обход вокруг церкви по крайней мере раз в месяц, и каждый раз Джефф испытывал что-то новое. По мере того как Джефф становился старше, он все больше понимал значение путей. Любимым изображением Джеффа Симмонса всегда было изображение Иисуса, пригвожденного к кресту. Сначала изображение распятия вызывало в нем слезы, но со временем он начал понимать, какую жертву Иисус приносил за все человечество, и оно стало для него прекрасным.

Джефф мог поделиться воспоминаниями с пожилым священником, но не думал, что тот поймет. Когда они подошли к исповедальне, священник жестом пригласил Джеффа войти. Исповедальня была разделена на две части, так что священник и прихожанин отделялись друг от друга. Когда Джефф в детстве впервые исповедовался, он находился в одной комнате с приходским священником. Он вспомнил свое смущение во время перечисления грехов – ложь, обман, грубость по отношению к родителям, непосещение церкви в воскресенье – и чувство облегчения, когда все закончилось, и чувство легкости после произнесения покаяния. Один раз «Аве Мария», один раз «Отче наш», и грехи были сняты, стерты с души.

Вскоре после этого Джефф Симмонс перестал ходить на исповедь. Правила были простыми – их мог понять даже ребенок. Требовалось исповедаться во всех грехах, поскольку иначе тебя по-настоящему не прощали. Конечно, маленькие грехи можно было связать вместе, как и всю ложь, которую рассказывал Джефф, но некоторые грехи были настолько существенны, что требовалось перечислять их каждый отдельно. Один свой конкретный грех даже в том нежном возрасте он не мог озвучить ни в исповедальне, ни где-либо еще, и именно поэтому он больше не исповедовался.

Священник жестом показал, что Симмонсу следует войти в дверь с левой стороны, но Джефф подождал, пока священник войдет с правой стороны, и сам последовал за ним.

Джеффа удивило, насколько на этот раз все было проще. Старый священник сопротивлялся слабее, чем миссис Ллойд. Джефф не колебался и не думал о том, что все происходит в церкви, когда

привязывал священника к стулу. Каждый раз, когда Симмонса одолевали сомнения, он напоминал себе, зачем он здесь, почему священник должен страдать, и это все облегчало. Даже когда показал священнику гвоздь и молоток и старик начал плакать и бормотать полатыни, Джефф Симмонс не дрогнул.

После этого он сел на скамью и начал изучать Распятие, угол наклона конечностей Христа и точки, где они соединялись с деревянным крестом. Джеффу следовало бы скрыться с места происшествия – в любой момент кто-нибудь мог войти в дверь и увидеть, что он сделал, – но в церкви одному было так спокойно! Мужчина даже подумывал упасть на колени и повторить покаяние с первой исповеди, но он не сожалел о том, что сделал, поэтому знал: подобное не зачтется. Вместо этого он уставился на раны на фигуре Христа и терновый венец, впившийся ему в голову.

Джефф неторопливо шагнул обратно к фургону, у него оставалось несколько часов до такого уровня прилива, чтобы он мог вернуться на остров. Симмонс не мог зайти в тот же паб, где обедал, поэтому отправился на машине в город.

Яркие огни вели его вдоль набережной, большой пирс уходил в грязевую пустошь навстречу набегающему морю. Симмонс подъехал к отелю «Смите», и, когда вышел из автомобиля, теплый порыв морского воздуха вернул его в долгие летние вечера детства, он вдруг вспомнил, как сидел в «пивном саду» со своими родителями и родственниками и потягивал кока-колу из стеклянной бутылки. Тогда Джефф не ценил те времена, а сейчас заскучал по ним.

Он направился вглубь острова к бару, в котором, как он знал, вечером будет полно народа. В принципе, ему не хотелось находиться в таком шумном месте, но интуиция подсказывала, что хорошо бы там отметить в эту ночь. Громкая музыка приветствовала Джеффа, когда он вошел в бар. Перезвоны посуды и писклявые голоса ему не понравились. Молодая барменша оглядела мужчину с ног до головы, едва тот заказал светлое пиво «шенди», словно пыталась оценить, способен ли посетитель заплатить за выпивку. Девушка вернулась с пивом.

– И немного жареного арахиса, – попросил Джефф.

– Хорошо, дорогой, – произнесла барменша, не отрывая от него взгляда.

Симмонс отнес напиток в угол бара. Он пытался слиться с толпой, однако единственный пришел без компании. Все игнорировали Джеффа, хотя Симмонс не сомневался: он был темой их разговоров.

Когда кто-то смеялся, Джефф чувствовал, что смеются именно над ним. *«Знай все эти люди, что я только что совершил, они бы не смеялись»*, – подумал преступник и выпил свой приторный напиток.

– Симмо! – вдруг разнесся крик по бару и заставил на мгновение прервать веселье.

Джефф опустил глаза. Но незнакомец снова обратился к нему и махнул ему рукой, и Джеффу не оставалось ничего другого, как пройти сквозь суетящихся людей в противоположный конец бара.

– Малк, – поздоровался он с улыбающимся мужчиной, поманившим его к себе.

Малкольм Харрис и Джефф Симмонс учились вместе в средней школе. Харрис всегда был шумным – и в классе, и вне его. Малкольм улыбнулся Джеффу, словно был рад его видеть, хотя в школе особо не обращал на Джеффа внимания.

– Дай-ка на тебя посмотрю, – произнес Малкольм Харрис и оглядел Симмонса с ног до головы, совсем как барменша. Джефф не знал, что сказать, поэтому просто улыбнулся. Малкольм пришел в бар с тремя друзьями, которых Джефф Симмонс не знал. Все четверо были одеты в темные джинсы и крахмаленные дизайнерские рубашки, поэтому Джефф чувствовал себя весьма неуютно в потрепанной одежде, в которую переделся после церкви.

– Рад тебя видеть, чувак, – продолжил Малкольм.

– Взаимно!

– Только что закончил работу? – спросил Харрис с улыбкой и кивнул в сторону комбинезона Джеффа. Джефф никогда не встречал никого, кто без видимой причины мог улыбаться почти постоянно и так широко – улыбка Харриса была словно приклеена к его лицу. И сейчас в ней не было никакого юмора и веселья. В школе Харрис никогда не разговаривал с Симмонсом, только иногда отпускал какие-то грубые замечания о его руках.

– Да, – заметил Джефф, стараясь не смотреть на свои перчатки.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил Малкольм. Он ухмылялся и поглядывал на друзей.

– Перевозками.

– Перевозками? Молодец, приятель. Хорошо зарабатываешь?

Теперь Джефф знал: над ним смеются. Малкольм все улыбался, но в его глазах не было ни капли тепла. В начальной школе Джефф однажды совершил ошибку, рассказав отцу о буллинге в школе. Мальчик из второго класса, Джон Мейнард, каждый день отбирал часть его обеда, и он не знал, что делать. Правая рука Симмонса бессознательно коснулась левого запястья, когда он вспомнил, как отец схватил его за эту руку и притянул к себе. Джефф вздрогнул тогда, причем не столько от жесткой хватки отца, сколько от его кислого дыхания. Маленький Симмонс не мог отвести взгляд от глаз отца, от печали и ярости, исходящих от них. Когда отец снял ремень, чтобы отучить сына жаловаться, он сказал ему, что над ним больше никто не должен издеваться.

Мечь Джеффа Мейнарду была короткой и быстрой. Когда Джон наклонился к фонтанчику с водой, Симмонс толкнул его и направил голову недруга вперед, сначала осторожно, но затем с достаточной силой, чтобы Мейнард разбил два передних зуба о металлическую урну. Никто в школе больше не ел обед Джеффа Симмонса, но издевательства на самом деле не закончились. Они сменились чем-то другим, чего Джефф не понимал ни тогда, ни сейчас. Странные взгляды, произносимые шепотом имена. Симмонс думал, что нападение на хулигана Мейнарда сделает его героем, но в итоге стал еще большим изгоем.

– Принести тебе выпить, Джефф? Похоже, тебе это нужно, – произнес Малкольм под приглушенный смех своих друзей.

– Мне нужно идти.

Малкольм в первый раз нахмурился.

– Я ведь предложил тебе выпить, – заметил он.

Джефф посмотрел на друзей Малкольма – все четверо разом перестали улыбаться. Симмонсу хотелось выйти из бара и спрятаться в безопасном фургоне. Он и раньше видел, как Малкольм затевал драки, и не хотел его задевать. Симмонс переоделся после церкви, но ДНК священника все еще будет на нем.

– Что ж, я выпью, – согласился Джефф.

Малкольм уставился на него с каменным лицом, а потом расплылся в злобной ухмылке.

– Симмо, – крикнул он, хлопнул Джеффа по спине, и его друзья тоже расслабились.

Джеффу удалось сбежать незадолго до одиннадцати. К этому моменту Малкольм и его дружки потеряли к Симмонсу интерес. Они уже успели повздорить с двумя группами парней и теперь болтали с какими-то женщинами, такими же пьяными. Джефф пошел в туалет и затем незаметно выскользнул из бара.

Воздух снаружи спровоцировал у него головокружение и тошноту. Малкольм напичкал его разными, но одинаково противными на вкус крепкими напитками, и желудок взбунтовался. Джефф нашел переулочек, и его вырвало. Симмонса заинтриговал светлый оттенок содержимого, извергнутого на тротуар.

Джеффу придется забрать машину. Он должен вернуться на остров. Если оставить фургон здесь, то можно получить штраф за парковку. Симмонс содрогнулся при мысли, что произойдет, если кто-нибудь заглянет внутрь и увидит улики, от которых ему еще только предстояло избавиться. На водительском сиденье он заставил себя съесть кебаб и запил его водой. Голова раскалывалась. Джефф не мог думать ни о чем, кроме сна. Он мог бы сейчас вернуться в дом матери, но это означало бы пропустить день в посещениях пленника, и тогда тот вряд ли выживет.

Пабы были переполнены, и люди толпами высыпали на набережную. Они направлялись в ночные клубы или домой. Джефф смотрел на людей через тонированные стекла фургона, хотя ему были безразличны их намерения. Сегодня вечером он выпил больше, чем когда-либо, его состояние не казалось ему приятным. В том, как пьяные брели по дороге, взявшись за руки, крича и распевая, было что-то жалкое. Днем они вели себя иначе, так почему же эти пьяницы думают, что могут расслабиться и позволить себе такое поведение сейчас?

Как только толпа рассеялась, а огни прибрежных баров и ресторанов потускнели, Джефф тронулся с места. Симмонс старался соблюдать предельную скорость, когда выезжал с набережной в Найтстоуне и поднимался на холм к пирсу Бирнбек. Он обрадовался, что его обычное парковочное место оказалось свободным.

Алкоголь продолжал действовать на Симмонса, шум в голове мешал сосредоточиться. Он изо всех сил старался контролировать

отяжелевшие конечности, пока шел к старому пирсу. Холодный ветер обдувал его лицо, в поле зрения были лишь темные пейзажи. Симмонс несколько раз останавливался: ему казалось, что за ним следят. Видел ли Малкольм, как он выходил из бара? Его снова стало тошнить, но он успел отрыгнуть в кусты, а потом перелез через стену к огороженному входу на заброшенный пирс.

Даже в детстве старый пирс открывался лишь изредка. Джеффа водили туда пару раз, и все в пирсе казалось устаревшим по сравнению со сверкающим блеском соседним большим пирсом в центре. Его разочаровали игровые автоматы, в основном древние, копеечные, да еще и неработающие. Симмонс и тогда боялся ходить по расшатанным доскам самого старого пирса в городе, а теперь на них было просто опасно наступать. Джефф осветил фонариком настил заброшенного сооружения, он медленно и с трудом продвигался по нему, крепко держался за ржавые стенки, избегал расшатанных досок и щелей, через которые слышал воду, плескавшуюся у берега.

Наконец, к своей радости, он добрался до относительно безопасного конца пирса. Симмонс сел на бетон и закрыл глаза. Ему очень хотелось, чтобы головокружение прошло. Во всех злоключениях последних нескольких часов Джефф как-то и забыл о священнике в церкви Святого Михаила. Обнаружили ли его тело? Может, полицейские уже начали устанавливать какую-то связь между жертвами? Симмонс никак не мог сосредоточиться. Он отыскал свою пришвартованную лодку и потащил ее к концу причала. Он чуть не упал, потеряв равновесие, когда спускался по скользкому откосу в море.

Маленький подвесной мотор взревел в ночной тишине, и Джефф направился в темноту, ориентируясь по огням удаляющегося города и смутному силуэту Крутого Холма, выступающего из воды вдалеке.

Глава десятая

Впервые с утренним кофе в «Калимере» Луиза заказала еду. Она думала об Эмили и Поле, о том, как справляются ее родители, и, конечно же, о Финче. Абсурд, но отсутствие сообщения беспокоило ее. Конечно, Тимоти Финч не посылал ей сообщения каждую ночь с момента ее отъезда в Уэстон, но то, что оно не пришло вчера, казалось значимым. Трейси говорила, что Финч спрашивал о ней, почему же тогда не написал? Луиза была сбита с толку.

Владелица посмотрела на нее так, словно они никогда не встречались, поэтому Луиза удивилась, когда та начала разговор. А может, это просто из-за того, что Луиза сделала заказ – яйца на тосте?

– Ваш друг не присоединится? – спросила женщина. Она имела в виду Томаса. Это была самая длинная фраза, которую Луиза когда-либо слышала от нее.

– Не сегодня, – ответила она.

– Притягательный мужчина, – сказала владелица. Она ухмылялась и молола кофейные зерна для американо Луизы.

– Коллега по работе, – произнесла Луиза, удивленная заявлением женщины.

Хозяйка рассмеялась и поставила кофе на стойку.

– Как скажете, – произнесла она.

Луиза заняла свое обычное место и взглянула через дорогу на море. Выходило солнце, и утренняя тьма становилась серой. Именно подобные утра – уныние ранней зимы, холод, усугубляемый холодом морского воздуха, – заставляли молодую женщину скучать по Бристолю. Существовал летний Уэстон ее детства, солнечный и кишачий туристами, и его двойник – город-призрак. «*Как люди могут так жить?*» – подумала Блэкуэлл и вспомнила: теперь она одна из них, и это ее вторая зима в городе.

Хозяйка поставила завтрак на стол. Голодная Луиза с аппетитом набросилась на яйца и расправилась с едой за несколько минут.

Через два часа Луиза была уже в Апхилл-Марине. После утреннего инструктажа дежурный сержант рассказал ей о стычке в участке накануне вечером, когда одна из теннисных подруг Вероники, Эстель Фергюсон, потребовала поговорить с кем-то из начальства.

Луиза припарковалась рядом с несколькими выглядящими гламурно машинами и направилась к пристани. Эстель сказала дежурному сержанту, что этим утром будет работать здесь. Луиза заметила вероятную фигуру, стоящую на палубе небольшого белого судна и курящую сигарету.

– Эстель Фергюсон? – спросила она и подошла к яхте. Женщина глубоко затынулась. Этот жест состарил ее – на лице появилась сеточка морщин. Под длинным дизайнерским плащом на Фергюсон была спортивная экипировка. Лицо Эстель покраснелось, будто она только что закончила тренироваться.

– Да, – произнесла Фергюсон с раздражением, возможно мнимым.

– Инспектор Блэкуэлл. – Она показала женщине удостоверение личности. – Я здесь из-за вашего вчерашнего визита в участок.

Выражение лица Эстель изменилось.

– Хорошо. Наконец-то. Вы ведете это расследование? Никто прошлой ночью не сказал мне, что, черт возьми, происходит.

– Я так понимаю, вы были подругой Вероники Ллойд?

Женщина нахмурилась.

– Конечно была. Иначе зачем бы я поехала в ваш полицейский участок? Я крайне разочарована, что меня не уведомили о смерти Вероники. Мне пришлось услышать эту печальную новость сегодня утром от председателя теннисного клуба.

– Мы можем пойти куда-нибудь и поговорить об этом?

Эстель затынулась новой сигаретой. Обычно Луиза не позволяла такой беспардонности, но до поры до времени собиралась это терпеть. Она знала: горе влияет на людей по-разному.

– Я пойду с вами, – сказала Эстель. – У вас нет подходящей обуви для яхты.

Женщина спрыгнула с палубы на причал. Фергюсон была удивительно проворна для своих лет. Сигарету она все еще держала в руке.

– Почему мне не сказали? – спросила Эстель и выпустила облако дыма в шаг от Луизы. – Сами представьте: узнать об этом таким

образом. Тело нашли на пляже, а мне сообщил об этом чертов председатель.

Луиза удержала себя в руках и не обратила внимания на дым, повисший в морозном воздухе.

– Вы были близки? – спросила она, решив не делать Эстель замечания.

– Да, мы были удивительно близки. Мы с Вероникой играли в теннис три раза в неделю.

– Послушайте, миссис Фергюсон, я понимаю, вы расстроены, но вас нашли среди других контактных номеров в телефоне Вероники. Не было никаких прямых сообщений ни от вас, ни от Вероники вам. Вот почему полиция не связывалась с вами лично.

Эстель нахмурилась, и ее тон смягчился.

– Ну, Веронике не очень нравилось пользоваться телефоном.

Первоначальная резкость женщины исчезла, рука, сжимавшая сигарету, слегка дрожала. Эстель Фергюсон прислонилась спиной к одной из машин, припаркованных на дороге, – белому мерседесу шесть-десять девятого года, с откидным верхом. Кровь отхлынула от лица Эстель, когда женщина сделала еще одну яростную затяжку сигаретой.

– Я говорила Веронике, чтобы она убиралась оттуда, – в итоге заметила Фергюсон. Она почти плакала.

– Откуда?

– Из чертова жилого комплекса, где она жила.

– И куда бы она переехала?

– В безопасное место рядом со мной.

Хотя дом Вероники располагался не в самом благополучном районе города, в Уэстоне существовали места и похуже.

– Почему вы считаете, что она жила в плохом месте? – спросила Луиза. Она подумала о героине, который обнаружила в комнате Вероники.

– Вам достаточно просто на него взглянуть, – сказала Эстель с выражением отвращения на лице. Луиза проигнорировала это замечание.

– Возможно, вы сможете нам помочь, миссис Фергюсон. Вы не знаете, были ли у Вероники близкие родственники или друзья?

Эстель Фергюсон нахмурилась и сделала шаг назад, будто уловив в вопросе что-то подозрительное.

– Вероника была сиделкой у матери своей последней близкой родственницы еще пять лет назад. Когда та женщина умерла, я предложила ей переехать поближе к нам.

– То есть – к нам?

Женщина выпрямилась и нахмурилась, как будто сказала слишком много и хотела взять слова обратно.

– Некоторые из нас, кто посещает теннисный клуб, живут неподалеку друг от друга. Это тихое, спокойное место. Никаких неприятностей, которые случаются в других местах.

– Почему Вероника не приняла ваше предложение? Из-за стоимости жилья?

– Возможно. Впрочем, думаю, она могла бы себе это позволить. Она купила дом у муниципалитета в восьмидесятых. Даже сейчас он чего-то да стоит, и, я полагаю, у нее была неплохая пенсия.

Луиза подумала, не пропали ли деньги Вероники из-за ее привычки? Едва сдержав презрительную ухмылку, она заметила:

– Может, она попала в плохую компанию?

– Кому могло понадобиться втягивать Веронику в свою плохую компанию?

– Я надеялась, вы сможете ответить на этот вопрос за меня.

– Послушайте, мне-то откуда знать?

– У Вероники были враги или существенные обиды?

– У Вероники? – Эстель остановилась и посмотрела в сторону грязно-коричневой воды, где покачивались яхты. – С ней иногда было трудновато. Очень прямолинейная женщина. Настоящий учитель. Некоторых она могла вывести из себя.

– Что-нибудь конкретное? – спросила Луиза.

Эстель докурила сигарету и небрежно втоптала ее в землю теннисной туфлей.

– Произошел инцидент с одним из тренеров по теннису.

– В смысле?

– Нам казалось, он слишком мало времени проводит в клубе.

– Так...

– Мы с Вероникой подали официальную жалобу. Некоторые из тренеров считают, что могут приходить, уходить, работать, как им

заблагорассудится. Нам здесь нужен человек, преданный клубу и всегда готовый помочь.

– А как звали тренера? – спросила Блэкуэлл.

– Мэтт Ламберт.

– Он все еще состоит в клубе?

– К сожалению, да.

– Значит, он работает в клубе?

– Нет, он предприниматель.

– Эстель, хочу прояснить вот что... – медленно произнесла Луиза. – Вы пытались уволить тренера, потому что он недостаточно часто бывал в клубе, но ведь никто не платил ему за дополнительное время. Да?

– Не совсем так.

– Так вы полагаете, этот тренер почувствовал себя настолько обиженным, что смог жестоко убить Веронику и оставить ее тело на пляже?

– Откуда, черт возьми, мне знать?

Разговор пошел насмарку. Луизе не нравилось определять людей по первым впечатлениям, но она отметила: Эстель была избалованной, привилегированной леди, привыкшей поступать по-своему. Блэкуэлл с грустью подумала, что и Вероника, возможно, ничем от нее не отличалась, но это мало меняло дело.

– Последний вопрос. Вы знали о каких-либо осложнениях в жизни Вероники?

– Вы о чем?

– Проблемы с алкоголем, дурные пристрастия и тому подобное.

Эстель выглядела потрясенной.

– Нет, нет, Вероника время от времени могла выпить бокал вина, но и только. Она была очень разумной женщиной.

Похоже, Эстель знала свою подругу не так хорошо, как ей казалось. Или Фергюсон лгала.

Глава одиннадцатая

Джефф налил кофе из термоса в стальную кружку. Он сидел на складном стуле и обозревал свое «королевство» в свете раннего утра. Это место казалось ему родным, его собственной маленькой страной. Если не считать прикованного в пещере, Симмонс был единственным человеком на острове Крутой Холм. Остров находился всего в десяти километрах от материка, но на нем можно быть в глуши, а он всю жизнь стремился к одиночеству. Симмонс еще ребенком время от времени путешествовал с отцом, который был капитаном небольшого парома с материка, однако только сейчас в полной мере оценил истинную красоту острова – идеального места для жизни, которое можно обойти меньше чем за час.

Паром все еще ходил. В летние месяцы каждые несколько дней он перевозил кучку туристов, которые находились на острове в течение двенадцати часов, пока не возвращался прилив. Сейчас же все это принадлежало только ему.

Джефф наслаждался одиночеством, даже если отчасти оно было навязано ему с раннего возраста. Дело было не только в инциденте с Мейнардом. Одноклассники относились к нему по-другому и до того, как он сломал зубы хулигану. Джефф Симмонс всегда держал себя обособленно и не присоединялся к их глупым занятиям на переменках. Подобно Симмонсу, большинство одноклассников ходили в церковь каждое воскресенье, но было заметно: им там не нравилось. Джефф, сидя с отцом на передних скамьях, наблюдал, как одноклассники входили в церковные двери – он никогда не видел благоговения на их лицах. Джефф относился к церковным службам серьезно, однако ровесники были там в основном по принуждению. Симмонс жалел их за это, и, возможно, именно поэтому те обижались на него.

С возрастом Джеффу Симмонсу становилось только хуже. Он пытался влиться в толпу – ходил после школы в залы игровых автоматов или на пляж, пытался присоединиться к футбольным играм в обеденное время, а потом к подростковым вылазкам на пирс, а когда наступала ночь, то под него. Мальчика терпели, хотя никогда не

принимали, словно не хотели, чтобы Симмонс находился рядом. Но дети боялись сказать ему об этом.

Джефф вылил остатки кофе на землю и вдохнул застывший воздух. Мужчина прикусил ноготь большого пальца и перевел внимание на вход в пещеру.

Он пробрался сквозь кусты к пещере и вытащил кляп изо рта пленника.

– Как тебе спалось? – поинтересовался он.

– Зачем тебе это? – немедленно отреагировал пленник. Лицо его теперь стало таким же серым, как цвет скалы его убежища.

– Сядь, – коротко произнес Джефф и приподнял его.

– По крайней мере, прояви хоть немного милосердия, – заметил мужчина хриплым голосом. – Я сижу в собственных отходах.

Джефф поморщился. Он этого явно не предусмотрел. Симмонс достал из кармана рифленый охотничий нож – больше для вида, чем для пользы, но пленник съежился.

– Я собираюсь развязать твои путы. Позволю тебе потянуться. Помни, ты слаб, поэтому если ты попытаешься что-нибудь предпринять, я без колебаний этим воспользуюсь.

Джеффа не беспокоило, что пленник попытается убежать. Такой старик не мог бы уйти далеко, и его крики потонут на уединенном острове. Симмонса больше беспокоило, что произойдет, если возникнет необходимость применить силу. Джефф Симмонс не хотел, чтобы похищенный погиб раньше времени.

Джефф потащил мужчину сквозь ветви. Он поранил руку, зацепившись за особенно упрямую лозу.

– Садись сюда, – приказал Джефф и указал на клочок земли рядом со складным стулом.

Он налил мужчине кофе и предложил остатки завтрака. Тот прикоснулся к еде с таким видом, словно та была отравлена. Джефф расстелил спальный мешок пленника на земле, сразу отшатнувшись от его запаха. Одежда мужчины насквозь промокла, и не на что было ее заменить.

– Если будешь хорошо себя вести, я принесу тебе новую одежду сегодня вечером, когда вернусь.

– Зачем это тебе? – повторил мужчина. Его слова будто застряли в какой-то петле.

Джефф закрыл глаза. Крики чаек дразнили его чувства. Джефф Симмонс попытался подавить гнев и произнес:

– Ты знаешь, кто я и что ты сделал со мной.

Мужчина посмотрел на Симмонса с искренним замешательством.

– Это было так давно. Вижу, тот случай причинил тебе боль и навредил больше, чем мы могли ожидать. Мы с твоей матерью сожалеем об этом.

Джефф вскочил на ноги с ножом в руке и бросился на мужчину.

– Не смей, – начал он, слова Симмонса звучали все громче и страстнее, – никогда не говори о моей матери!

Пленник, к его чести, остался на месте, а его глаза встретились со взглядом Джеффа. Пленник сказал:

– Мне очень жаль. Прости, что мы так с тобой поступили.

Джефф прищурился. Солнечный свет блеснул на лезвии его ножа.

– Мы?

– Ты знаешь, что я имею в виду, Джефф. Люди должны были лучше о тебе заботиться. И все, что случилось потом, – несчастный случай – это тоже твоих рук дело?

Джефф понял намек, но притворился, что не знает, о чем говорит пленник.

– Закончим, и можешь возвращаться внутрь.

– Мне очень жаль, Джефф, правда жаль. Могу я остаться здесь на некоторое время? Полагаю, мы одни на острове?

– Да. Но меня ждет работа.

Мужчина заплакал, когда Джефф снова связал ему руки и подтолкнул к пещере. Там он опять приковал пленника цепью и заткнул рот кляпом. Затем вышел, вернулся через несколько минут и накинул на мужчину собственный спальный мешок. Джефф Симмонс решил, что тот, вонючий, сожжет.

– Я проверю вечером, как ты, перед тем как уеду с острова.

Джефф спокойным шагом направился к туристическому центру в середине острова, который и был длиной всего в полкилометра. Джеффу нравилась такая прогулка. Когда стемнеет и прилив у старого пирса достигнет достаточной высоты, Симмонс сможет отправиться в обратный путь. Он осмотрел здание со стороны и только потом приблизился. Хотя паром не ходил в осенние и зимние месяцы,

существовала вероятность, что кто-нибудь заглянет на осторов, пройдя такой же путь на лодке.

Симмонс убедился, что находится один, и направился в центр. Он достал из кармана ключ от одного из рабочих ангаров и открыл дверь, чтобы заняться своим частично законченным творением. Джефф провел рукой по одной его части, довольный ощущением гладкой поверхности под покрытой шрамами кожей. Казалось почти пустой затеей соединять их вместе, но, учитывая предназначение изделия, результат был бы великолепным.

Он занимался до обеда закреплением соединений, но, чтобы завершить работу, понадобится еще время.

На обед он съел подсохший бутерброд с сыром, сделанный почти день назад, и запил водой из бутылки. После еды Джеффа охватила сонливость. Симмонс провел там еще час – работал над объектом, а потом запер ангар. Над горизонтом сгущались темные тучи. Они вырисовывались, как горы, поэтому Симмонс боялся, что возвращаться на материк позже будет слишком опасно.

Он вернулся в лагерь и проверил мужчину. Симмонс дал ему несколько глотков воды. Он понимал, что время от времени нужно позволять пленнику размяться, иначе тот совсем ослабеет. Было ясно, что старик не сможет тут долго существовать. Симмонс уже заметил в нем перемены: лицо похудело, серая кожа покрылась пятнами, а в пожелтевших глазах застыл отсутствующий взгляд. Он не протестовал, когда Джефф забрал воду. Через какое-то время Джеффу придется перевести его в туристический центр, поскольку там теплее. Место было защищенным, с электричеством и горячей водопроводной водой, но до сей поры он избегал держать похищенного там, боясь, что кто-то нанесет спонтанный визит на остров.

Джефф попытался немного поспать в палатке, но его мысли были заняты другим. Дальше станет сложнее, но сейчас ему действительно нужно вернуться на материк. Он уже совершил ошибки и не мог ничего оставлять на волю случая. Симмонс переоделся в непромокаемую одежду, помочился в кустарнике рядом с пещерой, где держал старика, а потом пошел к лодке. Джефф добрался до верха каменных ступеней, ведущих к галечному пляжу, – там была пришвартована его лодка. Сердце бешено заколотилось в груди, едва он заглянул за край утеса. Увидев ослепительный свет, он тут же

бросился на землю. Симмонс очень этого боялся и не мог должным образом подготовиться к такому раскладу. Два байдарочника кружили близко к берегу. Свет, который Джефф поймал, исходил от мощных фонарей на их шлемах. Мужчины кружили взад и вперед, все еще в сотне или около того метров от берега. Казалось, они разговаривали. Джеффу оставалось только надеяться, что байдарочники не собираются приближаться к острову.

Глава двенадцатая

Звонок поступил, когда Луиза покидала пристань. Нашли второе тело – в церкви Святого Михаила в Апхилле, менее чем в километре от ее нынешнего местоположения. Блэкуэлл сразу отправилась в путь.

В церкви собралась небольшая группа сотрудников экстренных служб, бригада фельдшеров и двое полицейских в форме. Луиза узнала недовольного офицера с пляжа – Хьюза.

– Где?

– Внутри, мэм. В этой штуке с исповедальней.

– Вы видели тело?

– Я первым оказался на месте происшествия, мэм. Не требовалось искать пульс, чтобы сказать, что человек мертв. Я никого больше не впускал, даже фельдшеров.

– Хорошая работа, Хьюз, – произнесла Луиза и получила недоуменный взгляд сотрудника.

С заднего сиденья своей машины Луиза достала форму криминалиста, которую всегда возила с собой. Она поспешно переоделась, пытаясь контролировать уровень адреналина в крови. Пока Блэкуэлл шла по каменной дорожке к церкви, подъехало еще несколько полицейских машин. Она потянула тяжелую деревянную дверь, желая увидеть тело до прибытия криминалистов. Церковь Святого Михаила была достойна почтовой открытки: одинокая деревенская церковь почти не изменилась за последние сто лет. Церковь, как и церковь Святой Бернадетты, была католической, и Луиза уже задавалась вопросом, существенна ли эта связь? Она прошла по полированным деревянным половицам и взглянула на витражи с изображениями святых и ангелов. По помещению с высоким потолком гулял сквозняк, и Блэкуэлл подумалось, что здесь, наверное, всегда прохладно, и особенно зимой. Она представила себе группу дрожащих прихожан, сбившихся в кучу и слушающих недельную проповедь.

Следователь приблизилась к исповедальне, откуда исходил запах тела. Запах был менее резким, однако напомнил ей о первых мгновениях на ферме Макса Уолтона. Там разложение исходило от

каждого сантиметра заброшенного здания, а здесь тело было изолировано.

Помедлив, Луиза двинулась вперед.

Дверь исповедальни была открыта, и Хьюз перекинул полицейскую ленту через порог. Луиза быстро глянула внутрь, приготовилась, а потом, затаив дыхание, просунула голову под пластиковую ленту.

Пожилой мужчина, священник, судя по его воротнику, был прижат к углу небольшой кабинки. Луиза поняла, почему Хьюз не проверил пульс мужчины. Его широко распахнутые безжизненные глаза смотрели на Блэкуэлл, словно несчастный все еще пребывал в шоке от того, что случилось. Все тело священника было залито кровью.

Луиза отступила назад. Пусть на ней и была защитная форма, ни к чему топтаться на месте преступления. Под окровавленной одеждой Луиза успела разглядеть следы от веревок на лодыжках и запястьях священника. Его левая рука была разорвана на куски, и рана на запястье была сквозной. Несомненно, это дело рук убийцы Вероники Ллойд.

Прибыли криминалисты. Луизе оставалось только надеяться – на этот раз убийца сделал какой-нибудь промах. Тело не переносилось, поэтому для расследования команда располагала фактическим местом преступления. От Блэкуэлл требовалось выяснить, оставил ли убийца тело здесь намеренно или он, или она, был вынужден изменить планы.

Старший инспектор Робертсон ждал снаружи. Луиза почувствовала напряжение в растущем числе полицейских в форме на месте происшествия. Робертсон умел внушать офицерам почтительный страх. Он подозвал ее и направился к кладбищу в задней части церкви.

– Луиза, – произнес Робертсон. Грубый акцент заставил ее имя прозвучать как обвинение.

– Сэр.

Они остановились у полуразрушенной могилы. Плита из серого бетона кособоко торчала из заросшей травы. Луиза прочла: *Элизабет Бейли, любимая мать Роберта и Мэри. Умерла в 1932 году. 58 лет.*

– Тот же убийца? – спросил Робертсон. Он не обратил никакого внимания на надгробие.

– В этом почти нет сомнений. На запястье жертвы глубокая рана. На этот раз изувечена левая рука, но точно так же, как и у Вероники Ллойд.

– Господи... В церкви, – заметил Робертсон без всякой иронии. – Он точно священник?

Луиза кивнула.

Робертсон протянул следователю листок с двумя фотографиями.

– В церкви два приходских священника, – произнес он, но Луиза уже узнала жертву:

– Он, – коротко сказала она и указала на фотографию отца Маллигана.

– Уверены?

Маллиган был старшим священником, если учитывать указывающих возраст копну седых волос и глубокие морщины.

– Теперь лицо залито кровью, но это он, – раздраженно сказала вынужденная повториться Луиза.

Робертсон проигнорировал ее раздражение.

– У нас вообще есть серьезный подозреваемый в убийстве Вероники Ллойд? – спросил он, хотя и знал ответ.

– Возможно, ее наркотореклер. Хотя на самом деле у него нет средств для чего-то подобного, – Луиза Блэкуэлл повторила информацию, которую Фаррелл сообщил ей тем утром на брифинге. Следователь подумала о тренере по теннису, но вроде он не заслуживал упоминания.

– Уверены?

– Да, Йен, именно так. Послушайте, давайте перейдем к делу. Это убийство сдвинет расследование: у нас появилась связь и есть способ совершения убийства.

Луизе было не по себе все это говорить рядом с трупом священника, все еще находящимся в исповедальне, но они с Йеном знали, что она права. Уже было несколько связей. Возраст обеих жертв, возможный тесный контакт с католической церковью, а ведь они даже не начали интересоваться личной жизнью отца Маллигана.

– В чем дело, Йен? – спросила следователь, но босс не ответил.

Робертсон покачал головой.

– Быть беде. Два жестоких убийства в течение нескольких дней. Один труп на пляже, другой – в забытой Богом церкви.

Луиза нахмурилась и задалась вопросом, осознает ли начальник отдела уголовного розыска то, что сказал.

– Я работала над подобными делами, Йен. Вы же знаете, у меня опыт.

– Я не сомневаюсь в вас, Луиза. Никто не сомневается, – добавил мужчина, на взгляд следователя, слишком поспешно.

– Тогда что же?

– Возможно, вы работали над подобными случаями, но на памяти жителей нашего городка ничего похожего не было. Нам будет уделено много внимания. Я буду удивлен, если это происшествие не станет национальной новостью. Мне тут даже звонил местный депутат и спрашивал, как продвигается расследование.

Луиза оценила давление, оказываемое на Робертсона, и внимание, с которым они все столкнутся.

– Может, так и есть, но мое внимание сосредоточено на Веронике Ллойд и отце Маллигане, а также на поиске того, кто несет ответственность за эти преступления.

– Замечательно, Луиза, но давайте подходить к делу реально. Вы – инспектор-следователь, поэтому окажетесь в центре внимания.

Что-то осталось недосказанным, но Блэкуэлл не стала настаивать.

– Даже не беспокойтесь обо мне, Йен.

Робертсон кивнул и пошел обратно к церкви.

Луиза смотрела, как он уходит. Поднялся ветер, принесший запах моря. Он обжигал уши Блэкуэлл, ее тело немело от холода. Что не сказал Робертсон? Следователь признала: это дело, вероятно, окажется самым громким в городе за последнее время, но и это не полностью объясняло поведение Йена Робертсона. С самого первого дня после убийства Вероники он обращался с ней как с новичком. Луиза догадывалась, что все сводилось к происшествию во время дела Уолтона, и задавалась вопросом, перестанет ли это когда-нибудь преследовать ее и влиять на репутацию?

Луиза вернулась в церковь несколько минут спустя. Там ее ждала суматоха. Мужчина средних лет, закутанный в длинное черное пальто, спорил с констеблем Хьюзом у дверей церкви.

– Мэм, это отец Райли. Я объяснил, что в данный момент он не может войти в церковь, но...

– Отец Райли, инспектор Блэкуэлл. Вы здешний приходской священник?

– Да. И если что-то случилось, я должен быть в курсе, – сказал священник.

Мужчина выглядел на добрых тридцать лет моложе убитого коллеги. Отец Райли был высоким и стройным, а черты его лица – резкими и угловатыми. Он изо всех сил старался поддерживать зрительный контакт с Луизой. Усталые глаза выдавали его обеспокоенность.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спросила следователь.

– В доме священника. Пожалуйста, следуйте за мной, – произнес отец Райли и пошел к небольшому зданию позади церкви. – Извините меня. Я не спал всю ночь, – пояснил он и открыл дверь.

Воздух внутри казался холоднее, чем снаружи. Луиза последовала за священником в маленькую кухню, отец Райли включил чайник. Чайник закипел, и вдруг Райли побледнел и посмотрел на Луизу – он все понял.

– Отец Маллиган... – пробормотал он.

Блэкуэлл бросилась на помощь и выдвинула шаткий стул, чтобы мужчина мог присесть.

– С вами все в порядке, отец Райли?

– Я знал, что произошло что-то серьезное, иначе к чему полиция? Так по какой же причине меня не пустили в церковь?

– Отец Маллиган стал жертвой нападения, в результате которого погиб.

Отец Райли уставился на следователя.

– Его убили? В церкви?

Луиза положила руку на плечо священника. Он был более щуплым, чем выглядел, и задрожал, когда Блэкуэлл прикоснулась к нему.

– Боюсь, это так.

– Ради всего святого, зачем? Ему под семьдесят. Кому он мог помешать?

– Именно это нам и предстоит выяснить. Вы упомянули, что не спали всю ночь? – спросила Луиза, заваривая чай для священника.

– Да. Я был в «Генерале» весь вечер. К сожалению, прошлой ночью мы потеряли одну из наших прихожанок, Глэдис Верной. Это

ужасно... Там присутствовала ее семья. Я провел с Верной последние обряды и предложил поддержку семье в течение ночи.

– Когда вы в последний раз видели отца Маллигана?

– Вчера, днем, еще до того, как меня вызвали.

– Днем?

– Около пяти часов дня. Отец Маллиган должен был отслужить мессу.

– Вчера вечером была месса? – спросила Луиза.

– Верно. Отец Маллиган проводит мессу каждый вторник, в семь часов вечера. У нас редко бывает больше шести или семи человек, но хорошо, что это помогает поддерживать чувство общности. Понимаете?

– Да. Я знаю, смерть отца Маллигана – ужасное потрясение для вас, но не могли бы вы сейчас дать мне имена и адреса прихожан, присутствовавших на мессе вчера вечером?

Священник поднялся со стула и подошел к буфету.

– У нас есть компьютерная система, но я не умею с ней работать. Я напишу вам список, но могу только предполагать, кто из прихожан был на вечерней мессе, – заметил он, вытаскивая блокнот и ручку. Руки отца Райли дрожали, когда он писал, а на глазах выступили слезы.

– Может, я сама запишу адреса?

– Нет, все нормально. – Священник потер кончиком ручки под носом и продолжил заполнять листок. – Как... как это случилось? – спросил он после некоторой паузы.

Луиза представила мертвого священника, глубокие борозды на его руках и ногах, кровавую рану на запястье.

– Мы сейчас и пытаемся это понять, – объяснила она.

– Мне нужно увидеть отца Маллигана до того, как его заберут.

– Можно устроить, – произнесла Луиза и забрала список у священника. Она поколебалась, но добавила: – Это не первое убийство. Вы слышали о женщине, найденной на пляже?

– Боже мой, да. Ужасное происшествие. Вы же не хотите сказать...

– Мы считаем, эти смерти каким-то образом связаны. Другую жертву звали Вероника Ллойд. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Нет, – без колебаний ответил священник.

Луиза кивнула.

– Вероника была активным членом церкви Святой Бернадетты.

Отец Райли нахмурился, явно сбитый с толку этим заявлением.

– Вот оно как...

– Значит, вы хорошо знаете ту церковь?

– Естественно. Это ближайший к нашему приход, и отец

Маллиган служил там в течение двадцати лет.

Глава тринадцатая

Нервное возбуждение пробежало по оперативному штабу. Луиза начала брифинг. Казалось, весь персонал участка был втиснут в это пространство, и многие офицеры в форме стояли. Луиза предложила им сосредоточить внимание на связях между двумя жертвами и церквями Святого Михаила и Святой Бернадетты.

– Томас, ты вчера встречался со священником из церкви Святой Бернадетты?

– Да, с отцом Макгуайром. Молодой парень. Он очень хорошо говорил о Веронике Ллойд и будто бы был опустошен этой новостью. Когда я уходил, он зажег свечу и, видимо, начал молиться за ее душу.

– Назначь мне встречу с ним на ближайший час.

Луиза вернулась в кабинет и уставилась на телефон. Она дожидается прибытия Демпси и только потом покинет участок. Тот обещал позвонить, если обнаружит что-нибудь важное, но это будет нескоро. Так почему же она была так рассеянна? В то утро она еще ничего не слышала от своих родителей и хотела узнать, как дела у Эмили, но и это не основная причина. Луиза, хотя это трудно было признать, ждала текстового сообщения от Финча.

– Луиза?

Следователь перевернула телефон экраном вниз, увидев в дверях Томаса.

– Да, – произнесла она чересчур резким тоном.

– Отец Макгуайр ждет вас. Он уже знает о трагедии в церкви Святого Михаила.

– Хорошо, спасибо. Я сейчас же к нему отправлюсь.

– Составить вам компанию?

Блэкуэлл хотелось одной осмотреть собор Святой Бернадетты и встретиться со священником.

– Нет, все в порядке. Спасибо, Томас.

Церковь Святой Бернадетты находилась всего в пяти минутах ходьбы от стоянки, поэтому Луиза, припарковав машину, вышла навстречу пронизывающему ветру, дувшему с берега. Следователь никого не встретила по дороге в церковь, и ей показалось, что на

дорогах стало меньше машин. Уж не опасаются ли люди стать следующими жертвами? Город все еще не оправился от смерти Вероники Ллойд, и Луиза предположила, что новости о трагической судьбе отца Маллигана, вероятно, уже распространились.

Расположенная рядом с начальной школой с тем же названием церковь Святой Бернадетты представляла собой простое здание из желтого кирпича. Блэкуэлл вошла внутрь и огляделась. Она пыталась понять, почему это место так непохоже на церковь. Внутри царил атмосфера офисного здания, несмотря на барельефы религиозного содержания на стенах и изображение Распятия Христа над алтарем.

– Просто здесь нет окон, – произнес кто-то.

Луиза развернулась и увидела худощавого мужчину с копной темных волос, лицо его было свежим и молодым. Он улыбнулся следователю, причем так невинно и приветливо, что Блэкуэлл потребовалось несколько секунд, чтобы признать в незнакомце священника.

– Отец Джон Макгуайр, – произнес священник и протянул ей руку. – Но, пожалуйста, зовите меня Джон.

– Инспектор Блэкуэлл.

– Да, я понял. Ваш коллега предупредил, что вы приедете.

– Мы можем где-нибудь присесть? – спросила Луиза, почувствовав себя неловко в этой обстановке.

– Конечно. В доме священника, – ответил отец Макгуайр и повел следователя мимо скамей.

Луиза была крещена как католичка и узнала станции Крестного пути, когда следовала за отцом Макгуайром к дому священника. Картины Иисуса, несущего крест, были современными, близкими к абстракциям, и Луиза задалась вопросом, не нарисовал ли их ребенок.

В отличие от церкви Святого Михаила, дом священника в церкви Святой Бернадетты примыкал к церкви. Макгуайр провел ее в кабинет. В комнате с голыми полами и выкрашенными в белый цвет стенами было холодно. В центре стоял деревянный стол, а за ним располагалось еще одно распятие.

– Могу предложить вам чай или кофе? – поинтересовался Макгуайр.

– Нет, спасибо. Со слов сержанта, вы уже слышали об убийстве отца Маллигана в церкви Святого Михаила. Это так?

Улыбка Макгуайра померкла. Луиза заметила, что его руки дрожат. Священник достал пачку сигарет.

– Не возражаете? – спросил он и стал возиться с пачкой.

– Нет-нет.

Отец Макгуайр зажег сигарету с осторожностью наркомана, а Луиза задалась вопросом, какие еще пороки мог скрывать этот молодой человек.

– Как давно вы здесь работаете? – поинтересовалась она, едва священник сделал первую долгую затяжку.

– Пять лет.

– Вы приходской священник?

– Да. Сейчас вообще один. Мой последний коллега ушел два года назад. Нам еще предстоит найти ему замену.

– Наверное, тяжелая работа.

– В принципе, да, но я получаю поддержку от других приходов. Мы справляемся.

– Я представляю, каким шоком стала для вас новость о Веронике Ллойд, – предельно мягко начала Луиза Блэкуэлл.

– Да не то слово. Одним из прискорбных побочных эффектов священничества является постепенная привычка к смерти или что-то вроде этого, и вот теперь отец Маллиган...

«А смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к смерти?» – задумалась следователь. Между работой священника и ее собственной была четкая параллель, но она сомневалась, что «привыкла» – правильное слово.

– Я должна спросить у вас, отец. Можете ли вы вспомнить кого-нибудь, желавшего причинить вред Веронике и отцу Маллигану?

Священник не колебался:

– Никто никогда не хотел причинить боль Веронике. Это самая нежная душа, которую я когда-либо встречал, а что касается отца Маллигана, то он был просто стариком. Зачем кому-то его убивать?

Луиза дала молодому священнику немного времени, позволила ему еще раз затянуться сигаретой и только потом спросила:

– Если обратиться к прошлому отца Маллигана, можно ли найти там что-то сомнительное?

Отцу Макгуайру потребовалось несколько секунд, чтобы понять вопрос. Луизе не хотелось бы спрашивать об этом, но, учитывая сексуальные скандалы, сотрясавшие Церковь на протяжении многих

лет, она не могла отмахнуться от подобной версии. Если окажется, что существует такой мотив для совершения столь зверского поступка, то нужно рассматривать версию мести со стороны жертвы жестокого обращения с детьми.

Отец Макгуайр покачал головой:

– И как вы можете даже предполагать такое? Бедняга только что расстался с жизнью.

– Я понимаю это, отец, но я все же должна спросить, обвиняли ли отца Маллигана когда-нибудь в подобных поступках? Мы собираемся все выяснить, и если вы сейчас укажете нам правильное направление, то это поможет найти убийцу и Маллигана, и Вероники.

– Хотите верьте, хотите нет, инспектор Блэкуэлл, но не все из нас сексуальные извращенцы.

– Я этого и не утверждаю, отец Макгуайр.

Священник поднял руку:

– Нет, нет. Я не принимаю никаких домыслов. Отец Маллиган был найден убитым этим утром, а вы уже здесь, да еще и порочите его имя.

Луиза нахмурилась. Она сочувствовала священнику и уважала его за то, что он защищал коллегу, но расследование не могло остановиться.

– Никто не порочит его имя, но этот вопрос необходимо задать. Он нуждается в ответе, – добавила следователь, привлекая внимание священника и не оставляя Макгуайру сомнений в его обязанности ответить.

Священник вздохнул.

– Я никогда не слышал ни о каких обвинениях в адрес отца Маллигана, и, честно говоря, само это предположение смехотворно.

Луиза решила пока сменить тему. Она попросит команду заняться этой версией, как только вернется в участок.

– Он был здешним священником?

– Да.

– Почему он ушел?

– К сожалению, мы изредка сами принимаем такие решения. Я полагаю, отец Маллиган был здесь одним из трех священников, а потому его перевели туда. Он работал в церкви Святого Михаила уже тридцать лет.

– Отец Маллиган когда-нибудь встречал Веронику Ллойд? – спросила Луиза.

– Вполне возможно. Вероника была очень активной прихожанкой. Мы иногда проводили совместные мероприятия с церковью Святого Михаила.

С другой стороны, не могу припомнить, чтобы видел их вместе. Здоровье отца Маллигана в последние несколько лет желало лучшего, поэтому он не мог приходить к нам так часто, как ему хотелось.

Луиза решила смягчить вопросы об убитом священнике, поскольку почувствовала растущее беспокойство отца Макгуайра. Разговор подходил к концу.

– Вероника когда-нибудь делилась с вами личными делами?

– Она признавала исповедь, если вы об этом спрашиваете.

– Я думаю, вы не можете вдаваться в подробности по этому поводу.

– Конечно нет, печать исповедальни священна.

– Однако помимо исповеди вы знали о каких-либо личных проблемах, с которыми Веронике приходилось сталкиваться? – настаивала Луиза Блэкуэлл.

– Очевидно, ее шокировала смерть матери, но прошло уже немало времени. К тому же она была пожилой женщиной...

Луиза решила говорить конкретно.

– Мы нашли героин в доме Вероники.

– Героин? Нет, нет, нет, Вероника никогда бы не стала употреблять наркотики. Она не такой человек.

Луиза слышала подобные опровержения бесчисленное количество раз.

– Иногда трудно определить, употребляют ли люди, – заметила она.

– Возможно, но думаю, что заметил бы. Вероника считалась самым продуктивным и ценным волонтером. За все время, что я ее знал, она никогда не отменяла встречи и никогда на них не опаздывала.

Я не могу даже представить, что она употребляла наркотики.

Луиза решила больше не давить на молодого священника.

– Спасибо, отец Макгуайр, вы нам очень помогли.

– Пожалуйста, позвольте мне проводить вас, – предложил священник и потушил вторую сигарету.

Он повел ее обратно через церковь и абстрактные станции Крестного пути.

– Интересная архитектура, – сказала Луиза, когда они остановились у дверей церкви.

Макгуайр кивнул. Он был рассудителен.

– Да, но она далека от идеала. Я думаю, в восьмидесятые такая архитектура была в моде.

– В восьмидесятые? – переспросила Луиза.

– А вы не знали? В восьмидесятых годах произошел пожар, и большая часть церкви сгорела дотла. Часть строения уцелела, но не сохранилась – церковь было небезопасно восстанавливать. Поэтому мы и выстроили это... современное здание.

– В каком году был пожар? – уточнила следователь.

– В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, – ответил священник.

– Отец Маллиган служил здесь в восемьдесят третьем?

Священник на мгновение смутился.

– Ну... Полагаю, да.

Глава четырнадцатая

Прогулка Луизы от церкви до набережной была короткой. Прилив полностью прекратился. Он мог простираться на полтора километра от берега и оставлять за собой грязевую пустошь. Люди постоянно застревали в опасных илистых отмелях. С момента приезда Луизы в город два человека погибли в них, несмотря на многочисленные предупреждающие знаки вдоль пляжа.

Она посмотрела в сторону того места, где обнаружили тело Вероники Ллойд. Трудно было поверить, что это произошло всего два дня назад. Выгуливающий собаку мужчина топтал землю там, где была разбита палатка криминалистов, а его рыжий уиппет обнюхивал пяточок пляжа, словно чувствовал, что произошло на этом месте. Море смыло шансы найти дополнительные улики, и Луиза Блэкуэлл могла только надеяться, что криминалисты собрали все необходимое. Следователь ожидала сообщения из отдела судебно-медицинской экспертизы в Портисхеде, оно должно было поступить сегодня. Возможно, хотя и маловероятно, что дело будет закончено, как только придет их отчет. Все, что для этого потребуется, – след ДНК кого-то из их базы данных на теле Вероники. Тогда у них сразу появится подозреваемый.

Однако, хотя Луиза не сомневалась, что на Веронике и отце Маллигане окажутся следы ДНК убийцы, она не надеялась на совпадения с базой данных. Это было маловероятным не потому, что она считала убийцу слишком организованным и профессиональным, чтобы оставить свою ДНК на месте преступления, а потому, что подозревала – Вероника была первой жертвой преступника, его ДНК просто нет в базе. Сначала убийца расправился с Вероникой, а затем оставил тело отца Маллигана в общественном месте, где его точно должны обнаружить. Немыслимо думать, что кто-то известный полиции совершил зверское преступление, если только он не хотел своей поимки, а следователь чувствовала – он этого не хотел.

По крайней мере пока.

Луиза Блэкуэлл заказывала кофе в ларьке на набережной, когда вдруг зазвонил телефон. Она взглянула на экран: брат. Луиза почти не

думала о вчерашних событиях, она и сейчас была слишком сосредоточена на текущих. Ей еще предстояло поговорить с матерью, написавшей, что Эмили останется с ними на несколько дней. Пол звонил либо для того, чтобы обвинить сестру, либо чтобы убедить ее помочь в борьбе против родителей. В любом случае Луиза не хотела вмешиваться. Она дождалась, когда телефон перестал звонить, и только потом направилась обратно к ряду развлекательных залов на Риджент-стрит. В зимние месяцы они почти пустовали и становились убежищем для местных наркоторговцев. Луиза Блэкуэлл часто задавалась вопросом, за счет чего владельцы могли позволить себе поддерживать мигающие огни игровых автоматов? Она вспомнила, как была взволнована в детстве, когда проходила мимо этого ряда зданий. Тогда аркады были построены как приложение к ярмарке, предваряя ее, но теперь они казались безвкусными и холодными. Пустые, печальные места.

Это заставило ее подумать о церкви Святой Бернадетты и ее вынужденной современности, резко контрастирующей с атмосферой Старого Света в церкви Святого Михаила и священником, управлявшим там. Священники. Сегодня она видела троих из них, хотя только двое из них были живы. Отец Райли и отец Макгуайр, как и сами церкви, были противоположностями. Райли, немолодой, серьезный священник, и Макгуайр, почти невинный юноша. Луиза не могла представить, как признаётся в грехах такому молодому священнику. Может, потому, что она старше, или потому, что не была на исповеди с одиннадцати лет?

Когда Луиза высказала предположение о жестоком обращении с детьми, Макгуайр сразу посерьезнел и слишком быстро встал на защиту Маллигана и Церкви. Придерживался ли он церковной линии или что-то скрывал? Сама по себе идея Луизе Блэкуэлл не нравилась, но им придется расследовать оба прихода на предмет подозрений в злоупотреблениях, и, если учитывать ее опыт общения с католической церковью, Луиза предполагала: это будет проблематично. Она уже работала над делами о жестоком обращении раньше, в Бристоле. Церковь любила удерживать все в свои стенах, и от ее представителей было почти невозможно получить какие-либо прямые ответы. Это одна из главных проблем в общении с организацией, верившей, что все

ваши преступления могут быть прощены, если вы просто будете достаточно усердно молиться.

А потом случился пожар. Макгуайр не считал это подозрительным, но Блэкуэлл хотела разобраться в случившемся.

Она увидела Фаррелла, когда входила в участок. Сержант традиционно ухмыльнулся и сказал:

– Мэм.

– Куда ты собрался, Фаррелл? – поинтересовалась Луиза. Ей не хотелось быть с ним вежливой.

– Я видел подозреваемого – наркоторгавца Вероники Ллойд – в баре в Хаттоне. Я собираюсь привести его сюда и расспросить об отце Маллигане.

– Возьми с собой форму.

Фаррелл нахмурился:

– Мне она не нужна. Я знаю этого подонка. Будет делать то, что ему скажут.

– Просто возьми на всякий случай.

Фаррелл хотел сказать что-то еще, но потом просто пожал плечами.

– Ладно, вы – босс, – сказал он.

Луизе не понравилось, как Фаррелл произнес слово «босс», его пожатие плечами, но она пропустила эти странности мимо ушей.

Блэкуэлл вошла в кабинет и почувствовала напряжение. Ее офицеры были заняты работой, однако царил необычная тишина. Дверь Робертсона была закрыта, а жалюзи опущены.

– Что происходит? – спросила она Томаса.

– Сам не понимаю, – заметил он и оторвался от экрана.

– Кто там у Робертсона?

Томас нахмурился. Он выглядел виноватым и уличенным в секрете.

– Кто-то из Главного управления.

– Из Портисхеда?

– Похоже на то.

Луиза прошла в кабинет, села за стол и закрыла глаза. Этого не могло быть! Расследование только началось. Она включила экран и запустила поиск по пожару в церкви Святой Бернадетты в 1983 году,

но не смогла сосредоточиться на результатах. Луиза Блэкуэлл должна увидеть, с кем разговаривает Робертсон, и убедиться, что это не *он*.

Луиза чувствовала, что все взгляды устремлены на нее, когда шла в офис Робертсона. Это мог быть безобидный, обычный визит, но притихшая атмосфера говорила об обратном. Следователь постучала в дверь.

– Да, – услышала она голос Робертсона.

Луиза глубоко вздохнула и осторожно открыла дверь. Блэкуэлл изо всех сил старалась унять бешеное сердцебиение. Она с нейтральным выражением лица взглянула сначала на Робертсона, а затем на его посетителя.

Теперь она знала, почему на ее телефоне не было текстового сообщения ни вчера вечером, ни сегодня утром.

Старший инспектор Финч решил не секретничать, как обычно, а вместо этого нанести своей старой знакомой личный визит.

Глава пятнадцатая

Байдарочники кружили вокруг острова уже тридцать минут. Чего они ждали?

Он лежал на краю обрыва с момента их прибытия и наблюдал, как байдарочники поворачиваются и качаются на воде. Они то направляются к берегу, то отступают. Байдарочники не могли видеть лодку Симмонса на галечном пляже, но они не уходили. Свет от фонарей на их шлемах рассекал темнеющее море. Джефф оставался на месте, он не мог позволить им обнаружить себя. Пленника Джефф надежно спрятал, и теоретически он имел право разбить лагерь на острове, но если байдарочники об этом узнают и расскажут, что видели здесь кого-то, то это может помешать его планам.

К счастью, на стороне Джеффа были две вещи: ухудшающаяся погода и опасный прибой вокруг острова. Прилив мог достигать семи узлов. Из-за силы воды даже с помощью подвесного мотора добраться до причала на острове было достаточно трудно. Для байдарочников и вовсе самоубийственно подходить ближе, а с приближением темноты тем более безрассудно пытаться добраться до берега.

Но как поступил бы Симмонс, если им это удастся? При всей любви к планированию он никогда не рассматривал такой сценарий. Смерть миссис Ллойд и отца Маллигана не отменить, но ведь он не мог причинить вред этим двум мирным гребцам, не так ли?

Джефф почувствовал себя совершенно одиноким. В отчаянье он даже подумал покончить со скрытностью, все рассказать байдарочникам и прекратить воплощение своего плана. Симмонс вспомнил о прошлой ночи и об ощущении отчужденности в пабе, когда его заставили выпить с Малкольмом и его друзьями. Было ли это предупреждением? Наказанием за убийства и деяния, которые ему еще предстояло совершить?

Боже, как Джефф Симмонс скучал по отцу! Он бы знал, что делать. Каждое воскресенье после мессы отец обсуждал с Джеффом содержание службы. Он расспрашивал Симмонса о проповеди и различных евангельских чтениях, указывал на темы и мотивы, уроки, которые тот, возможно, усвоил. Время от времени отец выходил из

себя, когда Джефф что-то неправильно истолковывал. Джефф вздрогнул при воспоминании о таких стычках. Он закрыл глаза, борясь с воспоминаниями об отцовском ремне, и старался призвать мудрость старика.

Джеффа Симмонса проверяли. Он знал, в какой-то момент это произойдет, и ему придется смириться. Джон Мейнард стал испытанием, которое Джефф прошел. До потери передних зубов мальчик был тираном, злом, преследовавшим всех в младших классах, но Джефф спас его. Хотя впоследствии они никогда не были друзьями, Джон Мейнард безвозвратно изменился после того события. Джон никогда не благодарил его, однако Симмонсу нравилось думать, что Мейнард время от времени оглядывался на свою жизнь и рассматривал инцидент у фонтана как поворотный момент своего спасения.

Байдарочники словно почувствовали новообетенную уверенность Джеффа и предприняли последнюю попытку добраться до берега, прежде чем развернуться и направиться обратно к материку. Свет их фонарей рассекал море. Джефф смотрел, как байдарочники отступают, пока их силуэты не превратились в булавочные точки в поле его зрения. Затем Симмонс с трудом поднялся на ноги.

Он сел на краю обрыва и стал смотреть через море в сторону берега. Уэстон окутывал туман. Джефф напряг зрение, будто мог разглядеть крошечные фигурки, суetyющиеся на материке. Полиция, похоже, уже нашла священника, и от этой мысли у него перехватило дыхание. Прошлой ночью он был осторожен, но пошел на риск и сначала сходил на мессу. Скорбящие вдовы могли заметить его, и хотя Симмонс сомневался, что вдовы действительно могли что-то запомнить, но была вероятность, что они могли придумать какое-то описание его внешности.

С прибытием байдарочников придется вести себя на острове вдвойне осторожнее, но время истекало, и нужно как можно скорее закончить следующие два дела.

Глава шестнадцатая

Старший инспектор Робертсон выглядел как провинившийся школьник, пойманный за проделку, а на лице Финча змеилась псевдоочаровательная улыбка. Луиза не могла отрицать, что раньше его улыбка заставляла ее врасплох и что она находила высокомерие Тимоти привлекательным. Он не сильно изменился за последнюю пару лет. Финч легко вошел в роль старшего инспектора, как будто эта должность была ему предназначена. Тимоти Финч в своем идеально сшитом темно-синем костюме развернулся на стуле лицом к Луизе и провел рукой по густым черным волосам. Он излучал уверенность человека, имеющего право сидеть в кабинете ее босса, хотя на самом деле был просто незванным гостем.

Луиза выдержала пристальный взгляд Тимоти и даже улыбнулась в ответ.

– Вы знаете старшего инспектора Финча, – отметил Робертсон, и его рык уроженца Глазго утратил обычную зычность.

– Здравствуй, Тим.

– Луиза, как ты? – спросил Финч.

На одно ужасное мгновение Блэкуэлл показалось, что Тимоти собирается ее обнять. Он протянул руку, и она пожала ее, но не дрогнула от крепкого ответного рукопожатия.

– Все нормально, – ответила следователь. Она боролась с желанием выпустить содержимое перцового баллончика из кармана куртки в глаза мужчине, когда вспомнила, как Тимоти Финч на ферме Уолтона приказывает ей действовать.

– Что же привело тебя сюда, Тим?

– Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, – пригласил Луизу Робертсон. Он делал вид, что не происходит ничего необычного.

Блэкуэлл села рядом с Финчем и даже не обратила внимания на знакомый запах его лосьона после бритья. Она была готова к его словам, но изо всех сил старалась контролировать учащающийся пульс.

– Старший инспектор Финч прибыл по поручению помощника главного констебля Морли, – объяснил Робертсон.

– Речь идет о деле Вероники Ллойд? – произнесла Луиза нейтральным тоном.

– Терренс попросил меня приехать, чтобы предложить помощь, если понадобится, – добавил Финч.

Луиза чуть не рассмеялась, когда услышала, как Финч небрежно назвал помощника главного констебля по имени. Тимоти не хватало тонкости, но он сказал это с убеждением. В отличие от Луизы, Тимоти был в дружеских отношениях с Терренсом Морли, который сыграл важную роль в ее уходе из МІТ. Терренсу, полицейскому старой закалки, было под пятьдесят, так что ему еще предстояло полностью совместить современную полицейскую практику и офисную политику. Морли обожал рискованные шутки или непристойные комментарии, но сам никогда не делал и не говорил ничего, что могло бы навлечь на него неприятности. Терренс Морли, казалось, относился к Луизе достаточно уважительно, но она чувствовала, что тот просто лицемерил. У него были любимчики вроде Тимоти Финча, а остальных он лишь терпел. Луиза знала, что Морли винил ее в происшествии на месте преступления на ферме Уолтона, что он смотрел на нее с презрением из-за ее бывшего романа с Финчем.

– А что, Терренс не мог сказать об этом сам? – спросила Блэкуэлл и заметила, как дернулась верхняя губа Робертсона, когда она тоже назвала Морли по имени.

Финч понял пренебрежительный настрой Луизы и повернулся к Робертсону за поддержкой.

Босс Луизы убрал руки со стола и вздохнул:

– Старший инспектор Финч хочет всего лишь предложить помощь, Луиза. Никто не пытается отобрать у вас это дело.

Финч улыбнулся:

– Ты же знаешь, Луиза, какими ресурсами мы располагаем в Портисхеде. В связи с обнаружением тела отца Маллигана можно утверждать, что МІТ должен расследовать это дело.

Луиза впилась взглядом в Робертсона. Она негодовала. Блэкуэлл уставилась на мужчину после того, как тот отвернулся и тем самым намеренно создал в кабинете неловкую тишину. Краем глаза следователь заметила, что Финч постучал ручкой по левому бедру – нервный тик, которого она раньше не замечала. Луиза знала: этот момент имеет решающее значение. Он определит не только текущее

дело, но и ее рабочие отношения с Робертсоном и, возможно, ее будущее в полиции.

– Спасибо, Тим, за твое любезное предложение, но в данный момент у нас все под контролем. Возможно, будет польза, если вы сможете поторопить группу судебно-медицинской экспертизы с результатами по делу Вероники Ллойд, а в остальном дела пока идут нормально.

Вторая волна тишины накрыла комнату. Луиза относилась к инспекторам-следователям самого низкого ранга, не ей принимать решение, но она не собиралась работать с Финчем и, конечно же, не собиралась передавать дело в МІТ по предложению Терренса Морли, независимо от его ранга.

Финч плотно сжал губы. Он посмотрел на Робертсона, выразительно раскрыв глаза, словно уже предсказал все только что сказанное Луизой, и фраза «Я же тебе говорил» едва не сорвалась с его губ.

Робертсон, размышляя, начал кивать головой в такт неслышимому ритму. Пауза, перед тем как он заговорил снова, показалась Луизе вечностью.

– Хорошо, спасибо. На данный момент у нас все под контролем, Тим, но я ценю предложение. Естественно, мы свяжемся с вами, если ситуация изменится.

Луиза спрятала улыбку, грозившую расцвести на ее лице. Она восхищалась Робертсоном.

Финч сделал вид, что воспринял отказ с хорошим настроением, но не смог скрыть разочарования в своих жестких глазах. Луиза чувствовала, это будет не последнее, что они услышат от этого человека.

– Хорошо. Я думаю, ты совершаешь ошибку, Йен, но спасибо, что уделил мне время.

Оба мужчины встали и пожали друг другу руки.

– Инспектор, – произнес Финч и направился к двери.

Луиза осталась сидеть.

– Тим. – Робертсон подождал, когда Финч выйдет из кабинета, и вернулся на свое место.

– Спасибо, Йен, я действительно ценю это.

– Не благодарите меня раньше времени. Финч не оставит такое дело без внимания, и к нему прислушивается помощник шефа. Скоро нам нужно будет что-то показать этим людям, иначе я не смогу помешать им захватить расследование.

– Что вам известно о пожаре в церкви Святой Бернадетты? – спросила Блэкуэлл и таким образом сменила тему.

– Это было до меня, – произнес Робертсон, застигнутый вопросом врасплох. – А что?

– Я не уверена, но ведь Вероника Ллойд работала там волонтером, и церковь имеет тесную связь с церковью Святого Михаила. Вполне вероятно, отец Маллиган так или иначе знал Веронику.

– Зыбко, хотя уже что-то. Вот, возьмите, – произнес он, порывшись в ящике стола, и протянул ей визитную карточку. – Редактор в «Меркьюри». Он мог работать журналистом, когда сгорела та церковь. Позвоните ему. Вам придется угостить его алкоголем, но, если там есть какая-то история, этот человек ее разузнает.

– Еще раз спасибо, Йен, – кивнула Луиза и поднялась на ноги.

– Пока не благодарите меня, Луиза. Времени очень мало.

Блэкуэлл взяла себя в руки и вернулась в кабинет. Она все еще чувствовала запах лосьона Финча, он словно прилип к коже. Воспоминание о запахе Тимоти Финча теперь навсегда вплелось в те последние мгновения на ферме Уолтона, и ей захотелось принять душ, чтобы отмыться от этого стойкого аромата. Луиза всегда боялась встречи с Тимоти, и теперь, когда та состоялась, она могла либо заикнуться на вмешательстве Финча, либо изо всех сил стараться игнорировать его и раскрыть дело без помощи бывшего коллеги и любовника.

Пронзительный звук прервал ее раздумья. Это присвистнула офис-менеджер Симона.

– Что это за красавчик? – спросила женщина.

Луиза посмотрела на Симону как на ненормальную.

– Ты сейчас о ком? А? – сказала Блэкуэлл немного более сурово, чем намеревалась.

– Парень из Портисхеда. Финч?

Луиза не могла припомнить, чтобы Симона комментировала внешность любого другого мужчины. Луиза и Симона не были близки, и их общение иногда становилось сложным, поэтому следователь

удивилась, услышав, что офис-менеджер говорит так, будто они были подругами-сплетницами. Луиза подумала, уж не Финч ли подговорил Симону.

– Человек, с которым я раньше работала, – ответила она.

Симона подняла бровь:

– Я удивлена, что ты вообще где-то работала.

Луиза нахмурилась и подумала, что Симона отступит, если она оставит выпад без внимания.

Симона так же мрачно посмотрела на Блэкуэлл.

– Это пришло для тебя, когда ты была у Робертсона, – доложила она и протянула Луизе номер телефона. – Группа судебно-медицинской экспертизы. Тоби Фарли. Говорит, ты можешь позвонить ему и он пришлет подробности по электронной почте.

– Спасибо, Симона. – Луиза отвернулась от офис-менеджера и открыла почту в ноутбуке. Она просмотрела электронное письмо из судебно-медицинской экспертизы и потом более подробно прочитала документ. Как она и предполагала, образцов ДНК было множество, но ни одна из найденных на теле первой жертвы не соответствовала ничему из PND (Национальной базы данных полиции): или у убийцы не было записи ДНК в базе данных, или ему каким-то образом удалось избежать загрязнения места преступления. Последнее было настолько маловероятным, что Луиза почти отмахнулась от этой версии. Криминалистическая экспертиза так развилась за последние несколько лет, что убийца практически не мог не оставить какой-нибудь след на месте преступления.

Следователь закрыла отчет. Единственный положительный момент наличия второго тела – возможность сопоставить результаты анализа ДНК на обоих местах преступления. Конечно, сейчас они не имели законного подозреваемого, которого можно проверить, но это ведь только начало. Теперь все, что требовалось от Луизы, – выяснить, кто мог желать смерти двум людям около семидесяти лет, один из которых священник. Да, стариков никто не застраховывал от насильственной смерти, но она обычно совпадала с неудачными кражами со взломом или грабежами. Пожилые люди редко становились жертвами столь целенаправленных убийств, и это наводило на мысль, что возраст последних двух жертв и впрямь имел значение. Соединить это с возможной связью с церковью Святой

Бернадетты, и явно будет что расследовать. Веронике Ллойд было тридцать два года во время того пожара, а отцу Маллигану – тридцать пять.

Луиза пыталась игнорировать свои сомнения и мысленно твердила себе, что возраст жертв и пожар не имеют связи. Блэкуэлл взяла мобильный и позвонила по номеру, указанному ей Робертсоном.

– Доминик Гаррет, – ответил мужчина.

– Мистер Гаррет. Следователь-инспектор Луиза Блэкуэлл. Ваш телефон дал мне Йен Робертсон.

– А, Йен. Очень любезно с его стороны. Луиза Блэкуэлл. Теперь это имя мне о чем-то говорит, – заметил Гаррет. В его голосе явно слышался юмор и, возможно, алкоголь, если судить по невнятным согласным. – Ах да, именно вы отвечаете за пляжное тело. Убитая – Вероника Ллойд?

– Совершенно верно, мистер Гаррет. Я хотела спросить...

– Да, и священник с Горы, – перебил ее Гаррет. – Отец Маллиган?

– Совершенно верно, мистер Гаррет. Я хотела...

– Я этого не делал.

– Не делали чего, мистер Гаррет?

– Я, разумеется, не совершал убийства. У меня полное алиби.

Луиза вздохнула. Она инстинктивно держала трубку подальше от себя. Было всего три часа дня.

– Я не сомневаюсь, мистер Гаррет, и звоню я не по этому поводу.

– Интригующе.

Луиза подумала, не прекратить ли разговор. Возможная связь между пожаром и убийствами была настолько хрупкой, что вряд ли нуждалась в обосновании. Блэкуэлл не хотела, чтобы пьяный журналист еще и напечатал об этом в местной газете.

– Это не для протокола, но я надеялась получить некоторую информацию о пожаре в церкви Святой Бернадетты, произошедшем в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году.

На линии воцарилась тишина, а затем Луиза услышала, как мужчина сглотнул.

– Вы меня интригуете, инспектор Блэкуэлл, – произнес Гаррет и затаил дыхание. – Вот что я вам отвечу: купите мне джин-тоник, и я вам расскажу все, что знаю. Скажем, через час в отеле «Роял Оук»?

Луиза согласилась и повесила трубку. Когда она надевала пальто, вернулся Фаррелл. Он, уже без своей обычной ухмылки, швырнул бумажник и мобильный телефон на стол.

– Все в порядке? – спросила Луиза.

– Дилер – это не вариант. У него железное алиби в ночь смерти Вероники Ллойд. Дилер проводил время в Бристоле с приятелями, он был с ними до самого утра. Судя по его состоянию, дилер вряд ли был хоть на что-то способен. Я могу и дальше им заниматься, но это направление малоперспективно.

– Что же сказал дилер, когда ты спросил его об отце Маллигане?

– Этот маленький засранец забавно возмутился. Сказал, что никогда не продаст наркотики священнослужителям, словно он был, скажем, морально против. Однако мы ведь не думаем, что Маллиган принимал наркотики?

– Мы скоро это выясним.

На улице стемнело раньше: в прошлые выходные перевели часы на час назад. Луиза шла по Уоллискот-роуд к кинотеатру «Одеон» и заметила бездомного, съезжившегося под ворохом спальных мешков в заброшенном магазине. «Не забыть бы сказать, чтобы кто-нибудь из полицейских в форме проверил ситуацию с ночлежками», – отметила Луиза и перешла дорогу в сторону хай-стрит. Огни Silica – тридцатиметрового произведения искусства, служившего автобусной остановкой и информационным стендом, – тянулись во мрак ночи в верхней части пешеходной зоны. Местные жители прозвали сооружение «Морковкой», но Луизу всегда раздражало его присутствие в городе. По ее мнению, утончающийся бетонный шпиль выглядел неуместно и бессмысленно. Хотя Silica был установлен здесь уже тринадцать лет назад, Луиза не замечала его во время наездов из Бристоля, и это еще раз подтвердило, насколько она потеряла связь с местом, которое так часто посещала в детстве.

Прогулка по пешеходной хай-стрит была удручающей. В тусклом свете уличных фонарей серые витрины магазинов выглядели выцветшими и изношенными, а район пустовал, будто давно покинутый.

У Луизы возникло ощущение, что люди сидят по домам и прячутся от непредсказуемости убийцы на свободе. То есть Блэкуэлл косвенно ответственна за волну страха в городе.

Она без особого труда нашла Доминика Гаррета в баре отеля. Единственный посетитель, он беседовал с растерянным молодым барменом.

– Ах, инспектор Блэкуэлл, я думал, вы меня бросили, – заявил Доминик, словно обращаясь к театральной публике. Его голос соответствовал огромному росту. Гаррет носил костюм, обтягивающий его широкую грудь и живот. Костюм Доминика мог накрыть трех мужчин среднего роста.

– Мне того же, бармен. Что я могу вам предложить, инспектор?

– Мне просто родниковой воды, спасибо, – произнесла Луиза.

– Чепуха. Я не буду пить один, – театрально взмахнул рукой Гаррет. – А что будете есть? – добавил он.

У Луизы не было сил спорить. Она никогда не пила на дежурстве и сейчас не собиралась, но могла просто заказать выпивку – успокоить мужчину.

– Белого вина, пожалуйста, – сделала заказ Блэкуэлл. Похоже, бармен обрадовался, что ему больше не придется одному болтать с Гарретом.

– Не присесть ли нам? – спросила следователь.

– Да почему бы и нет? После вас.

Луиза направилась было к столам со стульями, но, подозревая, что Гаррет не сможет поместиться на деревянном стуле, повернула к двум ярко оформленным диванам. Блэкуэлл села напротив мужчины, когда тот опустился на диван.

– Не уверен, что потом смогу подняться, – с улыбкой заметил Доминик. – Итак, вам Уэстон-сюпер-Мар, инспектор?

Луиза почувствовала теплоту к Гаррету. Он вел себя уверенно, самокритично, хотя и громковато.

– Вы можете называть меня Луизой.

– За Луизу, – произнес мужчина и поднял бокал для тоста. – Я – просто Доминик.

Луиза чокнулась с ним и сделала маленький глоток, а Гаррет проглотил половину содержимого бокала.

– Это своего рода культурный барьер, – отметила следователь. Гарретт откинулся на спинку дивана.

– Я, конечно, могу представить. Вы, кажется, служили в МІТ?

– Верно.

– Кого же вы так разозлили, что оказались здесь?

Луиза рассмеялась. Гаррет должен был знать все о деле Уолтона, и она оценила его подход.

– Кого я *не* разозлила?

Смех Гаррета эхом разнесся по бару.

– Подозреваю, мы с вами родственные души, Луиза, – усмехнулся он и сделал паузу. – И ваше новое дело – тело на пляже и священник в Апхилле?

Осведомленность редактора была неизбежной. «Меркьюри» – еженедельная местная газета для Уэстона и прилегающих районов, в отличие от «Бристоль пост», выходящей пять дней в неделю, и именно в ней уже могла быть информация о двух недавних убийствах.

– Таня Эллиот освещает эту историю для вас? – спросила она.

– В точку.

Луиза несколько раз разговаривала с молодыми журналистами в мировом суде и здании окружного суда в Уорле. Однако она еще не общалась ни с одним журналистом в связи с этим случаем, поскольку направила все запросы в отдел по связям с общественностью в Портисхеде.

– Могла бы я с ней встретиться?

– Как насчет завтрашнего утра? – спросил Гаррет и залпом выпил джин с тоником.

– Точно смогу.

– Великолепно, – произнес Доминик Гаррет и повернулся лицом к бару. – То же самое, бармен, – крикнул он испуганному юноше за стойкой. – Вы про пожар в церкви Святой Бернадетты? – уточнил журналист.

– Да.

– Он, очевидно, связан с делом?

– Я бы предпочла пока официально не распространять эту информацию, – заметила Луиза. Из опыта она усвоила, что такая оговорка всегда важна при общении с прессой.

– Как уже сказал, я – могила.

Луиза рассказала Доминику Гаррету о встрече с отцом Макгуайром в церкви Святой Бернадетты, о том, что Вероника Ллойд работала волонтером в церкви и что отец Маллиган раньше был там приходским священником.

– Я вижу точки, которые вы соединяете, – произнес Гаррет.
– На данный момент просто ряд вопросов, – уточнила Луиза.
Бармен вернулся с напитком.

– Оставь сдачу себе, дружок, – обратился к нему Гаррет и протянул пятифунтовую банкноту. – Хорошо, Луиза, теперь по поводу пожара. Признаюсь, я был заинтригован, когда вы позвонили мне, я очень хорошо помню пожар в той церкви. Тогда я только начинал как репортер и находился здесь в командировке от издания, которое раньше именовалось «Бристоль Ивнинг пост»... Вы не поверите, ходили разговоры о том, что я собираюсь на Флит-стрит. Уверен, я бы возненавидел Лондон. Впрочем, я отвлекся, – произнес он и повысил голос, как театральный злодей. – Итак, мне, как местному, дали возможность рассказать эту историю. Официальная версия – пожар произошел случайно. Зажженная свеча зацепила какой-то сыпучий материал, огонь разгорался весь вечер, потом добрался до скамей и деревянной конструкции крыши.

– Значит, вы не думали, что это несчастный случай?

Гаррет наклонился вперед, и его голос стал чуть тише.

– Я был встревожен, Луиза, скажем так. Не только потому, что здание сгорело почти дотла еще до прибытия пожарных служб. Кроме этого, на месте происшествия обнаружили катализатор, бензин, который использовался для резервного генератора.

– Повреждения, видимо, были серьезными?

– Конечно, ведь большая часть конструкции была из дерева. Церковь практически возвели заново, от старой использовали только каменный фундамент.

Луиза сделала еще один маленький глоток теплого вина. Она будто чувствовала запах пожара и видела черный дым, клубящийся над церковными стропилами.

– В найденных мной материалах я не нашла никаких упоминаний о том, что подозревался поджог, – произнесла следователь.

– Это направление расследования довольно быстро пресекли в зародыше. Я был убежден, что там существовала какая-то история, но никто о ней не говорил. Ни полиция, ни Церковь. Я поделился подозрениями с редактором и здесь, и в «Post», но их это не заинтересовало. Вот тогда-то я и «потерял невинность», Луиза. – Доминик Гаррет сделал паузу со смертельно серьезной миной на лице

и разразился смехом. – Насчет последнего момента я пошутил. К тому времени моя невинность была давно уничтожена. Это же восьмидесятые. Я видел достаточно коррупции и сговоров с целью замалчивания фактов, хватит на всю жизнь.

– Зачем кому-то скрывать поджог церкви?

– Полагаю, на то была причина. Люди забывают, какой властью обладает эта организация. Возможно, число ее членов в стране сокращается, но Церковь, англиканская или католическая, все еще имеет чертовски сильный голос. На следующий день после пожара церковные чиновники наводнили это место. Я уже почти ожидал, что сам папа нанесет сюда визит. Я никогда не видел ничего подобного. Они общались только друг с другом, не разговаривали со мной и другими представителями прессы, и несколько дней спустя появилось официальное объяснение: это был случайный пожар.

Группа офисных работников, заглянувших в бар, ушла, не сделав заказа, и Блэкуэлл с Гареттом снова оказались единственными посетителями бара. Луиза отпила еще вина и постаралась не морщиться от его вкуса.

– Вы не производите впечатления человека, который так легко сдастся, мистер Гаррет.

Гаррет поднял свой бокал за Луизу и улыбнулся.

– Я навел кое-какие справки, но новости движутся дальше, а ресурсов для расследования не было. Конечно, не лучший мой жизненный момент.

– У вас, должно быть, были какие-то подозрения? – спросила Луиза, обеспокоенная тем, что редактор вовсе не даст ей никакой полезной информации.

– Возвращаясь к вашему вопросу – кто мог поджечь церковь? Очевидный ответ: тот, кто на нее разозлился.

– Ас чего кому-то злиться на церковь? – произнесла Луиза, размышляя вслух.

– Точно. Первой мыслью могли быть абьюзивные скандалы и тому подобные грязные вещи, но речь могла идти о чем угодно. Я атеист, но люди верят больше, чем вы можете себе представить. Когда что-то идет не так, легко обвинить большого босса там, наверху. Смерть в семье, хроническая болезнь, распад брака... список бесконечен. Хотя, я думаю, вы, возможно, на правильном пути, Луиза.

Может быть совпадением, но, судя по слухам, эти две жертвы имеют отношение к церкви Святой Бернадетты, а их убийца – к пожару.

– Если бы все было так просто, мистер Гаррет.

– Почему нет, Луиза? Могу я уговорить вас на один стаканчик на посошок?

Следователь встала.

– Спасибо, что уделили мне время, мистер Гаррет.

Мужчина оттолкнулся от дивана. Он изо всех сил старался сохранить равновесие.

– Это было для меня большим удовольствием. Скажем, в девять тридцать утра?

– В девять тридцать утра?

– Ваша встреча с Таней завтра.

Луиза улыбнулась, пусть ей теперь и не хотелось разговаривать с молодой журналисткой. Таня Эллиот не сможет дать ей больше информации.

– Ладно, – согласилась Блэкуэлл, признавая поражение.

– Bravo, Луиза. Похоже, в конце концов, у нас есть история, в которую она может вцепиться.

Мужчина пошел к бару за новой порцией, а Луиза толкнула дверь и вдруг заметила знакомое лицо. Она хотела позвать Томаса по имени, но придержала язык, когда увидела, что он несет небольшую сумку и направляется вверх по лестнице к спальням отеля.

Глава семнадцатая

Луиза постояла снаружи пять минут и лишь потом отправилась в полицейский участок. Она помедлила из-за того, что вид Томаса вызвал в ней противоречивые эмоции.

Томас был женат на очаровательной женщине по имени Ребекка, с которой Луиза несколько раз встречалась на светских мероприятиях полиции. Томас мало говорил о Ребекке, но они всегда казались счастливой парой. Может, они поссорились? Хотя не так важна причина, по которой Томас решил или был вынужден остаться на ночь в отеле. Луизу гораздо больше беспокоила собственная реакция. Блэкуэлл уже некоторое время обманывала себя и думала, что, помимо обычной привлекательности, Томас – всего лишь коллега. Впрочем, если быть честной, то какая-то часть внутри нее, которую она не хотела признавать, задавалась вопросом, вернулся ли Томас в участок? Хотя она никогда бы ничего не сделала для такой проверки, виноватая часть ее сознания испытывала волнение от этой возможности.

Пара пьяных мужчин, одетых не по сезону в шорты и футболки, шла вместе со следователем по хай-стрит обратно к вокзалу. Они не обращали на нее никакого внимания, слишком поглощенные невнятным разговором о достоинствах некоторых автомобилей, на которых почти наверняка никогда не ездили. Когда один из них начал пискляво напевать «Дэнни Бой», Луиза ускорила шаг и быстро оказалась вне пределов слышимости.

Только старший инспектор Робертсон все еще находился в участке. Тусклый свет его настольной лампы проникал в темные тени офиса открытой планировки. Пара отчетов была загружена в информационную систему IT – HOLMES 2, которую они использовали для крупных расследований. Сегодня Томас просмотрел список прихожан, переданный Луизе отцом Райли. Луиза обратила особое внимание на отчет трех пожилых женщин об одиноком мужчине, который присутствовал там. Ни одна из них его не знала. Отчет стал у них лучшей зацепкой на сегодняшний день. Томас договорился, чтобы женщины пришли утром в участок и прошли опросник по распознаванию лиц. Луиза была удивлена, что Томас не сообщил ей

эту информацию напрямую, но Блэкуэлл практически не видела его в этот день. Если бы женщины опознали незнакомца, они могли бы начать искать больше свидетелей и, возможно, даже смогли бы получить данные с камер видеонаблюдения поблизости. Присутствовала также информация от Фаррелла о торговце наркотиками и результаты интервью с тренером по теннису, которого ни во что не ставила подруга Вероники Ллойд, Эстель Фергюсон. Ни одно из этих направлений расследования, казалось, никуда не вело.

Луиза вернулась к пожару в церкви Святой Бернадетты. Она нашла старую статью в «Меркьюри» после пожара и рассмеялась, когда увидела фотографию совсем молодого и удивительно стройного Доминика Гаррета под подписью. Она читала эту статью и раньше, но после того, что рассказал ей Гаррет, материал вызвал у следователя совсем другой отклик. Статья подтверждала слова Доминика: официальная версия заключалась в том, что пожар произошел случайно. На фотографии на первой странице были изображены остатки церкви и группа людей, толпившихся на переднем дворе, в которой по меньшей мере было три священника.

Не было никаких упоминаний о том, что на месте происшествия обнаружили катализатор, и, когда следователь сопоставила отчеты полиции и пожарных, оказалось, что и те и другие заявили, что пожар начался случайно. Звучало разочаровывающе, и все же, хотя статья не помогла ей напрямую, откровение Гаррета дало Луизе Блэкуэлл кое-что для работы. Если подозрения Доминика о сокрытии были верны, они наводили на мысль о сговоре между Церковью и полицейскими властями. В наши дни такие вещи случались редко, но Луиза легко могла представить, что это происходило тогда. Такая тактика могла стать средством защиты Церкви или защиты кого-то главенствующего. Если бы у Блэкуэлл вообще были какие-либо доказательства того, что пожар устроили преднамеренно, тогда это событие могло бы вылиться в дело о борьбе с коррупцией, но сейчас Луиза думала только о том, как пожар повлиял на ее дело и мог ли он иметь какое-либо отношение к смертям Вероники Ллойд и отца Маллигана.

Через полчаса следователь оставила старшего инспектора Робертсона одного в кабинете. Луиза чувствовала себя изможденной событиями этого дня, а вино, которое она выпила в компании Гаррета, клонило в сон.

Луизе хотелось сразу пойти домой, рухнуть в постель, уснуть и прогнать воспоминания о прошедшем дне, но, несмотря на усталость, она не могла успокоиться. Следователь обнаружила, что на автопилоте едет в церковь Святого Михаила в Апхилле. Она припарковалась снаружи. Свет фар ее машины был единственным освещением в этом районе. Когда Луиза выключила их, машину окутала темнота. Луизу удивило отсутствие уличных фонарей. Она заметила только одинокий отблеск над полицейской заградительной лентой перед входом в церковь. В отчете Томаса говорилось: на вчерашней службе было восемь человек, а именно – семь пожилых женщин и мужчина. Луиза представила, как женщины, шаркая, выходят из церкви в полумрак. Ей нужно больше информации. Неужели они приехали на машинах в церковь? Были ли они местными? Они должны были идти одни во тьме? Луизе такой расклад казался небезопасным, и она удивлялась, почему церковь толком не защищала своих прихожан.

Если убийца присутствовал прошлой ночью на мессе, он мог с легкостью незаметно проскользнуть в церковь и выйти из нее, но ведь район был жилым. Достаточно одному соседу выглянуть из окна, задергивая шторы, вынести мешки с мусором, чтобы заметить кого-то подозрительного. Часто именно такие непредвиденные мелочи разрушали тщательные планы преступников. Жителей сегодня опросили, но она будет настаивать на повторном утреннем опросе с особым вниманием к мужчине на мессе.

Луиза Блэкуэлл направлялась домой по набережной, как вдруг начался прилив. В темноте, когда отблески уличных фонарей играли на покрытой рябью поверхности, вода выглядела заманчиво, ее грязный цвет маскировало отражение ночного неба. Луиза замедлила движение и приблизилась к морскому озеру в Найтстоуне. Самым быстрым путь до дома – вернуться в Уорл по старой платной дороге через Кьюсток, но Блэкуэлл обнаружила, что поворачивает направо и едет вглубь страны в сторону бульвара и отеля «Роял Оук».

Она понимала, почему она едет туда, но этот факт не улучшил ее состояние. *«Ты ведешь себя жалко»*, – подумала Луиза и притормозила у отеля в поисках Томаса. Она увидела шатающуюся фигуру Доминика Гаррета, которому двое мужчин помогли выйти из бара и усадили в уже ожидавшее такси. Никаких признаков сержанта Ирландии.

Луиза надавила на педаль газа, и холодный пот покрыл ее кожу. О чем, черт возьми, она думала?

Через десять минут она уже была у дома и вышла из машины. Окна коттеджа начали покрываться инеем. Внутри дома было ненамного теплее, чем снаружи. Блэкуэлл включила газовый камин в гостиной и вернулась на кухню, чтобы разогреть в микроволновке еду.

Луиза как раз успела посмотреть местные новости ITV, освещавшие убийство в церкви Святого Михаила. Съёмочная группа, похоже, прибыла на место происшествия сразу после ее ухода. На фотографиях были офицеры в форме и одинокая фигура Стивена Демпси, стоящего у входа в церковь. Несколько местных жителей опросили, что они думают об убийствах недалеко от хай-стрит. Их ответы идеально отредактировали, чтобы максимально усилить передачу замешательства и страха местных жителей. Мясник утверждал, что его торговля уже страдает, поскольку люди боятся покидать дома. Депутат, с которым разговаривал Робертсон, подтвердил озабоченность предприятий и жителей. Депутат подчеркнул, что делается все возможное для поимки убийцы. В отчете создавалось впечатление, что город находится в осаде, и Луиза вздохнула. Из-за этого нагнетания скоро возникнет нешуточное давление, о чем и предупреждал Робертсон.

Луиза Блэкуэлл закончила есть и обратила внимание на самодельную «доску убийств». Она добавила туда фотографии отца Маллигана и провела линию между двумя церквями – Святого Михаила и Святой Бернадетты. Блэкуэлл написала «Пожар 1983 года?» под Святой Бернадеттой и тут услышала вибрацию.

Луиза двинулась к телефону, как наркоманка, отчасти потрясенная желанием увидеть сообщение, а отчасти заинтригованная тем, что Финч случайно раскроется после сегодняшней встречи с ней.

Ее пульс участился, когда она увидела имя «Томас» на телефоне. Рука Блэкуэлл слегка дрожала, когда она открыла экран, чтобы прочитать сообщение:

«Здравствуйте, босс, надеюсь, все хорошо. Хотел спросить, не хотите ли выпить кофе утром перед работой?»

Глава восемнадцатая

Освобождение от Мейнарда почти не повысило репутацию Джеффа в начальной школе. Во всяком случае, одноклассники относились к нему с большим подозрением. Симмонса отстранили сурово и оперативно. Официально об этом никогда не заявлялось, но после инцидента ему не разрешали участвовать в групповых мероприятиях во время игр или обеда. Пока остальные играли в футбол или в салки на поле напротив школы, Джефф тайком пробирался в соседнюю церковь. Независимо от того, сколько раз он уже входил в здание, Симмонс всегда испытывал трепет предвкушения: открывались большие деревянные двери, и перед ним представала внутренняя часть церкви. Мальчик не должен был находиться в церкви один, но днем там редко был кто-то еще. Джефф Симмонс энергично преклонял колени и быстро направлялся к одной из скамей. Прекрасная фигура Христа наблюдала за ним, как страж.

В детстве его молитвы были сбивчивыми, им не хватало искушенности, которую он развил в последнее время. Джефф начинал читать Библию с перефразированными евангельскими историями, но все еще имел смутное ее понимание. Симмонс знал, что Иисус умер на кресте, чтобы спасти человечество от грехов, но он не совсем понимал, как это произошло. Когда Джефф думал об одноклассниках, изолировавших его, он задавался вопросом, почему Иисус тревожился обо всех? Одноклассники были подлыми и эгоистичными. Симмонс украдкой прочел Откровение святого Иоанна Богослова во взрослой версии Библии, но не уловил никакого смысла. Слова были слишком длинными и звучали по-иностранному. Однако отец дал Джеффу базовое представление о значении Откровения. Однажды всех будут судить, и иногда, сидя в одиночестве в церкви, Джефф Симмонс желал, чтобы это время наступило как можно быстрее. Огонь занимал видное место в книге Откровения, но это все, что он знал. Священники намекали на огонь во время мессы, и, когда Джефф представлял дьявола, тот всегда купался в море очищающего пламени.

Переправа была самой трудной из всех, с которыми Джефф до сих пор сталкивался. В детстве он много раз ездил с отцом на остров, но папа избегал поездок в зимние месяцы и никогда бы не отправился в путешествие ночью. Однажды Джефф умолял взять его с собой на выходные зимой. Хотя отец протестовал, Джефф настаивал, что море спокойное и остров будет находиться в их полном распоряжении. Симмонс слишком много скулил и был справедливо наказан за непослушание.

Джефф Симмонс накормил пленника, выдержал жалкие попытки мужчины договориться с ним и отчалил от берега. Даже с подвесным мотором Джеффу пришлось бороться с силой прилива. Симмонс, насквозь промокший, преодолел последнюю волну, но потом начался дождь. Джефф присел на корточки внутри лодки, когда та развернулась вверх, рухнула в темное море и приняла в себя поток воды. Путешествовать ночью рискованно, но у него не было выбора.

Прилив у старого пирса был немногим лучше, чем у Крутого Холма. Джефф Симмонс сделал импровизированный причал из старой стальной балки, но оказался по пояс в ледяной воде, когда выпрыгнул из лодки. Руки онемели, когда он потянул за металл, затаскивая лодку под развалины пирса и скрываясь из виду. Джефф рухнул от изнеможения, а потом лег на спину на деревянный настил. Ветерок дул с моря и обдавал его мелкой моросью.

Джефф все не так себе представлял. Он романтизировал план и воображал идеальные условия для путешествия на лодке при лунном свете, ясные ночи на острове под звездами. Другие вещи, которые он должен был сделать, необходимы и *справедливы*, но остров — единственный объект, который он делил только с папой. Симмонс не был морально готов к тяжелому труду, требующемуся в этом путешествии.

Джефф Симмонс зашаркал по берегу к заброшенной части пирса. Ветер дул сквозь зияющие дыры в конструкции, и внутри было ничуть не теплее, чем снаружи. Симмонс поковырялся в замке сумки и чуть не закричал от холода, сковывающего пальцы и вызывающего дрожь. Он разделся догола и надел запасную сухую одежду. Джефф буквально свернулся в клубок, пока тепло не начало возвращаться в его тело.

Даже ребенком Джефф бывал на старом пирсе всего несколько раз, он всегда казался небезопасным для прогулки. Симмонс мало что

мог вспомнить о тех нескольких случаях, когда ему удавалось побывать здесь. Он смутно помнил музей автомобилей и несколько древних игровых автоматов с пенни, которые окончательно закрылись в девяносто четвертом году. Постоянно поднимался шум по поводу реконструкции музея, но ничего не происходило, и теперь музей медленно приходил в упадок. Еще подростком Джефф иногда прогуливался по каменистому пляжу во время отлива и пытался проникнуть на небольшую скалу острова Бирнбек, где находилась основная часть пирса. Даже сейчас подростки время от времени испытывали подобную удачу. Несколько месяцев назад пришлось спасать группу, после того как она оказалась на мели перед надвигающимся приливом, но, к счастью, сейчас здесь никого не было. Поскольку прилив не заканчивался, прошло еще два часа, и только тогда Симмонс смог вернуться в фургон. Он хорошо отрепетировал маршрут по ветхой дорожке, ему казалось, он знает каждую прогнившую доску, но все равно потребовалось добрых тридцать минут, чтобы пробраться по неосвещенному деревянному настилу и перелезть через колючую проволоку у входа на пирс.

В фургоне он включил кондиционер на максимальную температуру и вскоре окончательно согрелся. Он не знал, сколько раз сможет провернуть такой фокус. Просто чудо, что его не заметили и он не утонул. Пленник тоже страдал. Сколько еще ночей он сможет продержаться в холодной пещере?

Джефф направился к дому матери. Он решил совершить только два захода. Он осмотрит двух жертв в течение следующего дня, а потом вернется на остров, чтобы проверить пленника. После Симмонс вернется в последний раз, чтобы закончить работу.

Мать ушла на работу к тому времени, как он появился в доме рано утром. Симмонс открыл входную дверь и почувствовал себя чужаком в его стенах. Он обрадовался теплу от центрального отопления, бросил испачканную одежду в стиральную машину и приготовил завтрак из яичницы с фасолью, запил кофе. Разум мог сыграть с Джеффом злую шутку, тепло и безопасность делали его сентиментальным и заставляли забыть, что натворила его мать.

Он позволил себе пару часов поспать, пока сушилась одежда, и отправился в фургон.

Его первый заказ был в городе. Клиенткой оказалась девушка лет двадцати с небольшим, она снимала комнату в квартире на Джубилироуд и сейчас возвращалась к родителям. Джефф изо всех сил пытался вовлечь ее в разговор, пока укладывал скудные пожитки заказчицы в заднюю часть фургона. Она была хорошенькой, и пару раз Симмонс ловил себя на том, что смотрит на стройную фигуру и длинные волосы девушки. Джефф быстро отвернулся, когда на нем остановился взгляд ее больших печальных глаз, и пожалел, что у него не хватило смелости заговорить с ней. У Джеффа Симмонса никогда не было девушки, и он понятия не имел, с чего начать. Он вспомнил женщин в баре, как непринужденно Малкольм и его друзья разговаривали с ними той ночью, и приветливые улыбки, которые женщины дарили в ответ. Они были невероятно красивы, как и та девушка.

Уже в более зрелом возрасте Джефф предпринял несколько неуклюжих попыток пообщаться с девушками, но они не хотели иметь с ним ничего общего. Симмонс всегда оставался на обочине. Он пытался изменить прическу, одежду, но маскировка не помогала – девушки всегда видели его насквозь. Со времен начальной школы на нем висело клеймо изгоя, от которого он так и не смог избавиться. Джефф не достиг особых успехов в спорте, не был особенно образованным, и он просто не знал, как разговаривать с людьми. Его единственный настоящий талант – резьба по дереву, но это не привлекало девушек.

Даже в церкви женщины игнорировали его. Когда отец перестал посещать церковь, Джефф стал ходить один. Он всегда сидел на передней скамье. Симмонс пытался объяснить некоторым молодым католикам, что он испытывал, когда находился в церкви, то необыкновенное внутреннее чувство, пробегавшее по телу, когда он сидел там. Вскоре Джефф понял, что улыбки прихожан были вызваны вежливостью. Их взгляды блуждали по его рукам в перчатках, и Джефф полагал, они думали о слухах, которые преследовали Симмонса с тех пор, как в пятом классе он был вынужден покинуть школу Святой Бернадетты.

– Вы можете следовать за мной, но вот адрес на случай, если заблудитесь, – произнесла молодая женщина и протянула ему листок бумаги.

Даже с расстояния ее вытянутой руки Джефф Симмонс чувствовал запах духов. Экзотический аромат разжег в нем желание, которое, как он думал, давно угасло. Симмонс открыл рот и подумал, не пригласить ли ее на свидание. Насколько это может быть трудно? Он мог бы спросить, не хочет ли эта девушка потом пойти выпить кофе. В этом нет ничего особенного. Она могла бы сказать «нет», и с ее отказом все бы закончилось. Сердце Джеффа Симмонса вело себя так, словно пыталось освободиться от тела. Что-то бушевало в нем, и даже сильнее, чем в те разы, когда Джефф оставался наедине с миссис Ллойд и отцом Маллиганом.

Он промычал в ответ что-то невнятное.

– Что вы сказали? – с улыбкой спросила девушка. Джефф Симмонс не мог понять, почему она так добра к нему.

– Ничего, – сказал он, отвернулся и забрался в фургон.

Больше Джефф Симмонс не видел эту девушку. Ее родители ждали дочь в доме в Бладоне, ее отец сразу принялся помогать Джеффу переносить вещи в дом. Он дал ему чаевые, едва Симмонс бросил последнюю коробку в прихожей, словно очень хотел, чтобы Джефф поскорее ушел.

Отец всегда говорил Джеффу, что ему не о чем беспокоиться и в любом случае ему лучше быть одному. Джефф сам был свидетелем того, как отношения могут разрушить человека, но время от времени жалел, что у него нет возможности провести немного времени с женщиной, даже если это всего на одну ночь.

Свою вторую клиентку Джефф сразу узнал, как только она открыла входную дверь дома в Уинскомбе. Ее звали Кэтрин Хадлстон, они учились в одном классе средней школы. Симмонс и Хадлстон даже вместе посещали некоторые занятия. Теперь она стала миссис Уотсон и либо не узнала его, либо сделала вид, что не узнала.

– Диван в гостиной. Я могу попросить сына помочь вам, если хотите.

Джефф кивнул. Кэтрин Уотсон отвернулась и позвала сына.

– Завтра к нам придет новый диван. Нужно освободить место, – добавила она.

– О, как мило, – заметил Симмонс.

Женщина неловко улыбнулась. Симмонсу казалось, что Кэтрин пыталась определить, как он живет сейчас. Со школьной поры прошло

больше двадцати лет. Двое детей, которыми они были, исчезли. Он помнил пухленькую девочку, которой когда-то была Кэтрин Уотсон, и задался вопросом, видит ли Уотсон в нем бывшего мальчика.

Подросток, ростом почти с Джеффа, недовольно крикнул вниз с верхней площадки лестницы:

– Чего там?

– Привет, дорогой. Помоги, пожалуйста, этому джентльмену передвинуть старый диван.

Подросток вздохнул, достиг нижней ступеньки лестницы и бросил на Джеффа презрительный взгляд.

– Ладно, пошли, – грубо произнес он.

Кэтрин вздохнула, пожала плечами вместо извинения за поведение сына и повела Джеффа в гостиную. Она неплохо устроилась. Комната была теплой и хорошо обставленной. Джефф заметил горделивое выражение на ее лице, когда она указала на диван. Теперь стало ясно, что Кэтрин узнала Симмонса.

– У нас есть кожаный диван от Джона Льюиса на замену этого потрепанного, – произнесла она.

Джефф кивнул, хотя не мог понять, зачем Кэтрин Уотсон понадобилось заменять такую отличную вещь – диван показался ему прекрасным. Высокий мальчик кряхтел и охал всю дорогу до фургона.

Симмонс задвинул диван в заднюю часть фургона и коротко произнес:

– Вот.

– Его нужно доставить в Британский фонд сердца, как мы и обсуждали по телефону, – произнесла Кэтрин, стоя в дверях дома.

Джефф хотел спросить женщину, помнит ли она его, но промолчал, когда та отдавала ему деньги. Что бы подумала Кэтрин Уотсон, если бы он рассказал бывшей однокласснице о пленнике на острове и о двух людях, которых он убил?

«Произведет ли это на нее впечатление? Можно ли сравнить мои достижения с совершенно новым диваном из универмага с завышенными ценами?» – задумался он.

– Спасибо, – поблагодарила его Кэтрин и закрыла дверь.

– Спасибо, – повторил Джефф.

Он включил обогреватель внутри фургона и посмотрел на диван, задвинутый в его заднюю часть. Диван хорошо туда вписался, а он

слишком устал, чтобы ехать в благотворительный магазин, поэтому решил оставить диван себе. Это будет его маленьким секретом. Очко, набранное против Кэтрин Хадлстон-Уотсон и всех людей, подобных ей.

Он купил в магазине на Бульваре на ужин рыбы с жареной картошкой и сумел припарковаться через дорогу от того места, где работала волонтер. Джефф знал ее во время учебы в школе как миссис Форестер, она была женой директора школы и школьным секретарем. Джеффу нравилась миссис Форестер. Однажды в школе он упал на плиточный пол и получил открытую рану на колене. Эта женщина отнеслась к нему с большой добротой, промыла рану и, усадив в приятно пахнущем офисе, предложила сок. В тот день он пропустил по меньшей мере тридцать минут занятий и даже пожалел, что у него не может каждый день болеть колено.

Возможно, миссис Форестер все еще была доброй. Люди совершают ошибки, как теперь понимал Симмонс, и о человеке нельзя судить только по некоторым его поступкам. Бог бы уже давно простил ее, и до недавнего времени Джефф, вероятно, мог сделать то же самое. Симмонс почти не вспоминал об этой женщине на протяжении многих лет, но после того, что случилось с отцом, он понял, что миссис Форестер была отчасти в этом виновата. Возможно, Бог и простил ее, но он не мог.

Теперь она, конечно, стала старше, но была такой же худощавой. В школе супругов Форестер называли Маленькая и Большой – ее муж, мистер Форестер, был тучным мужчиной, всегда носившим брюки натянутыми выше талии, будто только обхват живота удерживал их на месте. Джефф наблюдал, как пожилая женщина вышла из благотворительного магазина. Уличный фонарь высветил морщины и чрезмерный макияж на ее лице. Она прошла где-то двадцать метров до автобусной остановки. На днях миссис Форестер не узнала Джеффа Симмонса, когда он покупал в магазине подержанную книгу в мягкой обложке. Женщина улыбнулась Джеффу, когда брала деньги, но он увидел в этом обычную любезность.

Ее улыбка, как и многое в школьном секретаре, была только маской. Это обманывало Джеффа в детстве, но не сейчас. Он закончил есть, когда миссис Форестер села в автобус. Симмонс завел двигатель и поехал за ней.

Глава девятнадцатая

Дождь хлестал по ветровому стеклу, когда утром Луиза ехала по Локинг-роуд. Ее дворники работали в самом быстром режиме, но, едва они сгоняли воду, обзор снова ухудшался. Движение на выезде из Уэстона остановилось. Размытые фигуры в машинах с отчаянием смотрели на знак «М-5», поскольку дождь лил без остановки. Луиза направилась в город. В памяти всплыло сообщение от Томаса. Само по себе оно было безобидным, но запоздалость доставки сообщения в сочетании с тем, что следователь увидела Томаса в отеле, меняли интерпретацию. С другой стороны, возможно, она придавала произошедшему слишком большое значение. Томас мог просто захотеть встретиться пораньше, чтобы обсудить текущее дело, и разве она сама не приглашала его на кофе всего пару дней назад?

Следователь вздохнула, когда дождь наконец утих. Она почти не спала с того момента, как на пляже нашли тело Вероники Ллойд, и ей нужно вести себя так, чтобы не позволить недавним событиям сломить ее. Второй вечер подряд от Финча не было посланий. В каком-то смысле молчание беспокоило Луизу больше, чем постоянные сообщения. Может, он больше не напишет. По крайней мере, когда Тимоти посылал ей каждую ночь сообщения, Блэкуэлл чувствовала, что задумал Финч и о чем он думал. Теперь она понятия не имела, что Тимоти Финч может еще придумать. Однако в одном Луиза уверена: сейчас ей нужно выпить кофе.

Владелица «Калимеры» приветствовала следователя улыбкой.

– Ваш друг уже здесь, – произнесла она и указала на угол, где сидел Томас с чашкой кофе и смотрел на залитую дождем набережную. Луиза не была уверена, нравится ли ей неожиданная разговорчивость хозяйки «Калимеры». Блэкуэлл поняла, что почти всегда пропускала мимо угрюмые взгляды и молчаливость этой женщины.

– Кофе, пожалуйста, – заказала Блэкуэлл будничным тоном, словно не услышав намек.

Томас взглянул на Луизу, когда она села напротив него. Следователь не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела его таким растрепанным. Мужчина явно страдал от похмелья. Его лицо

покрывала серо-черная щетина, а под глазами залегли тяжелые мешки. На нем был тот же костюм, что и вчера, но со свежей рубашкой и галстуком.

– Все в порядке? – спросила она.

– Ага. Немного поздновато, – ответил он и, морщась, продолжил потягивать кофе. Луиза Блэкуэлл решила, что Томаса выгнали из дома или бросили и он провел время, топя печаль в алкоголе.

Она не собиралась расспрашивать Томаса и говорить о том, что видела его прошлой ночью.

– Спасибо, Джорджина, – произнес мужчина, когда хозяйка поставила перед Луизой фарфоровую чашку с отбитым краем, наполненную кофе. Женщина отошла к стойке. Луиза покачала головой.

– Знаешь, я прихожу сюда с момента моего переезда в Уэстон и до сих пор даже не знала имени этой женщины.

– Называете себя следователем? – с долей иронии спросил Томас и прищурился, словно ему было больно смеяться. – Я ее вроде как знаю. Раньше она ходила в школу с моей старшей сестрой. В церковь Святой Бернадетты, что довольно забавно.

Даже с похмелья в Томасе все еще было что-то – тьма в глазах, припухлость губ, – от чего Луиза Блэкуэлл не могла отвести взгляд.

– Ты ходил в церковь Святой Бернадетты?

Томас покачал головой:

– Нет, мы переехали немного дальше, как только моя сестра пошла в среднюю школу, поэтому я поступил в Балгован в Уорлбери. Я мог бы ездить туда на автобусе, но мы не настолько религиозные, так что в этом не было никакого смысла.

– Ты такой же отпавший от веры католик?

– А есть другие варианты?

Луиза выпила еще кофе, наслаждаясь бодрившим ее напитком.

– Думаю, присутствовавшие на последней мессе отца Маллигана не согласились бы с таким раскладом.

Томас едва мог поднять голову, чтобы посмотреть на Блэкуэлл.

– Да они просто одинокие старые женщины. Я сомневаюсь, что эти прихожанки больше католики, чем мы.

– Я вижу, сегодня утром ты очень жизнерадостный, – иронично заметила Луиза и сделала глоток кофе.

– Простите. В моем возрасте мне следовало бы научиться вовремя останавливаться.

– Где-нибудь в хорошем месте?

Томас поднял на нее воспаленные глаза.

– Где ты пил прошлой ночью? – прямо спросила Луиза.

Колебание длилось долю секунды, но Луиза его заметила. К чести Томаса, он не солгал.

– В «Ройял Оук», – ответил мужчина.

Луиза изобразила удивление, когда сообщала ему, что встречалась вчера с редактором Домиником Гарретом в том же месте.

– Значит, вы, наверное, оставили его там. Доминик провел в баре весь вечер.

– Ты его знаешь? – спросила Блэкуэлл.

– Наши пути пересеклись вчера. Я знаю, он любит выпить, хотя тем вечером в баре мне можно было обойтись и без Гаррета.

Луиза хотела спросить Томаса, с кем он встречался, но не хотела уличать сотрудника во лжи. Если бы он хотел рассказать, почему он там находился, Томас сделал бы это в какой-то момент.

Вместо этого Луиза Блэкуэлл поинтересовалась:

– Гсть какая-то особая причина, по которой ты хотел меня видеть?

– О да, извините. Я просто думал об этом деле и почему-то решил, что, возможно, сначала стоит обсудить задачи в тишине и покое, но, видимо, мы могли бы сделать это и в участке.

– Тебе не нужно извиняться, Томас. Если нужно о чем-то со мной поговорить, я здесь.

– Я ценю это, босс.

– Послушай-ка, Томас...

Мужчина пристально посмотрел на нее и вопросительно поднял брови.

– Если ты еще раз назовешь меня боссом, я даже не знаю, что с тобой сделаю.

На этот раз ему удалось улыбнуться. Они кратко обсудили дело и старались не слишком обнадеживаться по поводу того, что в церкви видели одинокого мужчину. Луиза оставила деньги за кофе на столе.

– Спасибо, Джорджина, – крикнула она и вышла из ресторана.

На обратном пути в участок Луиза позвонила журналистке Тане Эллиот и отложила их встречу – сослалась на неотложные мероприятия по этому делу. Луизу удивила горячность ответа журналистки.

– Я уверена, наши читатели будут очень разочарованы тем, что у тебя нет времени обсудить их опасения по поводу безопасности, – наседала та.

Луиза остановилась и поднесла телефон ближе к уху.

– Это прямо удар ниже пояса, Таня, – заметила следователь. Она была достаточно опытна, чтобы никогда не принимать представителя прессы за друга, но всегда хорошо ладила с Таней, поэтому подразумеваемая угроза из-за того, что она перенесла встречу, казалась несоразмерной.

– Ты ведь согласилась встретиться со мной, Луиза. Это самое большое событие, которое когда-либо происходило в нашем городе, и все же ты даже не поговорила об этом с местной газетой. Я не уверена, в курсе ли ты, но наш город в кризисе. Зима достаточно суровая и без угрозы того, что серийный убийца разгуливает по улицам.

– Мне кажется, ты немного драматизируешь.

– Два убийства за три дня. Это ли не драматично?

– Не драматично, Таня, – отметила Луиза, поскольку вспомнила, что разговаривает с журналистом. – Конечно, нашим приоритетом является обеспечение безопасности города, но в данный момент прямой угрозы для широкой общественности нет.

– Хочешь сказать, убийца нацелен на конкретных жертв? Похоже, существует связь между церквями Святого Михаила и Святой Бернадетты.

– Я не могу комментировать эту версию в данный момент, и я была бы признательна, если бы ты не упоминала о такой связи в отчетах.

– Связь очевидна. Почему мне не упомянуть об этом?

– Связь вполне может быть случайной, и я думаю, было бы безответственно публиковать предположения. Естественно, я буду держать тебя лично в курсе последних событий.

Это, по-видимому, на какое-то время успокоило журналистку. Луиза ответила на пару дополнительных вопросов – о том, что делает

полиция для раскрытия этого дела, и снова пообещала, что будет поддерживать связь.

Первая из *старушек*, как их называли в участке, прибыла в девять утра. Луиза наблюдала по видеосвязи, как Томас работал вместе со специалистом по электронной подгонке и пытался идентифицировать мужчину, который посетил мессу в вечер смерти отца Маллигана. Им предстоял долгий день. Одной женщине, Эдит Кейс, было за восемьдесят, и ее воспоминания отличались чрезвычайной расплывчатостью. Кейс продолжала описывать мужчину как крупного, с сутулыми плечами. К тому времени, когда она ушла, самой заметной чертой подозреваемого были длинные сальные волосы до плеч.

Последние две женщины соображали немногим лучше. Они также подтвердили, что мужчина, которого они видели, был крупным, но ни одна из них не упомянула о его сальных волосах, длинных или каких-то других. В конце концов, электронная подгонка стала бессмысленной. Ни одна из трех женщин, казалось, ни в чем не была согласна со своими подругами. Томас в отчаянии решил показать им фотографии известных местных преступников, а они лишь покачивали головами при виде каждой фотографии. Луизе было интересно, имеют ли эти старушки хоть какое-то представление, как выглядит этот человек, и не просто ли ради разнообразия своей одинокой жизни они согласились присутствовать на допросе.

– Итак, мы ищем толстого высокого или невысокого мужчину, у которого могут быть или могут не быть сальные волосы до плеч, – заключил Фаррелл в начале полуденной встречи, созванной Луизой.

Даже Луиза подавила смешок. Запомнить приметы случайного человека трудно и в лучших обстоятельствах, но, когда вы даже не знали, что станете свидетелем преступления, воспроизвести их окажется и вовсе невозможным. Впрочем, такой результат не менял факта, что одинокий незнакомец по-прежнему был их самой многообещающей зацепкой.

– Нам нужно активизировать поиски. Снова пройдите от двери к двери и проверьте, не видел ли кто-то чего-нибудь подозрительного.

Упомяните рост мужчины и его волосы, если это необходимо. Ему нужно было как-то добраться до церкви. Незнакомец был за рулем? Если да, то на чем он ехал? Где оставлял машину? Какой маршрут выбрал? Если нет, то как он туда попал?

У Луизы было чуть больше вопросов, чем она озвучила. Следователь проигнорировала коллективный стон аудитории и решила пока не делиться информацией о пожаре в церкви Святой Бернадетты. Затем она распределила задачи и напомнила всем, что теперь у них есть потенциальная связь. Две жертвы, два возможных мотива. Блэкуэлл провела красную линию на доске убийств между Вероникой Ллойд и отцом Маллиганом и поставила под ней знак вопроса.

– Давайте выясним, права ли я? – предложила она и отпустила команду.

Луизу Блэкуэлл беспокоило, что Робертсон оставался в кабинете во время брифинга, и она собиралась пойти к нему, но вдруг пришло текстовое сообщение. На этот раз писал не Томас и не Финч, а ее старая коллега Трейси Пью. Луиза и Пью не разговаривали с тех пор, как они пили недавней ночью в Бристоле, и ей было приятно услышать Трейси. Луиза прочитала сообщение, а потом перечитала во второй раз и попыталась понять, был ли там какой-то скрытый смысл, который она не заметила:

«Похоже, они снова собирают команду. Увидимся у тебя сегодня днем. Т.»

Старший инспектор Робертсон стоял у двери своего кабинета. Блэкуэлл оторвала взгляд от телефона и попробовала сдержать нарастающий гнев.

– Луиза, на пару слов, – позвал начальник и удалился в кабинет.

Луиза глубоко вздохнула, оглянулась по сторонам, чтобы оценить, был ли кто-нибудь еще замешан в этом деле, и медленно направилась в кабинет Робертсона.

– Присаживайтесь, – предложил он.

– Вы не думали, что следует сначала обсудить этот момент со мной, Йен? – поинтересовалась Луиза, держа свой телефон в руке.

– О, уже слышала! – ответил Робертсон, словно прочитал ее мысли. – Распоряжение только что подписали. Помощник главного

констебля решил, что нам нужна помощь, и кто я такой, чтобы спорить?

– Прекрасно, Йен, но в чем именно будет заключаться помощь?

– Пришлют только одного офицера из главного офиса. Это ваша бывшая коллега, следователь-инспектор Трейси Пью. Старший инспектор Финч подумал, это будет хороший расклад, так как у вас были неплохие рабочие отношения. Верно?

Луиза знала – Трейси ни в чем не виновата, и если бы она могла выбрать кого-нибудь из старой команды для работы, то выбрала бы именно Пью. Что беспокоило Блэкуэлл, так это участие Финча.

– Трейси великолепный сотрудник, но ведь дело не в этом, да? – встревожилась следователь.

– Я не понимаю, в чем здесь проблема, Луиза. Наша команда на самом деле не создана для такого рода дел. Если бы не ваш опыт, дело давно бы уже передали в МІТ. Я подумал, вы будете только рады возможности иметь в команде еще одного опытного офицера.

Следователь взглянула в окно и попыталась сдержать эмоции. Несмотря на их дружбу, Трейси обяжут сообщать Финчу обо всем, что она узнает. Само по себе это не должно было беспокоить Блэкуэлл, поскольку Тимоти мог довольно легко получить всю информацию, которую хотел, но все равно беспокоило. Финч буквально пробивался в расследование, и с Трейси у него уже появилась точка опоры. Тимоти Финч решил взять дело в свои руки. Луиза Блэкуэлл хотела рассказать Робертсону о своих страхах, но они только показали бы ее слабость, если не откровенную паранойю.

– Хорошо. Вы быстро сдались, – сказала Луиза.

– То есть?

– Я думала, вы захотите заняться этим делом, Йен. Теперь вы позволите, чтобы его у вас отняли.

Брови Робертсона сошлись в гневе. У Блэкуэлл за все время их совместной работы никогда не было причин сомневаться в его профессионализме, но теперь она задавалась вопросом, почему Робертсон не оказал большего сопротивления? Может, даже существует причина, по которой Робертсон столько лет находится в одном и том же звании?

– Вы явно расстроены. Я не знаю почему, но это факт, поэтому я оставляю ваш последний комментарий без внимания. Позвольте-ка мне

внести ясность: ни у меня, ни у нас ничего не отняли. Мы здесь часть общей картины, Луиза. Может, это вам и следует обдумать.

Начальник подчеркнул «вы» с шотландским рычанием и вернулся к бумагам на столе.

Луиза встала. Она поняла, что ее отпустили. Он не ожидал извинений, поэтому она не стала их высказывать.

Блэкуэлл вернулась за рабочий стол и ответила Трейси. Она подтвердила, что с нетерпением ждет встречи с ней. Трейси была отличным следователем с особым вниманием к деталям, напомнила себе Луиза. Более того, у нее был способ воодушевить любую команду, частью которой она становилась. Луиза не встречала никого, с кем Трейси не могла бы поладить, и этим качеством Пью она восхищалась. Следователь надеялась, что Трейси поможет сплотить и ее команду.

Луиза назначила встречу на то время, когда должна была приехать Трейси. В настоящее время офис пустовал, за исключением Симоны и пары сотрудников администрации. Она обновила отчет. Изложение расследования в письменном виде высветило истинное положение, в котором они находились. Два тела, и самым близким к подозреваемому был неопознанный мужчина на церковной службе.

Имело ли значение расположение двух тел? Обе жертвы оставили в местах, где их легко могли обнаружить. Значили ли что-нибудь эти конкретные места? Имели ли какое-то значение пляж и церковь? Чем больше Луиза Блэкуэлл изучала улики, тем более хаотичными казались инциденты. Тело Вероники Ллойд перенесли, но отца Маллигана нашли на месте. Обе жертвы были явно связаны и, по-видимому, убиты предметом, воткнутым им в запястье, но у Ллойд это правое запястье, а у Маллигана – левое.

Следователь размышляла о бесконечных странностях, но позвонила Симона и сообщила, что на линии Стивен Демпси.

Луиза подняла трубку телефона:

– Стивен.

– Луиза. Мне удалось разобраться с делами, и я смог сосредоточиться на вскрытии отца Маллигана.

– Отлично. Есть новости? – спросила Луиза и в который раз удивилась, как Демпси может работать при скоплении мертвых тел.

– Мне еще предстоит кое-что проверить, но, полагаю, причиной смерти стала перерезанная лучевая артерия на левом запястье жертвы.

Почти зеркальная копия убийства Вероники Ллойд. На самом деле я измерил рану на запястье отца Маллигана и теперь рискну предположить, что в его запястье был вставлен тот же предмет. Измерения идентичны, но на данный момент я лишь выдвигаю гипотезу.

– Есть идеи, что это за предмет?

– Трудно сказать наверняка. Сам разрез не такой уж большой, диаметром тринадцать миллиметров. Мы проведем перекрестную проверку с Вероникой Ллойд, чтобы выяснить, есть ли какие-либо совпадающие волокна в ране. А вот что очень интересно, я полагаю, так это расположение раны. Я уже сказал, оно идентично расположению, обнаруженному на теле Вероники Ллойд, точка входа проходит через кости предплечья, близко к запястью. Что касается тела миссис Ллойд, я подумал, это, возможно, и случайность, но убийце удалось загнать предмет, который он использовал, между восемью маленькими костями в обоих случаях.

– Звучит очень конкретно.

– Да. У меня есть кое-какие идеи, но мне нужно будет потом еще раз проверить.

– Спасибо, Стивен, держи меня в курсе, – поблагодарила его Луиза и повесила трубку, прежде чем Стивен Демпси успел завести с ней светскую беседу.

Теоретически Луиза Блэкуэлл должна удовлетвориться этими результатами, однако пока они вызывали больше вопросов, чем ответов. Похоже, нужно искать кого-то способного на такую искусную точность, и это беспокоило следователя. Если убийца уже был настолько опытен, вполне возможно, Вероника Ллойд не была его или ее первым убийством. Значит, отец Маллиган – тоже не последний в цепочке.

Трейси ждала ее в приемной. Луиза приветствовала коллегу объятиями и, хотя встречалась с ней только позавчера вечером, была очень рада снова видеть дружелюбное лицо Пью.

– Это и есть твое новое место работы? – спросила Трейси и оглядела унылый интерьер приемной.

– Ну да. Прошло восемнадцать месяцев.

– Угостишь меня кофе?

– Я принесу тебе кофе из столовой, но не могу гарантировать, что он тебе понравится.

– Показывай дорогу, – скомандовала Трейси.

Столовая представляла собой небольшую кухоньку в самом центре здания. Луиза налила им кофе из кофеварки, в которой, к счастью, использовался настоящий молотый кофе, и они сели на пластиковые стулья в главном обеденном зале.

– Это сюрприз для меня, – заметила Луиза Блэкуэлл.

– Нашла кому говорить – Финч сказал мне только сегодня утром. У вас что, нехватка сотрудников?

Луиза пожала плечами, но не стала вдаваться в подробности. Она не хотела вступать в дискуссию с Трейси о старшем инспекторе Финче. Трейси была верной подругой, но у нее за плечами не было токсичных отношений с этим мужчиной.

– Мы всегда можем обойтись без помощи. Как ты знаешь, отдел уголовного розыска здесь очень маленький, а это дело приобретает все большие масштабы, – сказала Луиза. Она пыталась тщательно подбирать слова.

Следующие полчаса Блэкуэлл рассказывала Трейси о своих новых коллегах и о деле, в котором было очевидное отсутствие прогресса, но Трейси это не комментировала. Она понимала, что расследования часто имеют собственный импульс, и фокус может измениться в течение нескольких часов.

К концу дня собралась команда, и они отчитались за день, после того как Луиза им представила Трейси. Единственные приличные новости пришли от Томаса. Местный житель на Кларендон-роуд, в пятидесяти метрах от церкви, сообщил, что видел одинокого мужчину, идущего к церкви Святого Михаила в вечер убийства Маллигана.

– Свидетель описал его рост от ста восьмидесяти пяти до ста девяноста пяти сантиметров. Незнакомец был одет в длинный плащ и имел плотное, крепко сбитое тело. Житель прокомментировал его странную походку: плечи мужчины были сгорблены, и он слегка прихрамывал на левую ногу, – рассказал сержант Айрленд.

Луиза указала, что это перекликается с некоторыми описаниями пожилых дам, побывавших на мессе отца Маллигана.

– Поработай над этим вместе с Трейси, – поручила она Томасу. – Нам нужно просчитать, по какому маршруту мужчина мог добраться до церкви, расширьте кольцо поисков и следуйте по всем возможным дорогам и тропинкам, пока мы не начнем просматривать камеры видеонаблюдения. Посмотрим, сможем ли мы его обнаружить. Традиционно проверьте все магазины, пабы, рестораны. Его наверняка видел кто-то еще.

Снова следователь решила пока не делиться расследованием пожара восьмидесятых годов в церкви Святой Бернадетты, она могла справиться с этим и в одиночку, но нужно было еще раз опросить прихожан этой церкви, и не только из-за Вероники Ллойд. Блэкуэлл дала задание сопоставить их знания о церкви Святого Михаила и отце Маллигане.

– Помните, Маллиган был священником в церкви Святой Бернадетты. Давайте выясним, что люди знают о нем. Вдруг есть какие-либо предположения, почему кто-то хотел его смерти.

Когда сотрудники приступили к работе, Луиза снова обратилась к пожару. Ее беспокоило, что она, возможно, уделяет этому больше внимания, чем оно того заслуживает, но после разговора с Гарретом происшествие все еще не давало ей покоя. Полицейский отчет об инциденте не оцифровали, поэтому ей пришлось заказать бумажные копии в головном офисе. Блэкуэлл хотела поговорить с ответственным следователем и самостоятельно определить, было ли дело, как намекнул Гаррет, расследовано ненадлежащим образом.

В тот вечер она последней покинула офис. Робертсон попрощался с ней в восемь, но она осталась еще на час – обновить свой и прочитать текущие отчеты команды.

Луиза заметила этого мужчину, как только вышла из главного здания. Он слонялся по тротуару возле автостоянки, в десяти метрах от ее машины. Одетый в длинное черное пальто, он был по меньшей мере ста восьмидесяти сантиметров ростом, но не плотного телосложения, как в описании Томаса. Пальто странного мужчины спадало с узких плеч, а тело было худым и угловатым.

Автостоянка была хорошо освещена, и камеры направлены на следователя с разных сторон. Она держала одну руку на перцовом

баллончике, пока отстегивала дубинку от пояса и приближалась к мужчине. В пяти метрах от него Луиза остановилась.

– Вам помочь? – спросила она.

Когда мужчина повернулся, она увидела у него воротничок священника. *«Отлично, еще один!»* – подумала Луиза. Мужчина улыбнулся ей. Он был старше, чем казался на расстоянии, а уличный фонарь высвечивал борозды морщин на его лбу.

– Инспектор Луиза Блэкуэлл? – спросил мужчина.

– Это я, – сказала Луиза, и ее пальцы напряглись на ручке дубинки.

– Меня зовут монсеньор Эшли, инспектор Блэкуэлл. Я думаю, нам нужно поговорить.

Глава двадцатая

Еще одна беспокойная ночь. В течение многих лет ей было трудно заснуть, но в последние несколько вечеров Эйлин изо всех сил старалась поспать больше чем пару часов. Ее мучили мысли о мистере Ланегане. Возможно, это пустяк, но она не могла выбросить из головы мысль, что в его доме что-то не так. *«Ты просто глупая старушка»*, – убеждала она себя каждый вечер перед сном, ведь мистер Ланеган мог просто забыть сообщить Эйлин о своем отъезде, но темнота ночи снова разжигала ее страхи, и к утру Эйлин была уверена: случилось что-то плохое.

Но что она могла сделать, кому могла рассказать о своих подозрениях? В жизни Эйлин не было никого ближе мистера Ланегана, а она даже не дала ему свой номер телефона. И если бы было с кем поделиться, что могла рассказать Эйлин? Что в доме что-то не так, что там неуловимо изменилась атмосфера, появилась безжизненность, которую она никогда раньше не испытывала? Большой шанс оказаться запертой в каком-нибудь ужасном доме престарелых или, возможно, даже в сумасшедшем доме. У Эйлин не было выбора. Она должна вернуться в его дом и узнать, где он.

Пожилая женщина отправилась в путь темным ранним утром. Эйлин съела на завтрак лишь несколько ложек теплой овсянки и выпила чай с лимоном. Температура упала на несколько градусов со вчерашнего утра, холодный ветер щипал ей глаза и затуманивал и без того плохое зрение. *«Я как старая хромая лошадь»*, – пробормотала она, спускаясь с холма к волнорезу. Следующий автобус должен был приехать только через два часа, поэтому она пошла своим обычным маршрутом. Был прилив, и Эйлин остановилась у станции спасательных шлюпок, чтобы полюбоваться колышущейся водой, – зрелище, от которого никогда не устанут даже ее старые глаза.

Подниматься на холм было труднее, чем когда-либо. Эйлин первый раз за двадцать лет поднималась по склону второй раз за неделю, и ее тело не было готово к этому, все в нем ужасно болело. Было слышно, как щелкали суставы, когда она изо всех сил карабкалась вверх, а воспаленные мышцы скручивало, словно их

отрывали от костей. И все же удовлетворение, когда она достигла вершины, было огромным. Эйлин победоносно посмотрела вниз, на город, в котором родилась, – солнце вставало за густым оперением серого неба, – и продолжила путь к мистеру Ланегану.

Лишь когда Эйлин подошла к двери мистера Ланегана, она поняла, что может потревожить соседей, если начнет сейчас звонить. Если бы мистер Ланеган был дома и имел хоть каплю здравого смысла, он, скорее всего, все еще лежал бы в постели. Пожилая женщина заглянула в переднее окно, а затем в почтовый ящик. Потом она решила попасть в дом, используя запасной ключ от входной двери. Если мистер Ланеган спал, то пусть и спит. Эйлин должна выяснить, все ли с ним в порядке.

Холод и что-то еще, сидевшее глубоко в ней, заставили задрожать руку, когда она вставляла ключ в замочную скважину. Эйлин не смогла отпереть дверь с первой попытки, и ей пришлось двумя руками проворачивать ключ. Она осторожно открыла дверь.

– Мистер Ланеган, – позвала Эйлин, хотя теперь уже была уверена, что в доме никого нет.

Она вошла внутрь и посмотрела на электрический термостат на стене. Дом нуждался в тепле почти так же сильно, как и она. После нескольких минут изучения Эйлин нажала символ «плюс» на экране и удивилась, когда число быстро выросло с пятнадцати до двадцати двух, а на кухне заработал бойлер.

Батареи заурчали, и Эйлин поднялась наверх. Она медленно продвигалась вперед и выкрикивала имя мистера Ланегана. Эйлин пришлось отдохнуть на верхней площадке лестницы. Все выглядело так же, как на днях, но все же она надеялась увидеть мистера Ланегана крепко спящим, когда открывала дверь его спальни.

Но похоже, что мистер Ланеган не возвращался с тех пор, как она была здесь в последний раз. Она была разочарована. От скорости подъема и растущего беспокойства у нее перехватило дыхание, и Эйлин пришлось сесть на заправленную кровать мистера Ланегана. Почему происходящее так ее беспокоило? Насколько она знала, мистер Ланеган мог быть в отпуске.

Эйлин переходила из комнаты в комнату и пыталась понять, почему она впадает в тревогу. Пожилая женщина попыталась трезво взглянуть на ситуацию, но ее мысли продолжали возвращаться к тому

факту, что мистер Ланеган никогда раньше не уходил, не сказав ей об этом. Это могло означать только одно: мужчина заболел и попал в больницу.

Эйлин набрала девять, девять, девять со стационарного телефона. Возмущенная сотрудница сообщила, что ей не следует звонить в службу экстренной помощи для проверки, не попал ли кто-либо в больницу.

– Это *чрезвычайная* ситуация, – заметила Эйлин, растерянная от бессердечного тона женщины.

– Боюсь, нет. Вам нужно звонить в местные больницы.

– Именно это я и пытаюсь выяснить. В какую больницу его отвезли?

Диспетчер вздохнула, будто разговаривала с ребенком.

– Откуда вы звоните?

«*Однажды ты станешь такой же, как я*», – подумала Эйлин.

– Из Сент-Айвза, – ответила пожилая женщина.

– Я бы посоветовала вам обратиться в больницу Западного Корнуолла. Они смогут помочь.

– У вас есть номер телефона этой больницы?

Женщина снова вздохнула, набрала несколько цифр и повесила трубку.

Эйлин поговорила еще с тремя людьми, пока не выяснила, что мистер Ланеган не был госпитализирован ни в одну из больниц Корнуолла.

– Возможно, вам нужно обратиться в полицию, если считаете, что ваш друг пропал, – произнес мужчина, чьи советы оказались гораздо полезнее, чем первой женщины, с которой она разговаривала.

К этому времени Эйлин слишком устала, чтобы попросить номер телефона. В городе находился местный полицейский участок, и она решила: будет легче спуститься вниз, чем вновь осаждать телефон.

Но сначала ей нужно хоть немного подкрепиться. Эйлин вернулась на кухню, наполнила чайник и в ожидании, пока он закипит, просмотрела кухонные шкафы мистера Ланегана в надежде найти немного печенья. Хозяин дома всегда был таким щедрым, он бы не возражал, не сомневалась Эйлин, открывая найденную в одном из ящичков банку песочного печенья.

Чай получился божественным. Она макала в чашку уже второе печенье. Мистер Ланеган жил в очень тихом районе. Ее мысли, как всегда в минуты молчания, обратились к сыну Терренсу. Эйлин на днях хотела позвонить ему, как раз после визита в дом мистера Ланегана, но не знала, сколько будет стоить звонок в Австралию. Эйлин особо не нуждалась в телефоне – Терренс сам никогда ей не звонил. Единственные звонки, которые она получала, были от людей, пытавшихся продать ей какие-то вещи или даже убедить ее, что Эйлин когда-то попала в аварию. Время от времени она сердилась на Терренса. Неужели трудно взять телефон и позвонить собственной матери? Он никогда не был особенно любящим ребенком, а после был трудным подростком, попавшим не в ту компанию, но теперь Терренс стал мужчиной, и Эйлин надеялась, что сын по крайней мере подумает о ней в старости.

Эйлин покачала головой, встала, чтобы ополоснуть чашку, и вдруг заметила, что замок задней двери сломан.

Глава двадцать первая

– Уже довольно поздно, монсеньор Эшли. Не могли бы мы встретиться завтра утром? – спросила Луиза. События этого дня утомили ее, и сил для еще одной встречи не было вовсе.

– Я думаю, вы бы сочли ценными мои слова, – произнес Эшли.

– Я уверена, дело может подождать до утра, – парировала Луиза, открывая машину.

– А если я скажу вам, что, по моему мнению, будет еще три убийства?

Луиза остановилась, вздохнула и закрыла дверцу автомобиля.

– Тогда я предложу нам выпить.

Блэкуэлл отвела монсеньора Эшли в маленький бар рядом с участком, который оказался почти пустым.

– Простите мое невежество, но что такое монсеньор? – спросила следователь, как только оба устроились поудобнее. Хотя Луизе хотелось чего-то алкогольного, она заказала газированную минеральную воду, а монсеньор приступил к пинте «Гиннесса». Белая пена заиграла на его седеющей бороде.

– Всего лишь звание. По сути, я священник с причудливым титулом, хотя, боюсь, и не таким грандиозным, как епископ.

– Вы здесь в официальном качестве?

Эшли тепло улыбнулся:

– Я просто обеспокоенный гражданин.

– У вас возникло предчувствие?

Эшли усмехнулся и отхлебнул пива.

– В церкви мы все мистики, но в настоящее время предчувствие выше нас.

– Тогда почему вы думаете, что будут еще три убийства? – спросила Луиза, понизив голос.

– Вы религиозны, инспектор Блэкуэлл?

– Разве это имеет значение?

– Полагаю, нет. Вы слышали историю Страстей Христовых?

– Вы имеете в виду тот момент, когда Иисус был распят? – спросила Луиза и вспомнила топорное исполнение станций Крестного

пути в церкви Святой Бернадетты.

Монсеньор улыбнулся в знак понимания.

– Что вы можете сказать о том, как умерли две жертвы? – поинтересовался он густым баритоном.

– Я не могу сказать вам больше, чем известно общественности.

Эшли кивнул, словно ожидал от следователя такого ответа.

– Какой-то предмет был воткнут в правую руку Вероники Ллойд, между восьмью костями ее запястья. Та же участь постигла отца Маллигана, только с левым запястьем. Я прав?

Луиза попыталась скрыть удивление.

– Похоже, вы знаете больше, чем общественность. Как получили эту информацию?

Эшли протянул руки.

– Два убийства и две католические церкви – это все равно выяснится.

– Напомните мне, в каком качестве вы со мной разговариваете?

Эшли усмехнулся и повторил:

– Как я уже сказал, инспектор, неофициально. Лучше не обнародовать мои слова.

Луиза была заинтригована. Она не смогла сдержать нервный смехок, когда представила, как священник рассказывает следователю о чем-то из Ветхого Завета. Блэкуэлл собиралась спросить, уж не о конце ли света, но не хотела, чтобы ирония прозвучала неуважительно.

– Ладно, мне интересно.

– Замечательно, – произнес монсеньор и отпил «Гиннеса». – Неплохое пиво. Итак, тайна Страстей. – Эшли расстегнул цепочку у себя на шее и показал Луизе Блэкуэлл четки. – Знаете, что это такое? – спросил он ее.

– Четки, – произнесла Луиза. У нее их никогда не было, но она помнила, что пожилые прихожане из ее церкви носили их. Четки состояли из нескольких бусин. Насколько она знала, сказала ему Блэкуэлл, каждая бусинка представляла собой молитву.

– Очень хорошо, – кивнул Эшли, поигрывая бусинками. – Зерна поменьше расположены в том, что мы называем «декадами». Десять зерен представляют десять «Аве Мария». По сути, это счетные устройства, позволяющие сосредоточиться на молитве, а не на подсчете. А вот большие зерна предназначены, чтобы почтить пять

святых ран, которые Христос получил, когда его распяли, – добавил монсеньор и замолчал.

– Пять святых ран? – спросила Луиза не без дурного предчувствия.

– Для католической церкви эти раны имеют огромное значение. Первые две священные раны – гвозди, воткнутые в руки или запястья Христа.

Луиза уставилась на монсеньора. Она изо всех сил старалась оценить этого человека. Он казался искренним, но вдруг он вообще не священник? Блэкуэлл сделала еще один заказ, на этот раз она взяла себе джин-тоник.

– Позвольте мне уточнить. Думаете, Вероника и отец Маллиган были распяты? – тихо спросила следователь.

– Не совсем так, но я уверен, ваш убийца воспроизводит раны, нанесенные нашему Господу. Боюсь, мы уже видели нечто подобное раньше.

– Например?

– Вы слышали о стигматах, инспектор?

– Да, конечно. Но ведь это самоубийство. Если только вы не верите в магию.

Эшли сделал еще один глоток «Гиннеса» и засмеялся. Впрочем, тут же кашлянул и извинился.

– Мы не называем это магией, инспектор. Стигматы, как вы знаете, это проявление телесных ран, соответствующих ранам, полученным Христом на кресте, а именно пяти святым ранам. Хотя вы правы в том, что они часто наносятся самим себе, некоторые считают, что такие отметины появляются или проявляются без какого-либо внешнего влияния.

Луиза постаралась не выдать своего недоверия:

– И вы в это верите?

– Мы же представители церкви, а значит, любим чудеса, – с долей озорства заметил монсеньор Эшли.

– А какая тут связь?

– Большинство ранят себя, но известно, что иногда стигматами отмечают других людей. В начале двадцатого века обнаружилось, что кардинал в Италии подсыпал наркотики в вино для причастия и наносил подобные раны ничего не подозревающей пастве.

– Только в наших случаях это больше, чем стигматы. Кто бы ни наносил ранения, он не остановился просто на ране.

– Да, конечно. Я думаю, имеет значение расположение гвоздей.

Блэкуэлл замерла, ее рука с бокалом зависла в воздухе. Она произнесла:

– Никто не говорил, что там были гвозди.

– Нет, но то, что было вбито в запястья жертв, было вбито в них с абсолютной точностью. Если вы посмотрите на большинство изображений Распятия, гвозди, удерживающие Христа на месте, расположены на ладонях его рук и ног. Хотя на самом деле, если гвозди были бы вбиты таким образом, то вес тела Христа привел бы к тому, что его руки точно бы оторвались. Римляне, увы, отлично разбирались в подобных вещах. Ваш убийца мог просто вбить гвозди в ладони жертв, но тот факт, что оба отверстия были настолько специфичными, говорит о том, что он прекрасно все знает. И если есть пять святых ран, значит осталось еще три.

– Получается, следующей жертве воткнут гвоздь в ногу? – спросила Луиза и встревожилась от абсурдности собственных слов.

Во взгляде Эшли не было беспечности.

– Если ваш убийца продолжит свои зверства, тогда да. Две из святых ран были на лодыжках Христа.

– А пятая?

– Любой Фома неверующий должен знать пятую святую рану, инспектор, – с улыбкой отметил монсеньор Эшли.

– Не в этот раз.

– Пятая святая рана была на груди Христа сбоку. Римляне прокалывали тело, чтобы убедиться, что жертвы мертвы. Считается, Христос после своего воскресения именно эту рану показал Фоме.

– Понятно, – кивнула Луиза и сделала большой глоток. С одной стороны, она уже убедилась, что убийца еще не закончил, а с другой – мысль о еще трех убийствах было трудно принять. – Ладно, это плохая новость. Еще что-то?

– Боюсь, это все, инспектор Блэкуэлл. Просто дружеская помощь.

Луиза вздохнула:

– Что ж, спасибо. Я полагаю, с этим мы можем работать... Что вы можете рассказать о пожаре в церкви Святой Бернадетты в

восемьдесят третьем году? – Луиза попыталась застать священника врасплох.

Эшли казался невозмутимым, хотя следователь и заметила, что он сначала выпил пива и только потом ответил.

– Трагический, несчастный случай. А почему вы спрашиваете?

– Вы действительно верите в такую версию, монсеньор Эшли?

– Боюсь, я мало что могу вам сказать. Насколько помню, возникла проблема с безопасностью, и, к счастью, никто не пострадал. У нас более трехсот тысяч церквей по всему миру. Такие вещи действительно случаются. И все-таки – почему вы спрашиваете? – повторил Эшли.

Теперь уже Блэкуэлл в задумчивости потягивала напиток – успокаивающий джин-тоник. Она не хотела делиться теорией Гаррета о том, что пожар не был несчастным случаем, но, судя по ответам Эшли и его настойчивости в попытке узнать причину ее интереса к пожару, Луиза подозревала: он знал больше, чем показывал.

– Отец Маллиган работал в церкви до пожара. Совпадения случаются, но, если учитывать, что Вероника Ллойд была активным членом церкви Святой Бернадетты, я должна задаться вопросом, связаны ли эти события.

– Поэтому вы следователь, а я простой священник. Желаю удачи в поисках, – быстро сказал Эшли, встал и протянул Луизе Блэкуэлл длинную узкую ладонь для рукопожатия.

Луиза посмотрела, как монсеньор Эшли уходит, и заказала еще выпивки перед закрытием бара. Она больше не торопилась возвращаться домой в пустой коттедж. Теперь следователь могла представить заголовок: «Распинающий» или слово с каким-нибудь другим подобным религиозным оттенком. Раны на запястьях Вероники и отца Маллигана соответствовали теории Эшли, но одного этого было недостаточно, чтобы основывать расследование на таком зыбком факте. Робертсона и ее коллег было бы трудно убедить в подобном раскладе, но на текущий момент это становилось лучшей линией расследования. Луиза Блэкуэлл забыла на время о том, что так и не узнала, как священник получил информацию о подробностях убийств, и обратила внимание на то, как точно были пробиты запястья жертв. Это само по себе было потенциальной зацепкой. Вполне возможно, у убийцы могло быть какое-то медицинское образование.

Блэкуэлл поставила пустой стакан на стойку и вышла из бара. Луиза чувствовала головокружение, пока шла на холодном ветру к своей машине. Она выпила всего две порции джин-тоника, но опасалась, что могла превысить лимит алкоголя в крови. Локинг-роуд была пустыня, большинство жителей города находилось в безопасности за стенами своих домов.

По дороге домой Луиза думала о монсеньоре и о том, как беззаботно он изложил свою теорию. Возможно, это просто его манера, привычный способ сообщать плохие новости. Телефон Блэкуэлл издал сигнал, и она опустила глаза. Сообщение было от неизвестного абонента. Сердце Луизы забило сильнее. Она не могла объяснить почему, но ей нравилось, когда Финч писал ей. Может, это было как-то связано со старой пословицей: «Держи друга рядом, а врага – еще ближе».

Следователь решила доехать до дома и только потом открыть сообщение. Сначала она взглянула на «доску убийств», где отметила ранения Ллойд и Маллигана. То, что поначалу выглядело как результат неконтролируемой ярости, теперь казалось преднамеренным и педантичным.

– Ладно, Финч, что у тебя на этот раз? – пробормотала Луиза и коснулась экрана телефона.

Глава двадцать вторая

Сержант Джослин Меррик уже закончила утренний инструктаж в полицейском участке Сент-Айвза и распределила обязанности между небольшой командой полицейских и общественных работников ко времени прибытия констебля Джеймса Льюиса на работу.

– На пару слов, – перебила Меррик молодого человека, едва тот начал говорить.

В своем кабинете Джослин велела ему сесть и только потом закрыла дверь. Сержант так и осталась стоять у двери, что заставило Джеймса оглянуться на нее.

– Сколько тебе лет, Джеймс? – спросила Джослин у Льюиса и заняла место за столом.

– Двадцать пять, – ответил полицейский констебль, у которого было всего шесть месяцев испытательного срока.

– А знаешь, сколько мне лет?

У Джеймса отвисла челюсть, и в его голове промелькнули последствия ответа на этот вопрос.

– Мне сорок пять лет, Джеймс. – Она подняла руку, останавливая этим жестом возможное возражение. – Я знаю, что выгляжу моложе, но я на двадцать лет старше тебя. – Констебль выглядел озадаченным, поэтому Джослин Меррик с удовольствием продолжила: – Ты ведь холост, Джеймс?

– Ну, вроде того, – немного нервно произнес Джеймс.

– То есть не женат?

Он покачал головой.

– И у тебя нет детей?

– Нет.

– О, хорошо. Значит, у тебя нет детей семи и девяти лет, которые ходят в разные школы?

– Нет.

– Что ж, интересно, Джеймс. Знаешь, а у меня есть. Сегодня утром я подняла их с кроватей, приготовила завтрак, передела и отвезла в разные школы, – не спрашивай как, – и все равно мне удалось добраться сюда за тридцать минут до начала смены.

Теперь Джеймс расслабился, он, видимо, подумал, что Меррик просто описывает свою домашнюю жизнь. Но Джослин резко повысила голос:

– Сядь прямо, констебль, когда я с тобой разговариваю. – Джеймс резко выпрямился, и его щеки покраснели. – Если я в сорок пять лет и с двумя маленькими детьми могу прийти на работу вовремя, можешь объяснить, почему ты не можешь?

– Извините, сержант, я проспал.

Джослин громко фыркнула. Становилось все труднее и труднее набирать рекрутов на юго-западе Корнуолла, не говоря уже о качественных кадрах, но иногда Меррик недоумевала, как некоторым из молодых офицеров удалось с успехом окончить колледж. Они все больше и больше полагались на офицеров по связям с общественностью, и сотрудники ее команды были куда полезнее, чем молодой человек, сидящий перед Джослин, – один из самых неопытных за всю ее карьеру.

Сержант открыла файл с его резюме на своем айпаде. Джеймс Льюис, судя по всему, исключительно умен и получил первую степень в Даремском университете, так что Меррик удивила его безалаберность.

– Послушай, Джеймс, ты уже четвертый раз за месяц опаздываешь. Я хочу, чтобы ты преуспел в своей должности, но и ты должен мне хоть что-то дать. Если бы я так оправдывалась за опоздание, когда была на испытательном сроке, мне бы сразу указали на дверь. Ты что-то недоговариваешь? Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Нет.

Джослин Меррик действительно хотела помочь ему, но для начала Джеймс Льюис сам должен был потрудиться.

– Тогда я выписываю тебе штраф. Так больше не может продолжаться. Это не обычная работа в офисе с девяти до пяти, Джеймс, ты же знаешь. С этого момента ты должен приходить на работу за тридцать минут до начала смены. Я ясно выразилась?

Джеймс качнул головой с таким видом, что на секунду сержанту показалось, будто Льюис посмеет с ней спорить.

– Да, сержант.

– Хорошо. Не облажайся, Джеймс. Корнуолл и Девон вложили в тебя много денег, и я не хочу, чтобы меня обвиняли в предвзятом

отношении. Ты меня понял?

– Сержант...

– Ив качестве дополнительного удовольствия ты можешь поработать со мной сегодня утром. Встретимся на улице через пять минут.

Констебль Льюис, ссутулившись, удалился, а Джослин загрузила вчерашний файл. Пожилая женщина, Эйлин Босуэлл, сообщила о пропаже человека по имени Ричард Ланеган. Ланеган нанял женщину уборщицей, и, учитывая ее возраст, этот факт удивил Джослин. По словам Эйлин, Ланеган всегда был дома, когда она убиралась, но на этой неделе его не было. Эйлин Босуэлл вернулась через три дня и заметила, что замок на задней двери сломан. У уборщицы не было номера телефона Ланегана или каких-либо экстренных контактов, поэтому Джослин согласилась разобраться в этом, но вчера у нее не было ни времени, ни ресурсов туда приехать.

– Послушайте, сержант, я сожалею о своем проступке. Я обещаю, этого больше не повторится, – сказал Джеймс на парковке у вокзала.

Джослин посмотрела на него. Он был довольно неплохим парнем, но Меррик боялась, Льюис еще слишком наивен, чтобы действовать самостоятельно. Сейчас Джослин Меррик могла только поделиться с молодым сотрудником опытом.

– Хорошо, Джеймс. Не подведи меня.

Они поехали к дому. Джослин включила радио в машине, чтобы заглушить неловкое молчание. Дом Ланегана находился в небольшом поместье рядом с пожарной частью. Пожилая женщина дала ей ключ, но Джослин не хотела открывать дверь без крайней необходимости. Она постучала и заглянула в передние окна, а потом приказала Джеймсу обойти дом сзади.

Молодой человек вернулся через несколько минут и сказал, что задняя дверь открыта, а замок, похоже, действительно сломан.

– Хорошо, запиши время. Мы идем внутрь.

Они вошли в дом через парадную дверь. Первое, что поразило Меррик, – небывалая жара. Термостат застрял на двадцати двух градусах, и она выключила его. Пот выступил у сержанта на лбу.

– Что-то здесь не так, – заметил Джеймс. Он прошел через кухню к незапертой задней двери.

Джослин фыркнула. У нее не было времени на исследование ощущений. Они могли сгодиться лишь для телевизионного шоу о паранормальном. Все, что стоило внимания, – сломанный замок и перегретый дом. Уборщица заходила дважды за последнюю неделю. Она могла включить отопление и забыть, а сломанный замок мог быть безобидной деталью.

– Не делай поспешных выводов, Джеймс. Нам нужно найти контактные данные мистера Ланегана. Посмотри, сможешь ли ты найти адресную книгу или что-нибудь с номером телефона.

Либо Ланеган сам так тщательно прибирался, либо уборщица отлично работала. Везде было безупречно чисто – все в идеальном порядке. Джослин открыла ящики комода в спальне Ланегана и увидела, как аккуратно сложено и разложено все вплоть до нижнего белья. Если за это отвечала уборщица, то, возможно, стоило поговорить с ней. Дом Джослин был полной противоположностью жилищу Ланегана. Ее муж работал посменно на фабрике в Фалмуте, и им было достаточно трудно организовать, чтобы дома дети были под присмотром хотя бы одного из родителей, не говоря уже о том, чтобы успевать содержать жилище в подобном порядке. Правда, дом Джослин был полон любви, а хозяин этого, похоже, жил в одиночестве и очень просто. В доме не было ни фотографий, ни книг – кроме Библии и нескольких других религиозных текстов, разбросанных по комнатам, – и даже телевизора. Джослин старалась не судить других людей по тому, как они жили. Меррик знала – большинство посчитало бы ее неряхой, если бы увидело, в каком беспорядке она жила. Люди по-разному управлялись с бытом, и Ланеган вполне мог быть счастлив в этой минималистской обстановке.

Она порылась в его прикроватной тумбочке и под Библией Святого Иакова нашла то, что искала, – старомодную адресную книгу с маленькими алфавитными отступами. Сержант пролистала ее, отметила безупречный каллиграфический почерк пропавшего мужчины и сразу собралась покинуть дом. С книгой было достаточно работы, поэтому она вызвала Джеймса:

– Давай вернемся в участок. Тебе нужно будет сделать несколько телефонных звонков.

Глава двадцать третья

Сообщение от Финча разочаровало Луизу. Никакого упоминания о его визите в Уэстон или о продолжающемся деле, а просто знакомый рефрен:

Спокойной ночи, Луиза. Спи крепко. Икс.

Блэкуэлл разочаровало, что этим посланием Тимоти не раскрыл себя. Следователь вспомнила, как Финч смотрел на нее в кабинете Робертсона, словно между ними ничего не было и это не его вина, что она застряла в этом городе. Тимоти Финч, безусловно, мог это сыграть, если такое положение дел было оправдано. Луизе потребовались годы, чтобы увидеть его насквозь, поэтому она не могла винить Робертсона и остальных в их слепоте. Но Финч оступится – Луиза в этом даже не сомневалась, и она будет начеку, когда Тимоти это сделает.

Робертсон позвонил на следующее утро, когда следователь направлялась в Уэстон. Начальник разговаривал так, будто не спал всю ночь.

– Когда вы соблаговолите почтить нас своим присутствием, инспектор Блэкуэлл? – спросил Йен Робертсон. Его голос во внутренней акустической системе автомобиля звучал грубее обычного. Было семь утра.

– Через десять минут.

– Не задерживайтесь дольше, – резко произнес Робертсон и закончил разговор. *«И вам доброго утра»*, – подумала Луиза. Облака были низкими и черными, казалось, небо вот-вот упадет. Она повернула машину по Уоллискот-роуд на автостоянку. Дежурный сержант поприветствовал следователя едва заметным кивком, когда она вошла в главный офис. Здесь всегда было скучно по сравнению с Бристолем, но сейчас в офисе вообще было тихо, как в морге, и это в разгар громкого дела о нескольких убийствах.

Луиза Блэкуэлл налила кофе и направилась в кабинет Робертсона. Когда Блэкуэлл вошла в комнату, Йен опустил голову и притворился, что читает лежащие перед ним бумаги, – он, как обычно, решил продемонстрировать, кто здесь начальник.

– Кофе, Йен? – спросила следователь и поставила перед ним чашку.

Робертсон удивил Луизу, когда вместо ответа он протянул ей экземпляр национальной бульварной газеты.

– Страница семь, – произнес он.

– Вы редко когда такое читаете.

– Правильно. Обычно я не стал бы даже вытирать подобной газетенкой задницу, но мне нравится быть в курсе событий в этом городе.

Луиза открыла газету на седьмой странице и прищурилась, увидев заголовок:

«Убийца пенсионеров напал на приморский город».

– В заголовке не хватает искры, – иронично заметила Луиза.

– А разве не так?

– По-моему, не похоже на прозвище.

– Прекратите, черт побери, увиливать. Это важно. Прочтите ту часть, где говорится, что у нас нет подозреваемого. Потом можете пойти и быстренько заглянуть в Интернет – посмотреть, сколько изливается скорби, особенно по чертовому священнику.

Луиза прочитала статью. Согласно тексту, убийства были сенсационными и плохо исследованными. Это наводило на мысль, что город находился почти в состоянии изоляции, и указывало, что убийства еще больше ударят по и без того испытывающей трудности индустрии туризма.

– Бросьте, Йен, это все никак не влияет на наше расследование. Я очень хочу, чтобы этого ублюдка поймали, как, впрочем, и всех остальных. Я своими глазами видела, что он сделал с отцом Маллиганом и Вероникой Ллойд. Стенания в прессе и в Интернете ничего не меняют.

– Луиза, не будьте столь наивной. Сегодня утром мы с вами встречаемся с помощником главного констебля Морли. Он едет сюда. Он ни разу не был в этом участке за все мои годы работы здесь. Я получаю дерьмовые сообщения со всех сторон, Луиза, и если вы что-

то не придумаете прямо сейчас, то нам придется всем этим заниматься только до конца текущего дня.

Луиза спокойно отложила газету, хотя на самом деле ей хотелось швырнуть ее в босса. Блэкуэлл сдержалась, и когда аккуратно отодвигала чашку с кофе. Ко всему явно приложил руку Финч. У него были отличные контакты в прессе, даже в национальных изданиях. Она видела, как он раньше очаровывал журналистов, поил местных репортеров пивом и передавал информацию, когда это устраивало его и касалось его расследования. Разумеется, Тимоти хотел отобрать у Луизы это дело.

– Что вы хотите от меня услышать, Йен?

– Я хочу, чтобы вы сообщили о наличии подозреваемого. Я хочу, чтобы вы сообщили о каких-нибудь данных, которые я могу сообщить помощнику главного констебля.

Луиза понимала, под каким давлением находится Робертсон, но он так же хорошо, как и она, знал, что все не так просто. Когда имеешь дело с маньяком, все обязательно усложняется. Обычный способ – первым делом знакомство с семьей, близкими друзьями и коллегами по работе – менялся при обнаружении нескольких тел. Фокус переключался на поиск связи между жертвами и установление мотива. Хотя в настоящее время они и не понимали мотивов убийцы, была высока вероятность, что его или ее жертвы как-то связаны друг с другом. Возможно, их возрастом, но Луиза считала связи с церквями не менее важными, особенно после ее разговора с монсеньором. Стало ясно: убийца знал, что делает, и был точен в манере совершения преступлений. Луиза глубоко вздохнула и рассказала Робертсону о встрече с монсеньором Эшли. Она рассказала о пяти ранах и теории Эшли, что будет по меньшей мере еще три убийства. Робертсон посмотрел на нее как на сумасшедшую.

– Какие-то сказки. Хах, Морли это понравится. Еще три убийства, и мы сможем покончить с делом.

– Такая версия дает нам четкий угол для расследования.

– Если только этот монсеньор, или как его там, не псих. Вы уже разузнали о нем?

– Я познакомилась с ним только вчера вечером. У меня есть все его данные, так что я проверю этого человека сегодня утром.

– Слишком шаткая предпосылка для движения дальше, Луиза.

– И да и нет. У нас есть активная прихожанка одной католической церкви и священник другой в качестве жертв. Метод убийств согласуется с историческим методом распятия, как объяснил монсеньор Эшли.

– А вот это еще предстоит определить.

– Да, но информация действительно поступает непосредственно из результатов вскрытия, и отчет доктора подтвердил: разрезы не затронули восемь костей руки обеих жертв. Конечно, тут слишком большое совпадение. Но я уверена, убийца так или иначе одержим Распятием Христа.

Робертсон отхлебнул кофе, не сводя с нее пристального взгляда.

– Вы издеваетесь надо мной, Луиза? Тут нет мотива.

– Нет, но есть направление расследования.

– Будем надеяться, что помощник шефа расценит это именно так.

– Для вас только что прибыло досье из штаба, – сообщила Симона, когда Луиза вернулась в кабинет. Луиза лишь кивнула. Ее энергия иссякла после утренней встречи с начальником. Она уже собиралась открыть документ, когда появилась Трейси.

– Как дела, босс? – спросила она с преувеличенным американским акцентом.

– Ты какая-то сегодня необычная, – заметила Луиза. Она обратила внимание на запахи никотина и алкоголя под ароматом духов. – Интересная ночь?

– Можно и так сказать. Я расскажу тебе позже. Вчера я вторглась в общину Святого Михаила, хотя от них трудно добиться хоть слова. Я бы сказала, в этой области присутствует явное недоверие к полиции. Люди были полностью шокированы и искренне огорчены. В этой общине определенно существует огромное уважение к отцу Маллигану. Даже несмотря на то, что он выполнял только одну службу в неделю. В это воскресенье они проводят мессу в его память. Может, нам стоит навестить эту общину.

«Если я к тому времени все еще буду работать над этим делом», – подумала Луиза.

– Спасибо, Трейси. Я проведу брифинг через тридцать минут.

– Хорошо, босс, – кивнула Трейси и быстро отдала ей честь. Луиза наблюдала, как ее подруга ходит среди других офицеров, каждый из которых, казалось, был рад ее видеть. Луиза восхищалась легкостью, с которой Трейси общалась с людьми. Отсутствие лидерского багажа облегчало ей задачу, но Луизе приходилось гораздо больше работать для развития таких отношений, и она задавалась вопросом, не по этой ли причине ее еще не повысили. Она разорвала большой конверт из манильской бумаги, оставленный Симоной, и обрадовалась, потому что увидела старые заметки о пожаре в церкви Святой Бернадетты. Коричневая карточка, датированная маем 1983 года, пахла плесенью и была покрыта тонкой пленкой пыли. Главным офицером в то время являлся следователь-сержант Бен Фарнхэм. Луиза не была знакома ни с этим именем, ни с самими документами. Она смогла выяснить, что расследование велось тщательно. Фарнхэм ежедневно составлял отчеты, содержащие показания свидетелей, а также сведения от других экстренных служб. Присутствовали фотографии, которые она просматривала в старом экземпляре «Меркьюри», и ряд других черно-белых изображений.

Луиза Блэкуэлл вышла из кабинета выпить кофе. Томас стоял в маленькой кухне открытой планировки и ждал, когда закипит чайник.

– Доброе утро, – поздоровался мужчина.

– Привет, Томас. Помнишь сержанта Бена Фарнхэма?

У Томаса дернулся глаз, а рот искривился. На нем были чистый костюм и свежая рубашка. Его лицо все еще было осунувшееся, но Томас выглядел лучше, чем при встрече с Луизой в «Калимере».

– Да, помню, – сказал он с усмешкой.

– Звучит оптимистично.

– Никогда не сходиллся с этим человеком во взглядах. Ему был год до пенсии, когда я начал работать в уголовном розыске и вел себя соответственно. Я работал с Беном над несколькими делами, но он буквально считал дни до выхода в отставку. В то время от меня было мало пользы.

– Можешь еще мне что-то о нем рассказать?

– Не уверен. Я слышал, когда-то Фарнхэм был хорошим сотрудником. В конце восьмидесятых у него нарисовалась полоса удачи, принесшая нескольких наркоторговцев, проникших в город из

Бристоля. Судя по всему, Бенджамин Фарнхэм и тогда был нелегким в общении человеком. Фарнхэм – бывший боксер, хотя к тому времени, как я приехал, он стал полноватым. А почему вы спрашиваете?

– Я про тот пожар в церкви Святой Бернадетты в восемьдесят третьем году. Он был ведущим следователем.

– Хотите чаю? – спросил Томас, налил горячую воду в кружку, и воздух наполнился ароматом мяты.

Луиза покачала головой.

– Мятный чай? Ты плохо себя чувствуешь, сержант?

– Скверновато. Некоторые из нас вчера вечером ходили выпить.

Луиза скрыла удивление. Она почувствовала запах алкоголя от Трейси, а теперь еще и страдающий от похмелья Томас. Судя по всему, они ушли без нее. Это смешно, ведь могло быть много причин, по которым они ее не пригласили, но следователь все еще испытывала ревность.

– Не уверена, что мятный чай поможет.

– Наверное, вы правы, но при мысли о кофе меня мутит. Итак, Фарнхэм, как вы говорите, был ведущим следователем?

– Да. Есть его довольно подробный отчет, но я хотела бы лично с ним поговорить.

– Я отыщу номер Бена и организую вам встречу с ним. Фарнхэм все еще живет в городе, так что это вряд ли будет проблемой.

– Спасибо, Томас.

Томас в ответ приподнял брови и отнес мятный чай обратно к столу. Каждый из ее команды либо разговаривал по телефону, либо приклеился к экрану. Только Фаррелла не было, и Луиза не могла не озадачиться, вдруг и он тоже борется с последствиями прошлой ночи?

После утреннего инструктажа Луиза отправилась в церковь Святой Бернадетты. На сайте церкви было указано, что в пятницу состоится утренняя месса, и Луиза увидела в этом потенциальную возможность поговорить с некоторыми прихожанами. И еще Блэкуэлл было интересно посмотреть на отца Макгуайра в работе.

Луиза вспомнила почти параноидальную газетную статью, которую прочитала этим утром. Улицы действительно казались опустевшими. Несколько человек, мимо которых она проходила по дороге в церковь, казалось, смотрели на следователя враждебно, словно знали, что она офицер полиции и каким-то образом несет ответственность за потрясение, которое переживает город.

Луиза Блэкуэлл завернула за угол в сторону церкви Святой Бернадетты и с удивлением увидела вереницы детей, которых учителя вели в церковь. Это были ученики школы, примыкающей к церкви. Дети шли молча, взявшись за руки, все в одинаковой синей униформе. Так называемый подготовительный класс вывела сурового вида женщина в длинном струящемся платье. Ученики были совсем юные, некоторые двигались как малыши, несмотря на то что приходились ровесниками Эмили. Луиза в ужасе подумала, насколько все изменилось для ее племянницы за последнюю пару лет. Девочка потеряла мать, и теперь на какое-то время ее разлучили и с отцом. Луиза пыталась видеться с Эмили каждые выходные и, несмотря на срочность дела, пообещала себе, что поедет навестить племянницу завтра.

– Здравствуйте.

Луиза поразилась, но быстро скрыла удивление от приветствия элегантно одетого мужчины, подошедшего к ней сбоку.

– Здравствуйте, – ответила Блэкуэлл.

– Мы раньше не встречались. Я Саймон Голдинг, директор в школе Святой Бернадетты.

Луиза кивнула и улыбнулась. Голдинг присутствовал в ее списке людей, с которыми она должна была связаться.

– Луиза Блэкуэлл. Дети очень хорошо себя ведут.

– Что-то в церковной службе делает их послушными, – улыбнулся в ответ Саймон. – Они не всегда такие... дисциплинированные.

– Утренняя месса отменяется? – спросила она.

– Нет, и мы будем рады, если вы присоединитесь к нам. Мы празднуем День Всех Святых.

– Это связано с Хэллоуином? – спросила Луиза. Она сознательно провоцировала учителя, чтобы оценить его реакцию.

– Не совсем, – нерешительно произнес Голдинг. – Я не видел вас раньше в церкви, но вы кажетесь мне знакомой.

Луиза сказала ему, кто она такая.

– Я бы хотела поговорить с вами, – сообщила следователь.

Голдинг радушно улыбнулся, но, ничего не ответив на это, сразу двинулся от нее в сторону церкви.

– Мне нужно идти с детьми.

– Я останусь на мессу. Мы можем поговорить потом, – произнесла Луиза, не оставив директору возможности уйти от разговора с ней.

Мужчина кивнул. Блэкуэлл последовала за Голдингом в церковь и заняла место в заднем ряду. Месса не была похожа ни на одну из тех, что она помнила с детства. Группа детей постарше сидела сбоку от алтаря, и каждый держал в руках музыкальный инструмент. Как только отец Макгуайр поприветствовал всех, пожелал мира своей пастве и получил в ответ «Мир вам», дети начали играть, и все встали для первого гимна. Луиза не ожидала от себя такой положительной реакции на мессу. В лучшем случае она испытывала апатию по отношению к организованной религии. Блэкуэлл не отрицала, что это приносит пользу обществу, но изо всех сил старалась избавиться от ощущения, что всех участников вводят в заблуждение. К тому же во всех этих мероприятиях присутствовал культовый элемент. Но сейчас она этого не испытывала. Детям здесь нравилось. Гимны касались любви и мира, как и проповедь отца Макгуайра и отрывки из Гвангелий. Она не могла судить здешних людей, и к концу мессы следователю пришлось признать, что ей стало немного лучше. Час сидения и наблюдения освежил Луизу Блэкуэлл, и теперь она чувствовала: у нее появилось больше энергии на весь оставшийся день.

– Инспектор, – произнес Голдинг, когда выводил детей из церкви. – Не хотите встретиться в моем офисе? Я буду там через пять минут.

– Спасибо, мистер Голдинг, – поблагодарила Саймона Луиза и поймала взгляд девушки из приемной, улыбнувшейся ей.

Кабинет директора был небольшой комнатой в передней части школы. Он был выкрашен в светло-желтый цвет, позади стола

Голдинга висела картина с изображением Распятия.

– Вам понравилась месса, инспектор Блэкуэлл?

– Очень. У вас здесь прекрасная школа.

– Нам повезло. Я полагаю, вы хотите обсудить две ужасные смерти.

– Да. Мы пытаемся охватить всю общину. К сожалению, обе жертвы имеют отношение к церкви Святой Бернадетты, как вы, вероятно, знаете.

Голдинг потер лицо.

– Миссис Ллойд раньше преподавала здесь, и некоторые дети знали ее по церкви. Она бывала там почти каждый день. Я думаю, она работала кем-то вроде неофициального зрителя. Ее будет так не хватать. Было очень трудно уберечь детей от этого кошмара.

– Дети знают о смерти миссис Ллойд?

– Да. Почти невыполнимая задача – обсуждать вопросы смерти с детьми. Мы посоветовались, проконсультировались с родителями по этому вопросу. Мы не сообщили ученикам никаких подробностей, кроме того, что несчастная скончалась, и так же поступили в случае с отцом Маллиганом, но мы знаем: старшие дети уже говорят об этом происшествии. Они читают газеты и разговаривают с младшими. Ужасная ситуация.

– Как ваши учителя это воспринимают?

– Мы все просто смиряемся с этим, инспектор. Я думаю, лучшая стратегия – не думать слишком много о зверских травмах, нанесенных этим двум душам. Мы молились за них и будем продолжать это делать. Мы поможем детям пройти через этот ад.

– Вы хорошо знали Веронику Ллойд?

– Я видел ее ежедневно. Я не всегда разговаривал с ней, но время от времени мы обменивались парой фраз.

– А отец Маллиган?

– На самом деле я не так уж хорошо его знал. Я встречал отца Маллигана несколько раз, но не могу сказать, что действительно знал его.

– Он был приходским священником здесь в восьмидесятые?

– Полагаю, да.

– В это же время Вероника работала одной из школьных учительниц.

– Наверное. Я здесь всего пять лет, и я родом не из Уэстона.

– Откуда вы родом?

– Из Лестера.

– Что привело вас на побережье?

Лицо Голдинга просветлело.

– Любовь, – с улыбкой объяснил Саймон Голдинг. – Я женился на девушке из Уэстона.

Луиза улыбнулась в ответ. Она все еще пыталась понять, утаивает ли что-нибудь директор.

– Ваша жена состоит в общине?

– Да. До этого она ходила в церковь в одном из наших сестринских приходов в Уорле.

– Значит, она не училась здесь, когда Вероника преподавала в этой школе?

– Нет, она не ходила в здешнюю школу.

Улыбка Голдинга замерла, и Луиза отметила, что вопросы о жене заставляли Саймона испытывать неловкость.

– Я должна спросить вас, мистер Голдинг. Можете ли вы предположить какую-нибудь причину, по которой кто-то хотел причинить вред Веронике Ллойд или отцу Маллигану?

– Конечно нет. Сама мысль об этом нелепа.

Луиза молча оценивала реакцию Голдинга. Прошло несколько мгновений, и только потом мужчина снова заговорил:

– Я могу вам еще чем-нибудь помочь, инспектор?

– Здесь был пожар во времена, когда Вероника Ллойд работала учительницей в школе, а отец Маллиган был священником.

– Скорее всего, но, как я уже сказал, я живу тут всего несколько лет. Я действительно ничего об этом не знаю.

– Это был несчастный случай, – отметила Луиза. Она скорее утверждала, чем спрашивала.

– Да? – озадаченно произнес Голдинг.

– А ходили какие-то слухи?

Голдинг выпрямился в кресле.

– Слухи? Боюсь, теперь уже вы меня не поняли, инспектор.

– Имею в виду слухи о поджоге.

Саймон Голдинг фыркнул.

– Я никогда ни о чем подобном не слышал. Но, как я уже сказал...

– Вы работаете здесь всего несколько лет, – перебила его Луиза. – С кем бы вы посоветовали мне поговорить о пожаре, мистер Голдинг? Ваш нынешний священник тоже не слишком разговорчив на эту тему.

– Сложно сказать. Полагаю, вы можете поговорить с моими предшественниками.

– Вашими предшественниками?

– Да. Ну, моим прямым предшественником был мистер Натан Форестер, но школа управлялась командой, а его жена, Джанет, работала школьным секретарем. Они прожили здесь двадцать с лишним лет, пока не вышли на пенсию. Я полагаю, они были здесь, когда произошел пожар. Да, я в этом уверен: мы обсуждали, какое влияние это оказало на школу, когда я только приехал.

Голдинг нажал несколько клавиш на клавиатуре компьютера.

– Я полагаю, это не будет противоречить правилам конфиденциальности, если я предоставлю вам их личную информацию?

– Нет, это очень любезно с вашей стороны, – отметила Луиза и начала записывать подробности в блокнот.

Луиза двинулась обратно. На ее мобильном телефоне ждало сообщение от Томаса: «Я говорил с Фарнхемом. В данный момент он находится в Турции. Вернется на следующей неделе. Он пообещал, что первым делом заскочит к тебе».

Луиза положила телефон обратно в карман. Серое небо заливало дождем, и следователь ускорила шаг, возвращаясь в офис. Блэкуэлл могла поехать навестить Форестеров, живших в Уорлбери, если бы не предстоящая встреча с помощником главного констебля Морли в участке. Ей нужно подготовиться, разобраться во всем и только потом столкнуться с унижением умоляющей остаться в рамках расследования. Она не могла пойти к Морли с сомнительными подозрениями о возникновении пожара в церкви, даже если этот пожар был единственным моментом, связывающим Веронику Ллойд и отца Маллигана.

Следователь вошла в участок и сразу поняла – что-то произошло. Работники в униформе были более сосредоточены и демонстрировали, как показалось Луизе, показную напряженность работы.

– Что происходит? – спросила она дежурного сержанта.

– Королевский визит.

Луиза проверила телефон.

– Морли? – удивилась она. Помощник главного констебля должен был прибыть только через час.

– Он самый. Морли в вашем отделе и болтает с Роббо.

– Замечательно.

Следователь собралась с духом и направилась в отдел. Похоже, там распространилась новая трудовая этика. Все либо разговаривали по телефону, либо изучали экран компьютера с таким рвением, как будто от этого зависела их жизнь.

– Я как раз собиралась тебе позвонить, – замялась Трейси и встала из-за стола. Она выглядела немного свежее, и запах алкоголя больше не ощущался в ее дыхании.

– Как давно он здесь? – спросила Луиза Блэкуэлл.

– Минут десять.

– Он пришел один? – поинтересовалась следователь.

– С ним его помощник.

– Кто это? Суперинтендант Роуз?

– Да, Дэн Роуз. Его бурый нос узнаешь за километр, – подтвердила с сарказмом Трейси.

Облегчение, что сопровождающим оказался не Финч, «компенсировало» решение Морли прийти на час раньше. Знал ли об этом Робертсон, или для него преждевременное прибытие Морли – тоже неожиданность? Но это типично для Морли. Приехать пораньше и застигнуть всех врасплох. Все это отвлекающие маневры, а действительная потребность – все их внимание должно сосредоточиться на поимке убийцы. Жалюзи в кабинете Робертсона были открыты, и Блэкуэлл могла видеть спину седовласого Морли и его потенциального преемника Роуза, сидящего напротив.

– Идешь? – спросила Трейси.

– Подожду, когда меня позовут.

А пока Луиза Блэкуэлл позвонила в резиденцию Форестеров, и ее соединили с их автоответчиком. Мистер Форестер попросил оставить сообщение. В записанном голосе была легкая, какая-то южноафриканская мелодичность.

– Мистер и миссис Форестер, это следователь-инспектор Луиза Блэкуэлл из Уэстонского уголовного розыска. Я была бы признательна,

если вы свяжетесь со мной при первой же возможности, – сказала она, продиктовала номер и повесила трубку.

– Сейчас они вас примут, – произнесла Симона, возникшая у стола Луизы, как привидение.

Луиза вошла в ноутбук, прежде чем отправиться в офис Робертсона, – она дала себе короткую передышку перед встречей с Морли. Через несколько минут у нее могут отобрать дело. В конечном счете Морли был ответственен за ее перевод в Уэстон. Он был близок с Финчем в течение многих лет. Луиза видела радость Морли, когда тот сообщал ей эту новость восемнадцать месяцев назад. Его разочаровало, что Луиза приняла это решение с достоинством. Блэкуэлл не сомневалась, начальнику понравилась бы вспышка гнева, чтобы он мог насладиться властью, но следователь отказалась унижаться. На самом деле он добивался ее отставки, но будь Луиза проклята, если позволит таким людям, как Морли, что-то диктовать ей.

– Ах, Луиза, проходите, присаживайтесь, – предложил Робертсон, когда та постучала в дверь.

– Да, сэр, – поздоровалась Луиза и повернулась к Морли и Роузу, едва обратившим на нее внимание.

– Ты знаешь, почему я здесь, – начал Морли, не дав Луизе Блэкуэлл даже сесть.

«Явно не для того, чтобы поддержать мое расследование», – подумала Луиза.

– Сэр, – произнесла она.

– Старший инспектор Робертсон любезно проинформировал меня о текущем положении дел. Я не вижу большого прогресса, если быть до конца честным.

Прошло меньше недели, и они имели дело с серийным убийцей. Какого черта он ожидал?

– Это очень сложное дело, сэр.

Морли нахмурился. На его лице читалось явное недовольство.

– Это сложное дело, инспектор Блэкуэлл. И также очень громкое. Я так понимаю, вы читали таблоиды этим утром?

– Сэр...

– Еще раз, как они его называют? – спросил Морли и повернулся к Роузу.

– «Убийца пенсионеров», – произнес Роуз, наполовину хмурясь, наполовину ухмыляясь.

– Да, «Убийца пенсионеров», – повторил Морли.

– Броско, не правда ли? – с иронией спросила Луиза.

– Это не повод для шуток, инспектор. Помимо негативной прессы, которую вызывает это событие, можете ли вы наконец представить, какое влияние оно оказывает на ваш город? Я уверен, мне не нужно говорить вам, что Уэстон выживает только благодаря туризму, и большая часть туристов, особенно зимой, – пенсионеры. А кто в здравом уме захочет приехать сюда в данный момент?

Луиза уже много раз настаивала на своем мнении. Без сомнения, Морли находился под давлением собственного необузданного характера. *«Дерьмо из него течет рекой»*, – подумала Блэкуэлл. Она взглянула на Робертсона в поисках поддержки и обрадовалась, когда старший инспектор заговорил:

– Мы полностью осознаем ситуацию, сэр. Мы неустанно работаем, чтобы найти ответственного за это преступление человека. Нам просто нужно немного времени.

– Я не верю, что убийца нацелился на пенсионеров как таковых, – сказала Луиза.

– Да неужели? – недоверчиво спросил Морли и искоса взглянул на Роуза.

– Да, двум жертвам было около семидесяти, но я полагаю, их выбрали не из-за возраста.

Луиза продолжила рассказывать о расследовании в церкви Святой Бернадетты и пожара, включая ее встречу с монсеньором Эшли.

На Морли ее речь не произвела впечатления.

– Здесь нет ничего определенного, – заметил начальник, огладил лицо, вздохнул и размял пальцы. – Из религиозного мистицизма никогда не выходит ничего хорошего. Будь моя воля, я бы снял вас с этого дела прямо сейчас. Однако думаю, это плохо отразится на департаменте, поэтому я готов дать вам отсрочку. Я жду до конца понедельника. Найдите что-то конкретное, или дело перейдет в МПТ. Поняли меня? – произнес он и встал.

Все остальные в офисе встали.

– Да, сэр, – отозвалась Луиза.

Морли кивнул, когда Робертсон вышел из-за стола.

– Я провожу вас обоих, – произнес начальник и поймал взгляд Луизы, когда уходил. Она не могла сказать, испытывал ли он облегчение, торжество или и то и другое вместе.

Глава двадцать четвертая

Джефф чувствовал себя психом, поскольку сидел в фургоне и наблюдал, как миссис Форестер входит в дом. Он знал ее адрес, поэтому двигался впереди автобуса, на котором она ехала, и ждал его прибытия. Фургон Симмонс припарковал на противоположной стороне дороги – как обычно, достаточно далеко, чтобы пожилая женщина ничего не заподозрила, но достаточно близко, чтобы можно было наблюдать за домом.

Джефф с разочарованием увидел, что все освещение в передней части здания выключено. Дом Форестеров являлся двухквартирным домом в Уорлбери-Хилл, самом богатом районе города. За домом тянулся переулок, ведущий на соседнюю улицу, и Джефф проверил местность до возвращения миссис Форестер. Освещение сзади дома тоже было выключено – верная примета, что миссис Форестер все еще отсутствовала.

Джефф вернулся в фургон и в ярости хлопнул рукой по рулю. Он не учел, что Форестеры могут быть не вместе. Мистер Форестер, как и его жена, время от времени вызывался работать волонтером, но в остальное время они всегда были вместе. Симмонс приезжал сюда пять раз в этом месяце, планируя свой поступок, и каждый раз супружеская пара была дома. Джефф не хотел паниковать, но он не мог начать без мистера Форестера.

Они должны были быть вместе!

В конце концов он подождал до половины одиннадцатого и покинул район. На него уже косились выгульщик собак и молодая пара, держащаяся за руки, и Симмонс не мог рисковать, что на него могут донести.

Где, черт возьми, был мистер Форестер и почему он решил отсутствовать именно сегодня вечером?

Облака, висевшие над городом весь день, надумали излиться как раз тогда, когда Джефф направился обратно в центр. Ливень был безжалостным, а видимость такой плохой, что Симмонсу даже пришлось остановиться. Дождь хлестал по ветровому стеклу и бил по фургону. Яростные капли звучали как крошечные камешки,

отскакивающие от металлических конструкций. Долгий день взял свое, и все, чего он хотел, это поехать к матери и отдохнуть. Правда, он слишком надолго оставил своего пленника одного, и это вынуждало еще раз посетить Крутой Холм.

Несмотря на то что на пути к острову Симмонс снова вымок, ему не хотелось уезжать: здесь было очень спокойно. Он проведаль пленника и провел ночь в тепле туристического центра. Симмонса не смутила долгая темная прогулка по острову, ведь его ждала награда в виде горячего душа.

Джефф спал сном праведника и проснулся от лучей яркого солнечного света, проникающих сквозь шторы маленькой комнаты, где он провел ночь. Сейчас Симмонс и правда владел всем островом. Он приготовил кофе и тосты на мини-кухне и решил вернуться к пленнику. Ноги хлюпали в грязи, когда он пересекал остров, солнце стояло высоко, и не было морского бриза, который мог бы охладить прогретый воздух.

Ночной отдых наполнил Джеффа оптимизмом, который испарился, как только он увидел пленника: казалось, за ночь тот постарел на десять лет. Вчера в темноте Джефф не заметил ни серой бледности его кожи, ни желтизны глаз. Пленника захватила болезнь, сейчас он напоминал отца Маллигана за несколько секунд до своей смерти.

– Вот немного воды, – произнес Джефф, приподнял голову мужчины и наклонил бутылку к его пересохшим губам. – Как себя чувствуешь?

Пленник выпил воды, но не ответил.

Джефф выругался и положил пленника обратно на пол. Что ему оставалось делать? По правде говоря, он был сыт по горло материком. Джефф не попрощался с матерью, он не чувствовал в этом необходимости. Она не поймет, что он делает, и прощание с ней только заставит ее волноваться и доставит неприятности.

А как же Форестеры? Когда он составлял план, тот казался таким простым. Теперь, чтобы закончить начатое, потребуется небывалое усилие, к которому он вряд ли был готов. Ему придется снова вернуться в Уэстон, еще раз осмотреть дом Форестеров и надеяться, что они там, и только потом вернуться на Крутой Холм. Каждая поездка была риском, что его поймут.

Достаточно ли он сделал?

Он наказал миссис Ллойд и неверующего священника. Мог ли он допустить, чтобы директор и его жена остались живы?

Джефф начал качать головой.

«Нет, нет, нет», – повторял Симмонс про себя. Он не мог позволить им выжить. Они были так же виноваты, как Ллойд и Маллиган. Может, не так сильно, как человек у его ног, но у них был шанс его послушать, и ничего бы тогда не случилось.

Джефф Симмонс попробовал представить отца в Чистилище. У него не хватало воображения представить себе что-то, кроме человека, вечно парящего в черных облаках, но Джефф знал: у него есть возможность это остановить. Просто, чтобы его отец был спасен от этих вечных мук, те, кто причинил ему зло, должны понести наказание.

Господь перенес пять святых ран, и они тоже пострадают.

Джефф Симмонс во второй половине дня собрал вещи и совершил три поездки по острову. Он нашел тележку в сарае в туристическом центре. Пленник не возражал, когда Джефф посадил его на это примитивное средство передвижения. Руки и ноги исхудавшего, ставшего словно невесомым пленника он надежно спрятал под отвратительным спальным мешком.

– Я приведу тебя в порядок, – сказал Джефф. – Дам немного горячей еды. У меня есть, например, тушеное мясо. Не хочешь попробовать?

Пленник не ответил. Дикий взгляд истерзанного мужчины был устремлен в небо. Он трижды падал по пути в туристический центр, когда колеса тележки увязали в грязи. Перепачканный грязью при падениях спальный мешок несчастного Джефф снял в деревянном домике.

Джефф Симмонс только сейчас понял, что ему следовало бы с самого начала использовать центр. Вначале Джефф не хотел рисковать – вдруг кто-то нанесет внезапный визит в центр, но его опасения оказались напрасными. В зимние месяцы остров был островом-призраком, и, если не считать испуга с байдарочниками, здесь не было никого, кроме Симмонса и его пленника.

Мужчина вздрогнул, едва Джефф снял спальный мешок, который изнутри был весь заляпан испражнениями. Запах от грязного тела был

просто невыносимым. Одежда пленника промокла и тоже была покрыта экскрементами. Джефф не хотел прикасаться к мужчине, но тот отказался двигаться, поэтому Джефф потащил пленника в ванную, где работал душ. Мужчина прополз под струями и сел, прижавшись спиной к кафельной стене. Постепенно к нему возвращалась жизнь: горячая вода смывала грязь с тела, и цвет возвращался на обвисшую кожу.

– Похоже на то, как Иисус моет ноги ученикам, – заметил Джефф, выключил душ и протянул мужчине полотенце.

– Ты сейчас... сравниваешь себя с нашим Господом?

Голос мужчины был хриплым. Некоторые слова пропадали, когда он пытался заговорить.

– Конечно нет.

– Хорошо, ведь в этой ситуации нет ничего святого.

– Происходящее более свято, чем ты думаешь, – произнес Джефф и подумал о своем плане.

Свежая одежда, которую дал Симмонс, была на несколько размеров больше, и похищенный им мужчина выглядел как клоун, когда, спотыкаясь, прошел в главную комнату убежища. Несмотря на возраст и слабость этого человека, Джефф все еще был с ним настороже. Пленник, конечно, не мог убежать, но явно не отказался бы от какой-нибудь формы нападения. Джефф указал на длинный деревянный стол.

– Садись.

– Что это? Последний ужин? – спросил пленник, когда Джефф выложил в его миску горячее рагу.

«*Не совсем*», – подумал Джефф, пока изголодавшийся пленник поглощал еду – прихлебывал красно-коричневую жидкость и разрывал хлеб, словно от этой трапезы зависела его жизнь. Пленник едва успевал переводить дыхание.

– Притормози, иначе тебя стошнит.

Мужчина рассмеялся, отчего кусок тушеного мяса вылетел у него изо рта и через стол перелетел к Джеффу.

– Почему мое благополучие вдруг стало твоей заботой? Ты бросил меня гнить в этой дыре, а теперь якобы стал добрым.

– Отец Маллиган мертв, – произнес Джефф, меняя тему.

– Что?

– Что слышал.

– Как это? – спросил мужчина. Его рука задрожала, когда до него дошел смысл слов Джеффа Симмонса. – Ты его убил? Зачем?

Джефф подумал было ответить на эти вопросы, но понял, что он тщетно ожидал какого-то триумфа, поэтому молчал.

– Зачем ты все это делаешь? Я могу помочь тебе, Джеффри. Тебе просто нужно рассказать, что происходит.

Замешательство Джеффа испарилось в одно мгновение.

– *Ты мне поможешь?* – спросил он, поднялся на ноги и направился к мужчине. Он схватил костлявые руки пленника и связал за спиной как раз в тот момент, когда тот тянулся за очередным куском хлеба. – Ты никогда раньше мне не помогал. Никто из вас не помогал!

– Позволь мне помочь тебе, – повторил мужчина. – Это все из-за твоего отца?

Джефф покачал головой, предупреждая мужчину, чтобы тот не продолжал. Жар бросился в тело Симмонса. Эффект напоминал чувство, которое он испытывал в церкви. Оно пронеслось сквозь него, осветило каждую жилку его тела, но сейчас это были неприятные ощущения. После инцидента – они всегда называли это «инцидентом» и отказывались говорить о произошедшем – отец Джеффа перестал ходить в церковь и почти перестал верить в Бога. Джефф продолжал посещать службы, как по своему желанию, так и из-за необходимости защитить отца. Если отец не собирался в церковь, то Джеффу нужно было пойти вместо него. Если бы отец окончательно перестал верить, то Джеффу пришлось бы верить вдвойне усерднее.

Симмонс терпеть не мог произошедшие в отце перемены, его покорность, то, как его вера поддалась разрушению, и это отчасти подпитывало его гнев. В средней школе Джефф Симмонс участвовал в бесчисленных драках. Сначала он просто оборонялся, поскольку его статус изгоя был красным флагом для хулиганов, но вскоре сам начал провоцировать драки. Симмонс убеждал себя, что пытается исправить ошибки, но на самом деле он просто стал наслаждаться ощущением податливой плоти на костяшках кулака. Джефф признавался в грехах любому священнику, которого слушал, и хотя обещал Богу, что не повторит таких действий, вскоре гнев возвращался и он начинал все сначала.

Но это было раньше. Теперь Джефф Симмонс мог контролировать себя. Он был точен и справедлив, и человек, стоявший перед ним, получит наказание, когда придет время.

– Уже слишком поздно предлагать свою помощь, – заметил Джефф, засунул мужчине в рот кляп и увел в комнату.

Глава двадцать пятая

В субботу утром мистер Торнтон пристально посмотрел на Луизу, когда та выходила из дома. Он перебирал мусор, словно собирал мозаику – ломал картонные коробки и укладывал их в маленький черный контейнер.

– Хорошее утро, – произнесла Луиза, стоя у машины.

– Да-да, – подтвердил Торнтон и закрыл входную дверь.

– Очаровательное, – добавила Луиза.

В машине Блэкуэлл подождала, пока теплый воздух от обогревателя разморозит ветровое стекло. Прошлой ночью она спала всего пять часов, поскольку просидела в офисе до одиннадцати вечера. Пожилой директор школы Святой Бернадетты, Натан Форестер, наконец перезвонил ей и согласился встретиться сегодня днем. Это был единственный положительный момент, который она извлекла из вчерашнего дня. Встреча с помощником главного констебля и его помощником Роузом стала для Луизы Блэкуэлл катастрофой, и теперь у нее наступал крайний срок. Мысль проиграть дело МГТ совершенно невыносима. Луиза уже могла представить самодовольное выражение лица Финча, когда ему передадут ее дело. Несомненно, Морли хотел увидеть, как она терпит неудачу. Луиза знала: у начальника были проблемы с ней после дела Уолтона, но степень враждебности Морли просто сбивала с толку.

Дом Форестеров – симпатичный двухквартирный дом на холмах Уорлбери. Подыскивая жилье, Луиза осмотрела несколько объектов недвижимости в этом районе и лишь потом остановилась на коттедже. Хотя район находился всего в паре километров от автомагистрали, в то время он казался слишком отдаленным. Дверь открыла стройная женщина с копной серебристо-светлых волос.

– Джанет Форестер, – произнесла женщина, после того как Луиза представилась.

Улыбка вызвала паутину морщин на сильно накрашенном лице Джанет. Луизу провели в заднюю часть дома, где полки были заполнены фотографиями в рамках.

– Ваши сыновья? – поинтересовалась Луиза и указала на фотографии двух улыбающихся мальчиков, одетых в темно-синюю школьную форму.

– Да, хотя сейчас они намного старше.

– А чем занимаются ваши дети?

– Артур – врач, Монти – инженер.

Женщина смотрела на следователя с гордостью и самодовольством.

– Натан, инспектор Блэкуэлл хочет тебя видеть.

Полный мужчина в толстовке поднялся с кухонного стула. Луиза успела заметить, что его шорты были натянуты высоко над талией и плотно облегли живот.

– Натан Форестер, – произнес он и посмотрел с явным подозрением. – Пожалуйста, присаживайтесь. Налить вам чаю?

Луиза приняла предложение выпить чаю и пригласила миссис Форестер присоединиться к ним. Луиза хотела создать легкую атмосферу, она нуждалась в том, чтобы Форестеры были сейчас на ее стороне.

– Если не возражаете, я спрошу, откуда ваш акцент? Я не могу понять.

– Обычно никто его не замечает, – ответил Натан. – Наверное, поэтому вы и следователь. Мы оба родом из Южной Африки. Я здесь с начала восьмидесятых.

– Тогда вы и заняли место в Святой Бернадетте?

– Верно. Вы об этом хотели с нами поговорить? – спросила Джанет.

Миссис Форестер улыбалась, но Луиза уже заметила особенность ее улыбки. Блэкуэлл заглянула в ее глаза и снова отметила, что взгляд Джанет Форестер был лишен тепла.

– Я уже сообщила по телефону, что расследую смерть Вероники Ллойд и отца Маллигана. Я полагаю, вы знали их обоих.

– Трагический исход. Совершенно трагический, – произнес Натан и покачал головой. – Это коснулось нашей общины. Да, мы знали и Веронику, и отца Маллигана.

– В каком качестве вы их знали?

– Вероника была одной из моих учительниц. Она работала там, когда я стал директором, и ушла на пенсию за год до нашего...

– До нашего ухода на пенсию, – добавила Джанет, словно раздраженная тем, что про нее забыли.

– А отец Маллиган? – спросила Луиза.

– В то время он был главным приходским священником. Замечательный человек. Я... мы виделись с ним ежедневно. Он часто приходил в школу и устраивал очень интересные собрания. Настоящий талант – уметь удерживать внимание детей четырех-одиннадцати лет. Видите ли, он пользовался уважением. Дети души в нем не чаяли.

– А Вероника?

Луиза заметила, как супружеская пара обменялась взглядами.

– Она была замечательной учительницей. Можно сказать, довольно старомодной.

– Старомодной?

– Вероника иногда вела себя чрезмерно дисциплинированно. Строго. Но ее очень уважали. Бывшие ученики все время приходили в школу, чтобы повидаться со своей учительницей.

– Были ли когда-нибудь проблемы, которые вы можете вспомнить? Возможно, недовольные ученики или родители?

Натан покачал головой. Его взгляд снова метнулся к жене, а затем опять остановился на Луизе.

– Ничего конкретного, насколько я могу припомнить. С родителями всегда возникают проблемы, как вы понимаете. Некоторые склонны слишком сильно вмешиваться, некоторые вообще не вникают в процесс. Частью моей работы было управлять ожиданиями родителей, которые, особенно в последние годы, часто были нереалистичными.

– Что вы имеете в виду?

– Каждый ребенок важен, это очевидно, но в классе часто бывает до тридцати двух человек, и не каждый ребенок может получить индивидуальное внимание, которого добиваются родители. Когда я только возглавил школу Святой Бернадетты, у нас вообще не было помощников преподавателей, а если бы мы могли позволить себе их нанять, то только на неполный рабочий день, и им пришлось бы работать время от времени, так что учителя отвечали каждый исключительно за свой класс.

– А учителя думают, что им сейчас нелегко, – добавила Джанет.

– Значит, некоторые родители обижались на Веронику за то, что она не уделяла их детям достаточно внимания?

– Мы время от времени встречались с родителями, но, как я уже сказал, такое происходило в основном в последние годы. Я думаю, люди ощущают себя сейчас более правомочными. Это тревожно.

Луиза не была уверена, что родителя, желающего лучшего будущего для своего ребенка, можно назвать «правомочным», но она не стала заострять на этом внимание.

– Эти встречи в основном были связаны с Вероникой Ллойд?

– Нет, нет. Обычное дело. На самом деле я не помню большого числа родительских собраний, посвященных работе Вероники.

– Наверное, они слишком боялись, – задумчиво произнесла Джанет и тут же получила немой упрек от мужа.

– Боялись? – переспросила следователь. – Чего же?

Джанет нахмурилась, словно оправдываясь, что сказала то, чего не должна.

– Как отметил мой муж, Вероника могла быть довольно суровой женщиной.

– А как они ладили с отцом Маллиганом?

Натан пожал плечами.

– Это все происходило некоторое время назад, как вы понимаете. Насколько мне известно, у них были нормальные рабочие отношения. Вероника всегда отличалась крайней набожностью и посещала мессу по крайней мере раз в неделю.

– Значит, между этой парой не было вражды?

– Нет, конечно нет.

Луиза вздохнула и почувствовала, что разговор зашел в тупик.

– Я полагаю, когда вы были директором школы, в церкви был пожар, мистер Форестер?

Пара снова обменялась взглядами, и Луиза не могла определить, было ли это просто проявлением отношений мужа и жены или они что-то скрывали от нее.

– Да, там был пожар. Ужасная трагедия, – отметил Натан.

– А какое это имеет отношение к вашему расследованию? – спросила Джанет и кинула сердитый взгляд на Луизу.

– К сожалению, пожар больше не единственная трагедия в церкви Святой Бернадетты. Вероника Ллойд и отец Маллиган...

– Да, но я не понимаю, как... – не дав договорить, начала возмущаться миссис Форестер.

– Все в порядке, – отрезал Натан, прервав жену, и положил руку ей на колено. – Я понимаю, почему вы задаете этот вопрос, но между этими тремя трагическими событиями нет никакой связи. Пожар произошел случайно. Ужасный, трагический несчастный случай.

Луиза подумала о катализаторе, упомянутом редактором газеты Гарретом.

– Вы прямо-таки уверены, что это был несчастный случай?

– Какой странный вопрос, – заметила Джанет. – Пожар случился более тридцати пяти лет назад. Конечно, это был несчастный случай! Почему вы задаете эти вопросы?

– Я понимаю, это произошло давно, но вы должны видеть потенциальную связь. Вероника Ллойд работала учительницей в вашей школе, а отец Маллиган был приходским священником, и вот они, тридцать пять или около того лет спустя, убиты.

Джанет откинулась на спинку стула, покачала головой и посмотрела на мужа в поисках поддержки.

– Это был несчастный случай, – сказал Натан без особой уверенности.

– В то время пожар не казался подозрительным, – продолжала Луиза. – Вы можете вспомнить кого-нибудь, кто хотел бы поджечь церковь?

– Зачем кому-то могло понадобиться сжигать церковь? – ответил вопросом на вопрос Натан Форестер.

Луиза могла придумать много причин, но не стала настаивать. Атмосфера в комнате становилась напряженной, и в данный момент она не собиралась больше ничего узнавать от четы Форестеров. Она поблагодарила обоих и поднялась. Следователь снова задаст им вопросы и даст время обдумать последствия ответов.

Натан проводил Луизу Блэкуэлл до двери, а его жена осталась на диване.

– Спасибо, я буду на связи, – сказала Луиза и протянула ему визитку. – Пожалуйста, позвоните мне, если вспомните что-нибудь, что могло бы помочь делу.

– Да, конечно.

– И последний вопрос. Вы упомянули, что отец Маллиган был главным приходским священником.

– Да, – кивнул Натан, его глаза сузились.

– Значит, в то время у вас было несколько приходских священников?

– Верно. Тогда приход Святой Бернадетты был намного больше. Все изменилось после пожара.

– А как звали другого священника?

Следователь заметила, что Натан выдержал паузу и только потом ответил.

– Человек по имени Ричард Ланеган. Отец Ланеган был очень популярным священником, его все любили.

Информация вновь казалась неполной. Луиза Блэкуэлл была убеждена: Форестеры что-то недоговаривают. Может, они всего лишь не хотят публичности, но следователь была полна решимости выяснить, что именно они скрывали от нее. Луиза часто обнаруживала, что люди становятся более разговорчивыми, как только у них появляется возможность выпасться и успокоиться. Луиза не сводила глаз с Натана, когда тот отвернулся от нее.

– Отец Ланеган все еще здесь живет?

– Нет. Он оставил священнический сан в конце восьмидесятых. По-моему, он удалился на покой куда-то к морю.

Глава двадцать шестая

Эйлин не могла вспомнить, когда ей уделяли столько внимания. Во время первого визита в участок ее сразу же отослали назад. Сердитый на вид офицер за столом записал данные Эйлин, однако можно сказать, что сотрудник просто выполнял формальности. Поэтому-то пожилая женщина удивилась, когда молодой и симпатичный офицер позвонил сегодня утром в дверь и пригласил ее вновь посетить участок. До звонка в планы Эйлин на день входила легкая домашняя работа и послеобеденный отдых перед телевизором. Много лет назад сын подарил ей на Рождество какое-то приспособление для телевизора. Предположительно, через него можно было смотреть сотни дополнительных каналов, но она не могла понять, как эта штука работает, и довольствовалась четырьмя обычными каналами.

Прогулка в город стала чудесным событием. Был прекрасный день поздней осени. Солнце светило с ясного голубого неба, отражавшегося в море. В такие дни, как этот, Эйлин не могла представить, как кто-то может жить вдали от побережья. Она жалела местных жителей, по собственной воле попавших в ловушку границ, созданных ими самими. В настоящее время множество молодых людей, соблазненных большими городами, отчаянно хотели покинуть ее район. Эйлин увидела подтверждение своим словам даже в глазах молодого офицера, который в тот самый момент ставил перед ней чашку чая: в мужчине присутствовало беспокойство, словно он хотел быть где угодно, только не здесь. В отличие от него, у женщины, одетой в джинсы и толстый пуловер, которая представилась как сержант Джослин Меррик, был слабый корнуолльский акцент и лицо, годами испытывавшее влияние моря и солнца.

– Спасибо, что пришли, миссис Босуэлл. Могу я называть вас Эйлин? – спросила Джослин.

Эйлин кивком поблагодарила ее за вежливость.

– Можете, – подтвердила она.

– Большое вам спасибо, что пришли навестить нас сегодня, в выходные.

Эйлин заметила, как женщина посмотрела на молодого полицейского – будто с упреком.

– Прогулка была для меня удовольствием. Какой чудесный день!

– И правда замечательный. Приятно отдохнуть от недавней погоды.

– Так оно и есть. Чем могу вам помочь, сержант?

Женщина-полицейский улыбнулась, и Эйлин увидела: ей приятно, что больше не нужно тратить время на пустую болтовню.

– Прежде всего хотела бы поблагодарить вас, что сообщили нам о мистере Ланегане. Вчера мы ходили к нему домой и заметили сломанную задвижку на двери. Мы просмотрели адресную книгу мистера Ланегана, но в данный момент у нас возникли проблемы с определением его местонахождения. Я знаю, мы уже спрашивали вас, но все-таки интересно, есть ли у вас номер мобильного телефона мистера Ланегана?

– Нет. Я не пользуюсь всеми этими современными технологиями, у меня подключен стационарный телефон. Хотя мне по нему никто никогда не звонит...

Усталость промелькнула в глазах женщины-полицейского в момент ответа Эйлин, и она пожалела, что не может больше ничем помочь.

– Как долго вы работаете у мистера Ланегана?

– Уже больше двадцати лет. Он мой последний оставшийся в живых клиент.

– Очень долго. Как вы с ним познакомились?

Эйлин уже собиралась ответить, но вдруг что-то удержало ее. Воспоминание, о котором она забыла. Внезапно она почувствовала какую-то стесненность, будто оказалась запертой в глухой комнате.

– Можно мне немного воды? – попросила она.

– Конечно. Джеймс? – обратилась Меррик к констеблю. – Все нормально, Эйлин? Вы же знаете, мы просто пытаемся найти мистера Ланегана.

Полицейский-мужчина протянул ей бумажный стаканчик. Вода была теплой, Эйлин почувствовала, как капли стекают по подбородку, – рука, держащая чашку, слегка дрожала. Сотрудники смотрели на нее, пожилую женщину, с жалостью, словно старость действительно была чем-то таким, чего она должна была стыдиться.

Что ж, теперь Эйлин ощущала свой возраст, но гордилась им, а не стыдилась, и не одобряла сочувствия.

С другой стороны, почему она забыла, как познакомилась с мистером Ланеганом и почему ей не хотелось рассказывать им об этом сейчас? Эйлин была убеждена, что в этом не было ничего постыдного. Но вот теперь она вспомнила, что мистер Ланеган поделился с ней *секретом*, и не хотела предавать его доверие. Воспоминания нахлынули, каждое затуманенное, как сон, и Эйлин очень сомневалась, что может доверять возникшим в голове образам. Однако ей нужно было помочь полицейским найти мистера Ланегана, поэтому она решилась рассказать им все, что могла.

– Я встретила его в церкви. Я не верующая, как вы понимаете. Это был летний праздник в Хейле. Летом я обычно садилась на прибрежный поезд полюбоваться пейзажем, а в церкви у вокзала проходил праздник, поэтому я прогуливалась по ларькам и увидела там мистера Ланегана. Он был таким красивым мужчиной. И до сих пор, – заметила женщина с улыбкой. – Мы разговорились, и мистер Ланеган сообщил мне, что только что переехал в этот район, и, когда я рассказала ему, чем занимаюсь, он сразу решил нанять меня помощницей.

Пожилая женщина говорила с лирической интонацией. Ее корнуолльский акцент был настолько сильным, что даже Джослин временами с трудом разбирала его. Эйлин явно была влюблена в мистера Ланегана с того самого дня, как встретила его на церковном празднике. Пожилая женщина отличалась хрупкостью, но в ее глазах присутствовала сила, с которой Джослин редко сталкивалась. Джослин была уверена: женщина хотела поделиться чем-то важным, но по какой-то причине сдерживалась.

– Джеймс, пожалуйста, не мог бы ты приготовить миссис Босуэлл чашку чая? А мне – кофе.

Джеймс ошеломленно посмотрел на Джослин, и на одно мгновение ей показалось, что он собирается отказаться, но сержант прищурилась, и молодой констебль тут же встал.

– Он тоже симпатичный, – отметила Эйлин, как только Джеймс вышел из кабинета для допросов.

– Я не могу это комментировать, – произнесла Джослин с заговорщицкой улыбкой. – Эйлин, не хотели бы вы чем-нибудь

поделиться со мной до возвращения констебля Льюиса?

Серьезные сомнения проявились на лице пожилой женщины.

– Полагаю, я уже все сказала. Мистер Ланеган открыл мне секрет, и, к своей глупости, я вспомнила об этом только сейчас, когда вы спросили меня о том, как я с ним познакомилась.

Мать Джослин страдала деменцией. Болезнь медленно разъедала ее, женщина больше не узнавала Джослин или кого-либо из ее семьи, и было почти облегчением, когда она умерла. Джослин понимала причуды памяти лучше, чем ей хотелось бы, поэтому она без вопросов приняла слова Эйлин, которой было за восемьдесят.

– Вы можете быть со мной откровенной, Эйлин. Мы здесь, чтобы помочь найти мистера Ланегана, и только.

– Думаю, это никому не навредит. Все произошло еще в первый день моей работы. В чудесный летний день мистер Ланеган открыл для меня вина, чтобы немного выпить после того, как я закончила уборку. Мне даже показалось, что это была не первая его бутылка за день. Тогда у него был особенный характер. Конечно, он и сейчас любит выпить, но тогда в нем присутствовала какая-то дополнительная искра. – Эйлин отвела взгляд, а на ее щеках появился румянец. – Слушайте дальше... Мы пили, и я спросила мистера Ланегана о его прошлом. Вдруг веселый огонек в его глазах исчез, и я должна сказать, мне не понравился взгляд мистера Ланегана.

– А потом? – спросила Джослин.

Эйлин нахмурилась, и ее почтенный возраст проявился в мозаике морщин на лице.

– Потом он рассказал мне, от чего бежал.

Глава двадцать седьмая

Небо начало уже светлеть, когда Джефф встал с постели. Старый будильник подвел Симмонса. Он поспешно оделся, покормил пленника, буквально запихивая хлеб в его горло, и кинулся к лодке.

Воздух был неподвижным, и, несмотря на сильный прилив, мужчина без особых проблем оттолкнулся от воды. В такой темноте шансы, что его обнаружат, минимальны, и, когда Джефф Симоне наконец приблизился к заброшенной пристани старого пирса на материке, его судно было единственным в поле зрения.

Симмонс с трудом выбрался на сушу, но умудрился остаться сухим, пока затаскивал лодку в укромное место. Когда Джефф пробирался вдоль пирса, последние остатки ночи все еще укрывали его.

Симмонс вернулся в фургон и глубоко вздохнул, будто задерживал дыхание с тех пор, как покинул Крутой Холм. Он мог поспать на полчаса дольше, но тогда не получилось бы вернуться в тот же день. Это могло все испортить. Симмонс в последний раз возвращается в Уэстон. Хотя похищенный был закован в цепи и с кляпом во рту, он все-таки теперь находился в теплом месте, был вымыт и накормлен. Его можно было оставить на день или два.

Джефф Симмонс закончит начатое, а затем в последний раз вернется на остров.

Мать уже встала, когда он вернулся в дом. Она готовила завтрак. Поверх халата на ней был повязан полосатый фартук.

– Привет, дорогой, – произнесла мать заискивающим тоном, каким всегда говорила с Джеффом. Она, видимо, хотела спросить сына, где он был, но знала – лучше не спрашивать. – Я думала, ты спишь. Хочешь позавтракать? Я оставила тебе немного.

У Джеффа заурчало в животе.

– Хорошо, спасибо, – произнес он, сел и налил апельсиновый сок в пластиковый стаканчик. Мать так обрадовалась его ответу, что Джефф Симмонс едва не простил ее.

– Вот, держи, дорогой, – сказала она и поставила перед ним тарелку, до краев наполненную беконом, сосисками и яйцами. – А вот и тосты, – добавила женщина, пододвигая к нему хлеб. – Я почти не видела тебя в последние несколько недель, – сказала мать и села напротив него.

– Ага, – проворчал Джефф и сунул еду в рот. Жирное жареное мясо он запивал большим количеством апельсинового сока.

– Как дела на работе?

Джефф вытер рот тыльной стороной ладони и ответил:

– Прекрасно.

Мама улыбнулась, и на секунду перед Джеффом промелькнула картинка из детства – как он сидел в этой комнате с обоими родителями. Джефф не мог выразить тогда свои ощущения и пытался сейчас, но он вдруг вспомнил, как было приятно видеть счастье на лицах родителей, когда они говорили о взрослых вещах, а он макал тост в вареное всмятку яйцо.

Нет, это было нечто большее.

Он чувствовал себя в безопасности.

Джефф Симмонс догадывался, что именно поэтому последовавшие события – он не мог сказать, прошли ли недели, месяцы или даже пара лет после того вызванного в памяти воспоминания, – оказали на него такое влияние.

Мать взглянула на руку сына в перчатке, и он убрал ее с кухонного стола, когда женщина подошла, чтобы коснуться ее.

– Я люблю тебя, Джеффри, – произнесла она. На ее глазах выступили слезы.

Симмонс почувствовал, как у него самого влажнеют глаза. Она часто говорила ему эти слова с того самого дня, много лет назад, но Джефф никогда не повторял их в ответ. В принципе, он мог сказать маме то же самое. В то время ему было девять лет. Джефф, крупный для своего возраста, все еще оставался маленьким мальчиком и нуждался в матери, но упрямство помогло ему пережить то трудное время. Спустя годы после этого инцидента отец простил жену и, хотя

испытывал благодарность к сыну за преданность, велел Джеффу быть добрее к матери.

Но Джефф не мог простить ее за произошедшее, а теперь было слишком поздно: он не мог выдавить из себя эти простые слова, он будто разучился их произносить.

Симмонс закрыл глаза, когда ее рука потянулась к его руке. Мать начала всхлипывать. Джефф подумал о совершенном – о двух людях, которых убил, о человеке, которого он похитил, – и его решимость на мгновение угасла. Джефф Симмонс превратился в ребенка и позволил матери утешить себя.

– Я люблю тебя, сынок, – повторила она.

Джефф кивнул, вырвался и побежал наверх в свою комнату, не дав матери шанс удержать его от задуманного.

Час спустя мужчина забрал сумку с инструментами и вышел из дома. Миссис Форестер работала по утрам волонтером в благотворительном магазине, но по выходным они с мужем передвигались по произвольному маршруту. Бульвар был забит людьми, так что Симмонсу пришлось припарковаться в Гроув-парке. Если не брать во внимание холод, это напоминало летний день. Идеальное голубое небо было безоблачно. Он прошел мимо театра, где однажды на Рождество смотрел с родителями пантомиму, мимо блошиного рынка, где дедушка когда-то имел свой прилавок. Джеффу иногда разрешали помогать дедушке по выходным, и он чувствовал себя миллионером, вернувшись с зарплатой в два фунта. Мальчик обычно шел домой по хай-стрит и останавливался в компьютерных магазинах, чтобы прикинуть, сколько денег нужно будет скопить для приобретения собственного персонального компьютера. Джефф улыбнулся, вспомнив, как родители подарили ему Commodore VIC-20 на девятый день рождения.

Неужели он действительно был таким взрослым?

Значит, это случилось следующим летом.

«Забавно, как летит время», – подумал Симмонс и свернул на бульвар по направлению к магазину, где помогала миссис Форестер.

Он наблюдал за магазином, стоя через дорогу, пока не увидел внутри ее силуэт. Довольный, что женщина была на месте, Симмонс продолжил идти по бульвару, пока не добрался до библиотеки, где провел большую часть детства. После инцидента Джефф, отваживаясь на долгую самостоятельную прогулку по Уинтерсток-роуд, проводил здесь почти каждый день, чтобы избежать последствий ссоры родителей. Джефф не мог сосчитать, сколько книг он проглотил за этот период, и, когда вошел в теперь автоматические двери, запах старых книг вернул Симмонса в то время. Сейчас здесь было мало книг из его детства, но это не имело значения, внутри почти ничего не изменилось. Джефф Симмонс поднялся наверх в справочную комнату, нашел свободное место и закрыл глаза.

Что бы он сказал себе девятилетнему, если бы столкнулся с этим мальчиком?

Попросил бы отпустить плохие чувства или принять боль и заставить виновных заплатить? Джефф Симмонс не знал, но возвращаться было слишком поздно. Симмонса сморил сон, и некий внутренний голос уверил, что это нервы последних минут и в конце концов все устроится.

Он коротко вздохнул и почувствовал, как чья-то рука коснулась его плеча. Высокий мужчина в безукоризненно выглаженных брюках хмурился и смотрел на него сверху вниз.

– Простите, сэр, вы храпели, – сделал он замечание.

Джефф встряхнулся, проснулся и извинился.

– Вы не первый и не последний, – отметил библиотекарь и ушел.

Джеффу потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл его слов.

В конце концов в подростковом возрасте Джеффу удалось обуздать гнев. Он открыл для себя в школе работу по дереву и направил энергию на творчество. У него было врожденное чувство материала, он обнаружил, что может придавать ему форму почти по своей задумке. Мать сказала, что он мог бы добиться успеха, если бы не придерживался одного и того же дизайна. Джеффу было все равно.

Он любил свои творения. Каждый предмет, как бы ни опасалась его мать, был особенным. Да, различия незначительные, но Джефф мог учесть в дизайне каждое из них. В какой-то момент он даже доказал, что его мать была неправа, продав некоторые изделия, но потом решил, что остальные должны остаться при нем.

Теперь Джефф Симмонс понял, что работа по дереву – своего рода терапия. Это помогло ему отвлечься от инцидента и от своей реакции на него. Джефф ненавидел то, что случилось с отцом, то, как его жизнь безвозвратно изменилась, но сочетание ремесла и почти ежедневных посещений церкви занимало его мысли.

А потом умер его отец.

Симмонс заставил себя пообедать – взял рыбу с жареной картошкой. Он не знал, что повлечет за собой ночь, и не хотел на голодный желудок ждать, когда представится возможность сделать задуманное. В этом небольшом ресторанчике Джефф был почти в одиночестве. Только шарканье официантки взад и вперед по кухне означало, что здесь есть кто-то еще. Грусть охватила Джеффа Симмонса, едва он вышел из библиотеки, и он никак не мог избавиться от навалившейся тоски. Джефф понимал почему: он прощался с городом, а именно с единственным домом, который он когда-либо знал.

Он расплатился, оставил официантке большие чаевые и покинул заведение. Джефф с изумлением увидел, что Джанет Форестер выходит из благотворительного магазина – за тридцать минут до окончания смены. Джанет остановила на Симмонсе взгляд, словно он как-то проявил это удивление, и несколько мгновений они смотрели друг на друга через дорогу, затем миссис Форестер повернула к автобусной остановке.

«Не о чем беспокоиться», – подумал Джефф и быстро вернулся к фургону. Он забрал штраф за парковку с ветрового стекла – слишком отвлекся и забыл купить талон – и выехал с парковки.

Миссис Форестер не было на автобусной остановке, поэтому Симмонс продолжил ехать в сторону Уорлбери, как делал много раз до

этого. За последние несколько недель выпадали моменты, когда он мог покончить с директором и его женой, но он колебался. Если он теперь проявит нерешительность, это все испортит.

Джефф Симмонс догнал автобус в Милтоне и мельком увидел церковь Пресвятой Богородицы рядом с парком Бейтри, где он когда-то, в течение одного неудачного сезона, играл в футбол за местную мужскую команду. У Джеффа зачесалась рука, когда он стоял в пробке. Не было никакой реальной причины преследовать миссис Джанет Форестер, ведь он знал ее конечный пункт назначения, но Симмонс не хотел ничего оставлять на волю случая. Его инструменты были наготове в задней части фургона, и, если представится возможность, он начнет действовать сегодня. Если придется ждать еще один день, то так тому и быть. Он знал, что Форстеры каждое воскресенье ходили в церковь в маленькую часовню в Уорлбери, обедали в пабе «Старый Пирс» и были дома с трех часов дня.

Джефф Симмонс обогнал автобус и припарковался в таком месте, откуда мог видеть, как миссис Форестер приближается к дому. Похоже, за эти годы она не сильно внешне изменилась. У Джанет была та же фигура, которую можно было сохранить только хроническим недоеданием. Со спины она выглядела намного моложе, чем на самом деле. Джефф убедился в этом, когда увидел ее постаревшее лицо, изможденные черты и обвисшую кожу.

Ее толстый муж открыл дверь и едва обратил внимание на Джанет, когда та вошла в дом. В школе ходили слухи об этой паре. Поговаривали, у Джанет роман со сторожем и будто директор не против. В то время Джефф не понимал, что имели в виду другие дети. Это были просто детские сплетни, но однажды Симмонс видел эту женщину наедине со сторожем в кабинете и, оглядываясь назад, подумал, что их поведение было странным, словно они чего-то боялись.

Может, именно поэтому она не поверила Джеффу и поэтому ее муж сказал Джеффу Симмонсу, что он рассказывает небылицы. Они были слишком поглощены собственными обманами, чтобы беспокоиться об обмане, разрывавшем семью Джеффа на части.

Эта мысль расставила все по своим местам, и Джефф обрадовался приливу гнева и сосредоточенности. Поначалу он даже не обратил внимания на машину, въезжавшую задним ходом на площадку

напротив дома. Симмонс покинул фургон, готовый закончить этот этап, но его внимание переключилось на женщину, вышедшую из машины и двигающуюся по дорожке к дому Форестера.

Джефф задрожал. Он видел эту женщину раньше, на пляже, после того, как убил Веронику Ллойд. Симмонс не знал ее имени, но помнил, что она руководила полицейским расследованием, которое разыскивало его.

Глава двадцать восьмая

Луиза вернулась после разговора с Форестерами и увидела, что в офисе было много народа – это развеяло ее опасения по поводу работы в выходные. Она решила не предавать огласке факт, что департамент рискует потерять контроль над расследованием перед МПТ, если к понедельнику они не назовут помощнику главного констебля Морли заслуживающего доверия подозреваемого. Объединенные расследованием люди и так прикладывают все силы, а эта чрезмерная ответственность способна привести только к ошибкам.

Трейси снова выглядела усталой, и Блэкуэлл подумала, уж не выпивала ли она с коллегами из отдела.

– Давай попозже я занесу тебе кофе. Мне нужен твой совет, – произнесла Трейси и остановилась у своего стола.

Луиза кивнула, поскольку не хотела оказаться вовлеченной в разговор не по работе. Она поискала упоминания об отце Ланегане в Интернете, но смогла найти только табличку с перечнем всех приходских священников за последние пятьдесят лет, сфотографированную в церкви Святой Бернадетты.

Мистер Форестер сказал, что Ланеган ушел на пенсию и отказался от священнического сана. В то время она не обратила на это его замечание особого внимания, но теперь, после изучения вопроса, у Луизы возник к нему интерес. Священники действительно уходили на пенсию, но часто фактически оставались священниками. Некоторые из них иногда выполняли работу в качестве подмены, настолько во всем мире не хватало духовенства. Если Форестеры говорили правду и Ланеган оставил священнический сан, то Луизе нужно было знать почему, и она решила позвонить монсеньору Эшли. Она достала визитку, которую дал ей харизматичный священник, и позвонила по его личному номеру.

– Инспектор Блэкуэлл, мне очень приятно. Чем могу быть вам полезен?

Луиза улыбнулась, услышав теплоту в глубоком голосе священника.

– Понимаю, сегодня выходной, но я надеюсь, что мы можем встретиться. У меня есть несколько вопросов, ответив на которые, вы, вероятно, сможете мне помочь.

– Конечно. Я случайно оказался в вашем районе. Я бы не хотел встречаться в полицейском участке, поэтому если вам все равно, то меня можно убедить разделить с вами ранний ужин.

Луиза согласилась встретиться с ним через час в маленьком ресторанчике морепродуктов возле Марин-Парад. Перед отъездом она пригласила Трейси, увлеченную разговором с Фарреллом, в расположенную через дорогу от участка «Калимеру».

Заведение было пустым, поэтому они сели у окна.

– Спасибо, – поблагодарила Трейси, когда Луиза протянула ей большую чашку горячего шоколада.

– Еще один тяжелый день?

– Можно и так сказать, – ответила Трейси, потягивая напиток. К ее верхней губе прилипла полоска крема.

– Ты хорошо устроилась. Может, тебе вообще стоит к нам присоединиться, – предложила Луиза с улыбкой.

– Звучит чересчур хорошо, – сказала Трейси, опустив глаза.

– То есть?

Трейси выглядела смущенной, она сделала еще один глоток горячего шоколада.

– Наверное, я сделала кое-что неправильное.

Луиза прикрыла веки и на мгновение погрузилась в себя.

– Я могу об этом услышать? – спросила Луиза.

– Возможно, и не стоит. Хотя, думаю, тебе все же следует знать.

– Мне нужно знать это сейчас.

– Думаю, да. Впрочем, говорю тебе как подруге, а не как боссу.

– Трейси, не тяни!

– Господи, Лу, ты меня убьешь. – Трейси выглядела искренне огорченной и даже немного испуганной.

– О, да ладно, все не может быть так плохо...

– Ладно. Вот так: вчера вечером мы снова пошли выпивать. Когда я говорю «мы», я имею в виду только себя и еще одного человека.

Луизу осенило.

– Ясно.

– Одно за другое, и в итоге я осталась с ним на ночь.

Луиза закатила глаза.

– И кто это был?

Трейси втянула щеки и прикрыла рот рукой.

– Томас, – выдохнула она и взглянула на Луизу, словно ища поддержки.

В голове у Луизы зашумело. Ей нравился Томас, она почти могла признаться себе, что испытывает к нему какие-то чувства, но это не объясняло ее внутреннюю реакцию. Ее гнев был осязаем. Трейси не знала, что она чувствовала к Томасу, и уж точно не имела над ним никакой власти, но Луиза ощущала, как внутри нее поднимается жар.

– Ты знаешь, что он женат? – воскликнула она и тут же пожалела, что использовала брак Томаса как средство скрыть ревность.

– Знаю. Они переживают сейчас трудности. Последние несколько ночей Томас жил в отеле. Послушай, Лу, я знаю, что переступила черту. Я поговорила с Томасом, и с этого момента мы будем вести себя как коллеги. Мы просто слишком много выпили, и оба нуждались в утешении.

– Почему ты-то в этом нуждалась, Трейси? – спросила Луиза достаточно резким тоном.

Трейси явно потряс этот вопрос.

– Да что ты, Лу! Первые пару дней в новом отделе, в новом городе. Я думала, ты поймешь.

Луиза подумала о своей единственной ночи с Демпси, когда она только приехала, и о том, что даже сейчас приморский город еще не казался ей домом. Она злилась на Трейси, потому что это был Томас, хотя ее агрессия была нечестной по отношению к подруге.

– Прости, Трейси, это было несправедливо. А как насчет твоего молодого человека в Бристолле?

– Да, я чувствую себя немного виноватой. Я собираюсь увидеться с ним сегодня вечером.

– Ты собираешься рассказать ему?

Трейси вздохнула.

– Наверное, нет, – чуть помедлив, произнесла она.

Луиза вернулась вместе с Трейси и остановилась у входа в участок.

– Пусть это останется между нами, – попросила она.

– Спасибо, Луиза.

– А Томас? Как думаешь, мне поговорить с ним, чтобы убедиться, что с ним все нормально?

– В действительности он не очень много рассказывал о своей семейной ситуации, но вчера вечером был откровеннее. Он кажется хорошим парнем. Я чувствую, что, возможно, немного подстроила ситуацию. Сегодня утром Томас был несколько подавлен.

Луиза кивнула. Это странно, но ей нужен был кто-то, кто присматривал бы за Томасом, а Трейси все еще была единственным человеком в участке, которому она могла доверять.

– Дай мне знать, если у вас возникнут какие-либо проблемы.

– Конечно.

– Трейси, настоятельно советую: больше никаких вечеров с сотрудниками участка.

– Поняла, босс.

Монсеньор сидел снаружи в пивном саду ресторана, выходящего окнами на набережную. Небо потемнело, и огненный кончик тонкой сигары, которую он подносил к губам, напоминал светлячка.

– Инспектор, позвольте, – произнес он и поднялся на ноги.

– Вам не холодно? – спросила Луиза и пожала руку священнику. Его ладонь была гладкой и теплой на ощупь.

– Мне нравится такая погода. Бодрящая. Вы голодны, инспектор?

Блэкуэлл кивнула.

– Вы можете называть меня Луизой.

– Знаю. Мне просто нравится говорить «инспектор» – звучит впечатляюще.

Луиза подождала, пока монсеньор докурит сигару. Был прилив, и вода освещалась линией уличных фонарей. Она любила море, но никогда не испытывала соблазна искупаться в Уэстоне. Причиной был непроницаемый болотно-коричневый цвет морского дна, окрашивающий воду. Уэстон страдал от этого недостатка. Луиза задавалась вопросом, как сложилась бы судьба города, если бы морское дно покрывал золотистый песок, а вода была ярко-голубой, как у соседей дальше по побережью в сторону Девона и Корнуолла?

– Ваш звонок стал для меня приятным сюрпризом, инспектор, – заметил Эшли, едва они сели в ресторане. В углу зала догорал камин, поэтому запаха дыма в помещении уже не было.

– Вы говорите, что оказались поблизости?

– Дела прихода в южном Бристоле закончились. Боюсь, ничего особенно интересного.

– Спасибо, что пришли так быстро.

– *Салют*, – сказал монсеньор и поднял бокал с красным вином.

– Ваше здоровье.

Эшли был очаровательным собеседником и прекрасным слушателем. Не успела Луиза опомниться, как рассказала ему все о семье и однодневных поездках в Уэстон в детстве. Блэкуэлл открылась ему за несколько минут больше, чем некоторым друзьям. В середине ужина Луиза спросила монсеньора Эшли об отце Ланегане.

– Мистер Ланеган и есть мистер Ланеган, – заметил Эшли и заказал второй бокал вина. – Все в порядке. Я пользуюсь общественным транспортом, – добавил он, заметив недоуменный взгляд Луизы.

– Да, я хотела спросить. Разве это не странно?

– Что Ланеган больше не священник?

– Да.

– И да, и нет. К сожалению, мы теряем многих священников, причем по разным причинам.

– Например?

Эшли вздохнул. В его глазах появилась печаль.

– Священство – это призвание, Луиза, призвание. Это огромное обязательство, и жизнь, посвященная Богу за счет всего остального. Неплохая задача. Уверен, вы тут согласитесь.

– Я полагаю, не все готовы к этому?

– К сожалению, да.

– А отец Ланеган? Почему он решил уйти?

Эшли выпил вино и дал себе время подумать.

– Мистер Ланеган был прекрасным священником во многих отношениях, но я считаю, в итоге священство было не для него.

– Это ничего не проясняет, монсеньор.

– Нет, я полагаю, как раз проясняет, – усмехнулся монсеньор Эшли. – Скажем так, он не смог полностью посвятить себя Богу.

Луиза внимательно посмотрела на пожилого священника. Усмешка, не погасшая в глазах, была скорее грустной.

– Вы имеете в виду, он хотел завести отношения?

– Хотел и сделал. Конечно...

– Я не слышала об этом. Какие отношения? – спросила Луиза.

– Для священника грех участвовать в каком-либо инциденте. Ланеган был очень привлекательным человеком и питал слабость к грехам плоти. В начале его карьеры было несколько неблагоприятных эпизодов, которые он искупил периодами размышлений.

– Проступки?

Эшли пожал плечами.

– Неосторожности.

– Отношения? С прихожанами?

– Я должен быть очень осторожен в словах, инспектор. Я хотел бы оказать вам посильную помощь, но не могу рисковать... скандалом.

– Одна из ваших прихожанок и один из ваших священников мертвы, монсеньор. Не поздно ли говорить о риске?

– Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваши предположения, инспектор.

– Я все-таки должна спросить. Эти неосторожности, они были с...

– Женщинами, – произнес Эшли и спас Луизу от неловкого вопроса. – Согласными женщинами, – добавил он и заставил Луизу задуматься, почему он счел необходимым уточнение.

– То есть с замужними женщинами? – догадалась Луиза.

– Как я уже сказал, инспектор, я не могу это комментировать.

Монсеньор и инспектор закончили есть в молчании. Эшли был задумчив, словно сожалел, что поделился этой информацией.

– Вы не знаете, где сейчас мистер Ланеган? – спросила Луиза Блэкуэлл, пока оплачивала счет.

– Он оставил священнический сан в восьмидесятых, так что у меня нет для вас информации.

– Это был его выбор?

– Мистер Ланеган попросил разрешения уйти. Довольно сложная процедура, но да, в конечном счете это был его выбор.

Священник принял предложение Луизы подвезти его до железнодорожного вокзала. В ограниченном пространстве – салоне машины – сильнее чувствовался запах вина, исходящий от монсеньора Эшли, но вскоре Блэкуэлл припарковалась и проводила его до платформы, откуда через пять минут должен был отправиться поезд до Бристоль Темпл Мидс.

– Спасибо, что уделили мне время, – поблагодарила Луиза и снова взяла монсеньора за руку.

Усталость в глазах священника исчезла в одно мгновение. Блеск вернулся, когда он улыбнулся ей в ответ.

– Я должна спросить еще кое-что, прежде чем вы уйдете.

– Я был бы разочарован, если бы вы этого не сделали, – кивнул Эшли с озорной улыбкой.

– Одна из неосторожностей отца Ланегана. Она связана с Вероникой Ллойд?

– Я не могу этого подтвердить, инспектор.

– У отца Ланегана был духовник? Я правильно употребляю термин?

– Да, даже священники должны исповедоваться. Мы склонны к греховности так же, как и любой другой человек.

– Вы принимали исповедь отца Ланегана?

– Временами.

– Поэтому вы не можете рассказать мне о Веронике Ллойд?

Поезд остановился, скрежет металла о металл эхом отразился от каменных стен железнодорожной станции. Священник оглянулся на Луизу Блэкуэлл с бесстрастным выражением.

– Как я уже сказал, инспектор, я не могу этого подтвердить.

Глава двадцать девятая

Джефф чихнул, не прикрывшись рукой. Мокрота попала на ветровое стекло. Двигатель фургона гудел, когда Симмонс сидел на парковке железнодорожного вокзала Уэстона и ожидал возвращения женщины-полицейского.

Симмонс увидел, как она вошла в дом Форестеров, и остался в фургоне, он словно впал в ступор. Он безуспешно пытался понять, зачем той понадобилось допрашивать Форестеров. Форестеры же теперь не принадлежали к церкви Святой Бернадетты, зачем тогда эта женщина приехала в их дом? Значит, это нечто большее, чем обычная проверка.

Симмонс возвращался к одной и той же версии. Она установила связь.

После того как женщина покинула дом, он разрывался между двумя вариантами: остаться и нанести Форестерам последний визит, как он и планировал, или последовать за женщиной-полицейским.

Джефф выбрал последний, в основном потому как не знал, что она им говорила.

Все это могло быть ловушкой. Но, если женщина предупредила Форестеров, что они в опасности, они бы запаниковали, как только его увидели. Кто-то из них мог рискнуть позвонить в полицию, и, даже если ему удастся лишить их жизни, все пойдет не по его плану, и тогда он никогда не вернется на Крутой Холм.

Все стало еще хуже после того, как Джефф проследил за женщиной-полицейским сначала до полицейского участка, а затем до набережной, где она встретила другого священника. Симмонс понятия не имел, кто этот высокий, долговязый мужчина, но его вид только усилил замешательство.

Знали ли они, что отец Ланеган пропал?

Джефф чувствовал себя беспомощным, испытывал отвращение и едва не заплакал, когда «дворники» очищали ветровое стекло от воды. Что делали женщина-полицейский и священник? Они вместе садились на поезд или кого-то забирали? Раньше он чувствовал себя очень

уверенно, а сейчас нерешительность возвращалась к нему и все погружала в хаос.

Сердце Джеффа бешено заколотилось, едва женщина-полицейский вышла из здания вокзала. Женщина была немного моложе его, возможно, под сорок. Хорошенькая, с завязанными в хвост темно-каштановыми волосами. Дождь промочил ее пальто, но женщина не бросилась к машине и словно не обращала внимания на погоду. Джефф подумал о молодых женщинах, которых он видел в баре в тот вечер, когда встретил Малькольма Харриса из своей старой школы. Женщина-полицейский была старше, но в том, как она держалась, присутствовало нечто выделявшее ее. Очарованный, Симмонс наблюдал, как она провела рукой по влажным волосам перед тем, как открыла дверцу машины. Джеффа внезапно охватило чувство томления.

Он хотел посмотреть, куда она направится дальше, поэтому влился в поток машин, как только женщина тронулась. Симмонс должен соблюдать осторожность, так как предполагал, что женщина-полицейский будет помнить о том, что за ней могут следить. Он держался на расстоянии и убедился, что между ними осталось три или четыре машины, когда женщина свернула на Локинг-роуд в сторону Уорла. Дождь теперь был таким сильным, что Симмонс едва различал впереди ее машину.

Через три-четыре километра женщина-полицейский указала поворот налево, на Тэвисток-роуд, по дороге в поместье Мид-Вейл в Уорле. Джефф продолжил ехать по главной дороге. Он решил, что будет слишком заметно, если последует за ней.

Он заправился в «Сейнсбери» и вернулся на Тэвисток-роуд. Джеффу не потребовалось много времени, чтобы найти ее машину. Она была припаркована на той же дороге, на небольшой подъездной дорожке рядом с двухквартирным коттеджем.

Значит, женщины-полицейские живут в таких маленьких домах? Он не казался подходящим местом для молодой, активной полицейской. Сама улица была прекрасна, но коттедж подходит скорее пенсионеру, который избегает лестниц. Было ли это частью какой-то хитроумной ловушки? Джефф припарковался дальше по дороге, чтобы безопасно наблюдать за домом из фургона. В коттедже не горел свет, и Симмонс подумал, не легла ли женщина спать. Симмонс чувствовал

себя виноватым, что оказался там. Эта женщина не играла никакой роли в его плане, и он не имел права находиться здесь. Тем не менее он не мог отрицать, что испытывал преступный трепет во время тайного наблюдения за ее домом.

Что дальше? Все, что не входило в его планы, было сопряжено с риском. Когда женщина уберется с дороги, Джефф наконец-то расправится с Форестерами. Убитая женщина-полицейский только привлечет нежелательное внимание. Джефф хотел знать, что ей известно, но существовал более простой способ выяснить это. Мистер и миссис Форестер наверняка все знают, и Симмонс заставит их рассказать ему подробности и только потом забьет последние гвозди в их кости.

Но не сегодня. Хотя женщина-полицейский сейчас была дома, слишком опасно идти к Форестерам. Появление женщины-полицейского на его пути выбивало из колеи, и ему надо быть более осторожным. Джефф подождет. Старик может пережить еще одну-две одинокие ночи, ведь он находится в теплых стенах, так что нет необходимости спешить обратно.

Когда Джефф уже собирался уходить, из дома женщины-полицейского вышел ее сосед. В руках у него был черный пакет для мусора, который сосед держал перед собой, как оружие. В конце улицы он остановился и посмотрел по сторонам, будто избавлялся от чего-то незаконного. Мужчина положил пакет в темное мусорное ведро на колесиках и пристально посмотрел прямо на Джеффа. Сосед женщины-полицейского был на приличном расстоянии, а он припарковался в темноте, так что вряд ли тот мог его видеть, но все же мужчина продолжал смотреть на фургон и не обращал внимания на хлещущий по нему дождь.

Джефф подождал, пока сосед вернется в дом, и только потом тронулся с места.

Глава тридцатая

В церкви в Апхилле сегодня были убраны скамьи для прихожан, чтобы вместить больше народу. Хотя Луиза и Трейси прибыли раньше, они стояли сзади, а отец Райли возглавлял процессию вокруг скамей Святого Михаила, окруженный алтарными служками. Дымный фимиам струился из золотой чаши, которой священник размахивал на ходу. Аромат наполнял здание, где всего несколько дней назад зверски убили отца Маллигана.

В это воскресное утро Луиза уже успела сообщить своей команде о встречах с супругами Форестерами и монсеньором Эшли. В первую очередь нужно было найти Ричарда Ланегана и распросить всех, с кем они уже говорили, об отношениях Ланегана с Вероникой Ллойд. Слишком рано делать Ланегана подозреваемым, но Луиза отчаянно хотела получить что-то конкретное к понедельнику – крайнему сроку, назначенному Морли.

Путешествие двух женщин от вокзала до церкви Святого Михаила прошло в напряжении. Неловкость возникла между ними после откровения Трейси о Томасе, и Луиза беспокоилась, что их отношения этого не переживут. Печально думать, что многолетняя дружба может быть так легко разрушена. Отчасти Блэкуэлл винила себя и свои собственные чувства к Томасу. Беспокоило бы это ее так же сильно, если бы это был кто-то другой? Трейси нарушила профессиональную этику, как и Томас. Теперь этот вопрос удалось закрыть, и ей не следовало заикливаться на нем, но тема оставалась болезненной для Луизы и Трейси.

– Здесь не всегда столько народу, – прошептала Трейси, едва отец Райли поднялся на кафедру.

От благовоний у Луизы закружилась голова, и она пожалела, что некуда присесть.

– Я очень в этом сомневаюсь, – ответила она.

Хотя месса была запланирована, ее также неофициально назначили в качестве дани памяти покойному отцу Маллигану, похороны которого все еще откладывались в ожидании результатов расследования. Разнообразие собравшихся в церкви удивило Луизу.

Там были пожилые дамы, которых они приводили на допрос, но также присутствовали и гораздо более молодые люди, семьи и по отдельности, собравшиеся вместе оплакать потерю старого священника. Многие прихожане открыто горевали, когда отец Райли читал надгробную речь о погибшем коллеге. Луиза чувствовала себя незваной гостьей. Община скорбела. Инспектор заметила странные взгляды, направленные в их сторону. Прихожане не боялись показывать недовольство присутствием двух полицейских, вторгшихся в их ряды.

Церемония отличалась от той, которую Луиза прошла в начале недели в церкви Святой Бернадетты. Она не чувствовала здесь радости, и не только потому, что они оплакивали отца Маллигана. Месса напомнила Блэкуэлл о тех немногих воскресеньях, когда она ребенком посещала церковь. Чтения Евангелия были слишком длинными, и в церкви находились много коленопреклоненных. Тихое чувство ожидания нависло в церкви, когда Райли благословлял святые дары, а один из старших алтарных служек звонил в золотой колокольчик после каждого благословения.

Затем толпа по одному направилась к алтарю, и отец Райли предложил причаститься. Когда-то в детстве Луиза принимала в этом участие. Тогда она не понимала значения этого процесса, и теперь ее хрупкая вера была настолько ослаблена, что она не сомневалась: прихожане активно обманывают себя, считая, что таким образом принимают тело Спасителя в свои души.

К концу мессы у Луизы заболели ноги. Она проигнорировала взгляды, устремленные в их сторону, когда прихожане вышли, чтобы обменяться рукопожатиями и соболезнованиями с отцом Райли. Во дворе церкви Луиза была рада увидеть монсеньора Эшли. Старший священник подошел к ним и с кривой улыбкой представился Трейси.

– Полная явка, – заметила Трейси.

– Отец Маллиган был любимым членом духовенства. Ужасная потеря. Я был удивлен увидеть вас здесь, инспектор Блэкуэлл. Вы не упомянули, что собираетесь присутствовать на мессе.

Луиза видела священника только прошлым вечером. Когда она помогала ему сесть в поезд, его ноги немного дрожали после вина, выпитого за их ужином.

– Я тоже не знала, что вы будете здесь, монсеньор Эшли.

Лицо священника слегка посуровело. Блэкуэлл впервые увидела эту его сторону.

– Надеюсь, вы пришли исключительно из уважения к отцу Маллигану. Было бы прискорбно и неуместно, если вы в такой торжественный день планируете заниматься какими-либо официальными делами, – произнес он.

Луиза хотела напомнить, что у них есть две жертвы убийства, о которых нужно подумать, а также опасный убийца на свободе, но не видела необходимости настраивать этого человека против себя.

– Мы здесь, как вы и сказали, только для того, чтобы засвидетельствовать почтение.

– Великолепно, – ответил Эшли, и в его глазах снова появился огонек. – Желаю вам хорошего дня.

– Почему он так себя ведет? – спросила Трейси после ухода священника.

– Точно не знаю. Временами кажется, он хочет помочь, но потом разговор с ним натывается на какие-то препятствия.

– Этот человек рассказал тебе о пяти святых ранах и о другом священнике, Ланегане? – спросила Трейси.

– Он упомянул о ранах, но я узнала о Ланегане от Форестеров. А что, думаешь, он пытается нас отвлечь?

Трейси выглядела неуверенной.

– Я не спрашиваю тебя, Луиза.

– Я знаю.

Они стояли лицом друг к другу, пока это не стало неудобно.

– Знаешь, я сообщила тебе по поводу Томаса, потому что доверяю, – сказала Трейси.

– Я ценю это, Трейси.

– Тогда попробуем забыть о моих словах? А я попробую забыть о поступке. Я и так чувствую себя дерьмово, а тут еще лучшая подруга в полиции будет заниматься моими проблемами.

Луиза вздохнула. Трейси была права. Она вела себя эгоистично, думала только о себе.

– Мне очень жаль, Трейс. Все из-за этого чертового дела. Я боюсь потерять его, ведь к завтрашнему дню у нас может быть ничего не готово. Я не уверена, что смогу вынести, если Финч возьмет все в свои руки.

– Хорошо, давай найдем что-нибудь, что не даст Финчу забрать это дело у нас.

Луиза кивнула.

– Подожди, пока монсеньор уйдет, и поговори с Райли. Попытайся выяснить, каковы были отношения между Маллиганом и Ланеганом. В восемьдесят третьем Маллиган фактически являлся начальником Ланегана. Посмотри, не было ли между ними вражды? Я возьму машину, или ты хочешь вернуться самостоятельно?

– С тобой, конечно.

– О, поедем вместе?

– Да!

– Мне приятно знать, что ты считаешь меня лучшей подругой, – отметила Луиза и подмигнула.

Трейси улыбнулась, и все напряжение между ними испарилось вместе с этим простым обменом репликами.

Журналистка Таня Эллиот остановила Луизу у ее машины.

– Вот уж не знала, что вы ходите в церковь, – сказала Эллиот, закутанная от холода в длинное шерстяное пальто.

«Меркьюри» опубликовал статью о двух убийствах в еженедельном выпуске в пятницу. В статье не было подробностей об убийствах, но Таня включила ряд интервью, взятых у представителей общественности. Ходили разговоры о малом числе броней в отелях и опасениях, что это повлияет на летнюю торговлю – до которой оставались еще месяцы. Таня не нападала на полицию напрямую, но подогривала напряжение – Луиза читала его между строк. Блэкуэлл понимала, что молодая журналистка увидела возможность продвижения карьеры.

– Здравствуйте, Таня. Что привело вас сюда?

– Просто отдаю дань уважения.

Луиза кивнула:

– Это очень мило с вашей стороны.

– Что еще вы можете мне сообщить, инспектор?

– Мне больше нечего сказать, Таня. Я обещала, что буду держать вас в курсе, и я это сделаю.

– Вы можете поделиться чем-то, что успокоит наших читателей?

– Вам нужно посетить наш пресс-офис. Вы ведь это знаете, Таня.

– Люди запираются в домах, инспектор. В это время года количество бронирований в отелях сокращается. Не могли бы вы прокомментировать происходящее?

Луиза и раньше переживала зиму в Уэстоне. В зимние месяцы город никогда не был переполнен туристами, если только здесь не проводилось какое-то мероприятие, например пляжный мотокросс, который запланировали на следующие выходные. Она подозревала, что Таня пытается высосать сенсацию из пальца, хотя и признала: в последние несколько дней город казался опустевшим.

– Без комментариев, Таня. А теперь, извините, я должна идти.

Таня, нахмурившись, молчала, пока Луиза садилась в машину. Отъезжая, Луиза увидела, как журналистка плотнее запахнула пальто, словно от порыва злого ветра.

Робертсона в участке не было. Луиза почти не общалась с ним после встречи с Морли в пятницу.

– Робертсон сегодня был? – окликнула она Томаса, который только что закончил разговор.

– Он пробыл полчаса, а потом ушел. Он был в пальто, если это поможет, – доложил Томас.

Луиза несколько мгновений наблюдала за его работой. Знал ли Томас, что она была в курсе их с Трейси интрижки? До тех пор, пока это не мешало расследованию, их отношения ее не касались.

Трейси фактически была начальником Томаса, но разницу между их рангами можно считать минимальной. Не в первый раз происходили такого рода связи между коллегами. У сержанта все еще были признаки продолжительного похмелья, и Блэкуэлл задумалась, вернулся ли он к себе домой или все еще живет в том жалком отеле? Она уже собиралась предложить ему кофе, но к ней подошел Грег Фаррелл.

– Шеф, сегодня утром после мессы я разговаривал с одним из прихожан церкви Святой Бернадетты. Вдовец лет шестидесяти. Он говорит, что помнит нашего отца Ланегана, хотя, очевидно, не так часто с ним сталкивался. Этот мужчина сказал, что Ланеган был кем-то вроде дамского угодника. Представляете?

– Дамским угодником? – переспросила Луиза и вспомнила о «неосторожности», о которой говорил Эшли.

– Вот что рассказал прихожанин. – С легкой ухмылкой Фаррелл открыл блокнот и начал читать: – «Он был хорош собой. Все женщины сходили по нему с ума, и он отвечал им тем же».

Луиза могла понять притягательность чего-то недостижимого. Странно, но ее мысли обратились к телесериалу «Поющие в терновнике», который мельком видела в детстве. В нем лихой Ричард Чемберлен разрывался между отношениями и службой в католической церкви.

– Ты спрашивал о Веронике?

– Да, ходили слухи, что у них был роман, хотя этот мужчина явно пристрастно относится к священнику. Я думаю, его жена, возможно, была влюблена в молодого отца Ланегана. Тем не менее он дал мне несколько имен для поиска. Женщин, с которыми, по мнению этого мужчины, у Ланегана могла быть связь.

Мог ли Ланеган действительно быть таким неосмотрительным и открыто подтверждать слухи о себе? Священники дают обет безбрачия, и в случае нарушения такого обета от Ланегана следовало бы ожидать некоторого благоразумия. Инспектор не исключала, как и сказал Фаррелл, ревности со стороны вдовца, но, если человек был прав насчет романа священника с Вероникой Ллойд, это могло полностью раскрыть дело.

– Хорошо сработано, Фаррелл. Проследи за этими зацепками и дай знать, как только получишь дополнительную информацию.

– Да, шеф.

Открытие Фаррелла еще больше мотивировало их на поиск Ричарда Ланегана. Команда все утро искала бывшего священника, но пока у них не было даже его точного адреса. Луиза уставилась на экран компьютера. Она отчаянно нуждалась в каком-нибудь вдохновении, потому что сомневалась, что одной возможной связи между Вероникой и Ланеганом будет достаточно, чтобы остановить

Морли. Теперь она имела меньше двадцати четырех часов на поиски этого человека и выяснение степени его причастности.

Луиза вспомнила, что монсеньор Эшли рассказал ей, будто Ланеган ушел на пенсию на побережье, и поскольку она не получила никаких сведений из национальной базы данных, то решила проверить базы данных полицейских, базирующихся недалеко от побережья. Луиза начала с самых местных, с Девона и Корнуолла, и через несколько минут получила результат. Инспектор не могла поверить в такую удачу.

Сержант Джослин Меррик только что сообщила о человеке по имени Ричард Ланеган как о пропавшем без вести с низким уровнем риска, хотя, согласно отчету, вполне возможно, Ланеган пропал без вести или исчез уже почти неделю назад.

Констебль Джеймс Льюис ответил на звонок Луизы Блэкуэлл в офис Сент-Айвза, где работала Меррик.

– Могу я поговорить с сержантом Меррик? – спросила Луиза.

– У нее сегодня выходной. Чем могу помочь?

Луиза объяснила ситуацию и попросила констебля предоставить ей номер личного мобильного телефона Меррик.

– Боюсь, я не могу этого сделать, мэм, но я ездил с сержантом Меррик, когда она посещала местожительство мистера Ланегана.

Луиза скрыла нетерпение.

– Что вы можете мне рассказать?

– Там, возможно, был взлом. Похоже, заднюю дверь взломали.

– В доме было что-то религиозное?

– А почему вы спрашиваете?

– Я спрашиваю, Джеймс... Джеймс, верно?

– Да, мэм.

– Ладно, Джеймс. Я спрашиваю, потому что расследую дело об убийствах, тесно связанных с католической церковью, где работал священник по имени отец Ланеган. Отец Ричард Ланеган. Это произошло во всех таблоидах. Теперь вы улавливаете, к чему я клоню, констебль?

– Там была пара распятий. И несколько Библий.

– Вот так, в конце концов, мы и добрались... – Говоря это скорее себе, чем собеседнику, Луиза набирала Сент-Айвз на картах Google. Добрых три часа езды. – Джеймс, я хочу, чтобы вы сказали сержанту Меррик, что я без промедления выезжаю в Сент-Айвз и буду у вас в

ближайшие три часа. Вы меня поняли? – снова обратилась она к констеблю.

– Я не могу этого сделать, мэм. У нее сегодня выходной.

Луиза не могла поверить в то, что слышала.

– Джеймс, запишите номер моего телефона. – Луиза продиктовала цифры. – Мне очень нужно получить звонок от сержанта Меррик в течение следующего часа. Мне все равно, придется ли вам ехать к ней домой или разыскивать ее, но я должна поговорить с сержантом в течение следующего часа. Это ясно?

Луиза Блэкуэлл услышала, как констебль что-то пробормотал, но повесила трубку прежде, чем он успел ответить.

Трейси вернулась, когда Луиза уже выходила из офиса.

– Отец Райли утверждает, что не очень хорошо знал отца Ланегана. Я давила на него, но все равно думаю, Райли что-то скрывает.

Луиза рассказала ей о возможном пропавшем человеке.

– Нужна помощь?

– Нет, лучше тебе здесь руководить процессом. Поговори с Фарреллом. У него есть кое-какая информация о Ланегане, которую стоит проверить.

Шоссе М-5 на юг оказалась спокойнее, чем Луиза ожидала, и она добралась до Эксетера чуть больше чем за час. Она еще не получила ответа от молодого констебля, поэтому позвонила ему по громкой связи, как только попала на А-30.

– Джеймс, снова инспектор Блэкуэлл. Как успехи в поисках сержанта Меррик?

Офицер колебался, в его голосе слышалось замешательство.

– Я оставил ей пару сообщений, но сержант так и не ответила.

Луиза глубоко вздохнула.

– Боюсь, вы не понимаете, насколько это важно, констебль Льюис. Я не просила вас оставлять пару сообщений. Я хотела, чтобы вы разыскали свою начальницу. У вас есть ее адрес?

– Да, но...

– Джеймс, послушайте меня. Я буду в Сент-Айвзе меньше чем через два часа. Зачем вы усложняете себе жизнь?

– Я не могу просто так дать ее адрес.

– Позвоните Нику Уэстону и получите подтверждение. Напишите мне ее адрес. Я думаю, она не удивится, когда я появлюсь, поэтому предлагаю вам найти ее раньше меня. Я даю вам второй шанс, Джеймс. Понимаете?

– Да, мэм.

Луиза вздохнула.

– Чувствую, что мы сейчас пойдем по второму кругу, Джеймс. Я серьезно. Ваша карьера под угрозой, – произнесла Блэкуэлл с неподдельной холодностью.

– Я понял, мэм, – ответил констебль дрожащим голосом.

Через пять минут на ее телефон был отправлен подтвержденный домашний адрес сержанта Джослин Меррик.

Уэстон-сьюпер-Мар в детстве обычно посещали одним днем, а несколько летних каникул Луиза прожила в Корнуолле. Их семья почти каждый день проводила на пляже, независимо от погоды. Прекрасные воспоминания о днях прыжков в волнах с Полом, обучения буги-борду – лежать на полистироловых досках для серфинга, когда белая волна несет их к берегу, – или изучения скальных бассейнов на различных пляжах. Тогда они хорошо играли вместе, и Пола она считала самым близким человеком и лучшим другом, хотя в то время она никогда бы в этом не призналась. В школе она близко общалась с парой девочек, но каждый день играла с братом. А потом Пол вступил в подростковый возраст и ему стали интересны другие занятия. Ей причинило больше боли, чем она ожидала, когда тот перерос ее.

Блэкуэлл вытерла наввернувшиеся на глаза слезы при воспоминании о детстве и обогнала фургон, с трудом поднимающийся по крутому склону в сторону Бодмина. Луиза почувствовала одиночество, когда дорога прорезала бесплодный ландшафт бесконечных продуваемых ветром полей. Было ли происходящее всего лишь отчаянной попыткой найти потенциального подозреваемого,

когда угроза, что Финч возьмет на себя ее дело, нависла над ней дамокловым мечом? Она понятия не имела, был ли пропавший Ланеган в Сент-Айвзе старым священником из церкви Святой Бернадетты. Робертсон сказал бы ей, что она в отчаянии, даже рассеянна, но сейчас она находилась меньше чем в часе езды от цели. Сержант жила в городке под названием Хейл, в нескольких милях от Сент-Айвза. Большая вывеска приветствовала Луизу, когда она съехала с шоссе А-30 пятьдесят минут спустя. Вывеска гласила, что в маленьком приморском городке – «Три мили золотого песка».

Джослин Меррик жила в Хейле в доме с террасой недалеко от главной улицы. Луиза миновала несколько переулков и только потом нашла нужный дом. Она чувствовала себя неловко, поскольку приехала без предупреждения, и надеялась, что Джослин все же прочитала сообщения констебля. Из-за входной двери Меррик донесся детский крик, был он радостным или испуганным – Луиза не могла определить. Она постучала, и звук резко оборвался. Десять секунд спустя она увидела через обшитую стеклянными панелями дверь силуэт приближающейся фигуры. Мужчина, все еще в халате, стоял в проеме и смотрел на нее. Его глаза были прищурены, лицо покрыто щетиной.

– Здравствуйте, – произнес он с вопросительной интонацией.

– Здравствуйте. Меня зовут детектив-инспектор Луиза Блэкуэлл. – Луиза показала удостоверение. – Хочу увидеть Джослин. Она дома?

Мужчина ответил не сразу. Он выглядел неуверенным и словно оценивал просьбу Луизы. Затем крикнул: «Джосс!» – и пошел обратно по коридору. Мужчину сменил мальчик, примерно ровесник Эмили, смотревший на нее с недоумением.

– Я – Зак, а вы кто? – спросил он.

– Я – Луиза, и рада с тобой познакомиться.

– Ага, – согласился мальчик.

Джослин сбегала вниз по лестнице, ее волосы были завернуты в полотенце.

– Здравствуйте. Извините за суматоху. Я Джослин Меррик. Чем могу помочь?

– Здравствуйте, Джослин. Я – детектив-инспектор Луиза Блэкуэлл. Я звонила вам в участок. Я хотела поговорить о Ричарде Ланегане, пропавшем без вести.

– О! Извините, я не получала никаких сведений из участка. С кем вы разговаривали?

– С констеблем Джеймсом Льюисом.

– Понятно. И он дал вам мой адрес?

– Я настояла, – заметила Луиза и показала женщине удостоверение.

– Ладно, тогда вам лучше войти. Простите за беспорядок. Вчера вечером мы были на ужине, связанном с регби. Так что сейчас у нас все вверх дном.

– Не беспокойтесь. Мне действительно жаль, что я потревожила вас дома.

Джослин провела их через немного неубранный, но гостеприимный дом. Меррик указала на девочку, скрытую кухонной стойкой.

– Матильда. Зака вы уже видели.

– Добрый день, Матильда, – поздоровалась Луиза, заглянув за стойку, и услышала недовольный возглас девочки. – Похоже, у вас здесь дел по горло.

– Рассказывайте мне... С моим мужем вы уже знакомы, – отметила Джослин со смешком. – Кофе?

– Было бы идеально.

Едва они сели, Луиза объяснила ситуацию в Уэстоне.

– Я читала об этом деле. Звучит ужасно. Думаете, этот мужчина, Ланеган, может быть подозреваемым? – с сомнением в голосе спросила Джослин.

– Мне сказали, он ушел на пенсию и уехал на побережье, а там не так много Ричардов Ланеганов. Когда я увидела ваш отчет о пропаже человека, то подумала, что это может оказаться многообещающей зацепкой.

– Ну, я думаю, что речь все же идет об одном и том же человеке, – заметила Джослин. – Уборщица сообщила о его исчезновении, и до сих пор мы не смогли найти контактный номер Ланегана. Замок на задней двери сломали, но никаких явных признаков, что его сломали намеренно, нет. Велика вероятность, что он уехал куда-нибудь в отпуск и просто забыл предупредить уборщицу, хотя мы обзвонили людей из адресной книги Ланегана – никто из них тоже не слышал о подобном. Единственная причина, по которой я зарегистрировала Ланегана как

пропавшего без вести, – сломанный замок, а также период, в течение которого он отсутствовал. К тому же бедная женщина, которая убирает в его доме, места себе не находит.

– Так почему вы думаете, что он тот Ричард Ланеган, которого я ищу?

– Уборщица сообщила мне, что он был священником.

Луиза сдержала волнение.

– Извините, но не могли бы вы показать его дом?

Джослин пожала плечами.

– Почему бы и нет? Пусть хоть раз займется воспитанием детей в моей выходной, – произнесла Меррик, кивнув в сторону мужа, и одарила Луизу грустной улыбкой.

Дом Ланегана находился в местном поместье на вершине холма недалеко от центра Сент-Айвза. Здания были типовыми не только по размеру и форме, когда-то разнообразно окрашенные, они выцвели от непогоды и одинаково посерели.

– Уборщица дала нам ключ, – сказала Джослин и открыла входную дверь.

Внутри было ощущение места, куда кто-то только что въехал или которое только что покинули. «Крайне минималистичный интерьер», – подумала Луиза. Там были только самые функциональные вещи: диван и кресло в гостиной, обеденный стол с двумя деревянными скамьями, плита, чайник и тостер на кухне. На простых белых стенах не висело ни одной картины, и только небольшой книжный шкаф в спальне наводил на мысль, что у владельца все-таки были какие-то личные вещи.

– Я думаю, такая обстановка логична, если он был священником, – отметила Джослин, как только они вернулись на кухню. – Отсутствие собственности, преданность Богу и тому подобное.

Луиза показала ей фотографию Ланегана, распечатанную из старого номера вестонского «Меркьюри».

– У уборщицы была его фотография?

– Нет, но я думаю, она могла бы описать мистера Ланегана достаточно подробно. Похоже, уборщица – ее зовут Эйлин Босуэлл – была влюблена в него в течение двадцати лет. Она, конечно, сможет подтвердить, он это или нет.

– Что она рассказала вам о мистере Ланегане?

– Он приехал в Корнуолл более тридцати лет назад. Она познакомилась с ним на церковном празднике, в Хейле, чуть дальше по дороге. Когда миссис Босуэлл начала рассказывать мне, я думала, что это будет чудесная история любви, но на самом деле услышала печальную историю. Ланеган переехал в Корнуолл после того, как его лишили сана, или как там называется – когда увольняют священника. Моей первой мыслью был какой-то скандал с жестоким обращением, но это не так. Его заставили уйти, потому что мистер Ланеган влюбился.

Первой мыслью Луизы была Вероника Ллойд, но она хотела услышать это имя без своей подсказки.

– В кого он был влюблен?

– Судя по всему, она была замужней женщиной. По словам миссис Босуэлл. Они любили друг друга, но женщина не могла оставить семью, а он – работу священнослужителя. Поэтому они расстались, но Ланеган не мог выбросить ее из головы и несколько лет спустя покинул Уэстон, чтобы избавиться от воспоминаний об этой женщине. Миссис Босуэлл считала, что мистер Ланеган все еще тоскует по ней.

Луиза расстроилась. Вероника Ллойд никогда не была замужем.

– Миссис Босуэлл назвала вам имя этой таинственной женщины?

– Нет, Ланеган никогда не говорил ей имя.

Глава тридцать первая

Луиза заперла дом Ланегана и последовала за Джослин из города. С вершины холма виднелось море, солнце проглядывало сквозь облака и отблескивало на колышущихся волнах.

Эйлин Босуэлл обладала настоящей природной силой, в восемьдесят с небольшим она одна жила в старом фермерском доме. Сюда, к дому на длинной дороге из Сент-Айвза, и направлялись инспектор с сержантом.

– Я не привыкла к посетителям, – заметила женщина и повела их через старомодную кухню, где плита Ага обогревала комнату с низким потолком.

Она настояла на том, чтобы приготовить гостям чай, который подала с черствым печеньем. Глаза Эйлин, когда она говорила о Ланегане, постоянно блестели. Миссис Босуэлл потеряла мужа за десять лет до встречи с ним, и, хотя она не сказала этого прямо, Луиза поняла, что Ланеган стал ему безответной заменой. В глазах пожилой женщины стояли слезы, когда она смотрела на черно-белую фотографию Ланегана из «Меркьюри».

– Он, – подтвердила Босуэлл.

Луиза расспросила пожилую женщину об истории Ланегана, но та не смогла сказать ничего нового кроме того, что уже рассказала Джослин.

– Мы никогда не поднимали тему его прошлого после того вечера. Я думаю, в тот день он выпил слишком много вина и, возможно, пожалел потом. Я знаю, произошедшее все еще причиняет ему боль. Я вижу это каждый раз, когда хожу убираться.

Не было смысла спрашивать Эйлин, считает ли она Ланегана способным убить Веронику Ллойд и отца Маллигана, поэтому Луиза не видела необходимости портить ее представление об этом человеке. Луиза назвала Босуэлл имена жертв, но та о них не слышала. Эйлин предложила женщинам еще чаю. Она явно наслаждалась их обществом.

– Простите, Эйлин, мне нужно возвращаться в Уэстон-сьюпер-Мар.

– Как думаете, вы его найдете? – спросила Эйлин с искренним беспокойством.

– Я сделаю все, что в моих силах, и мы дадим знать, как только это произойдет. Хорошо, Эйлин?

– Я думаю, это все, на что мне остается надеяться.

– Вы живете здесь одна? – поинтересовалась Луиза.

– У меня сейчас нет постояльцев.

– У вас нет семьи?

– Есть сын, – гордо и печально объяснила Эйлин. Она поднялась с кресла и достала из буфета тонкий фотоальбом. – Он живет в Австралии.

У меня две внучки. Очень милые. Хотя, боюсь, они живут слишком далеко, чтобы навещать бабушку.

Луиза взяла у нее альбом. Две светловолосые девочки-подростка улыбались с последнего снимка, который сделали пятнадцать лет назад – на фотографиях стояла дата.

– Они красавицы, – заметила Луиза и вернула альбом.

Луиза не могла выбросить эти фотографии из головы, пока ехала в Уэстон. Внучки Эйлин повзрослели, и либо пожилая женщина этого не понимала, либо намеренно игнорировала факт. А сын? Как он мог оставить мать в изоляции? Эта мысль побудила Блэкуэлл позвонить собственной матери.

– Привет, мам, – сказала Луиза, и ее охватило чувство отстраненности. Женщина ехала по пустынному шоссе А-30.

– Привет, Лу, все в порядке?

– Да, просто сегодня напряженный день. Хочу узнать, как вчера все прошло с Полом.

Эмили все еще жила у бабушки с дедушкой, а Пол пытался наладить свою жизнь. Луиза хотела бы поговорить с ним с глазу на глаз, напомнить ему, что он рискует потерять, но у нее не было времени.

– О, да все нормально. Эмили чуть поплакала, когда отец уходил вечером, но сегодня она уже в порядке.

– Что сказал Пол?

– Не так уж много. Я подумала, что у него было похмелье. Он не спросил, может ли Эмили вернуться с ним домой. Я беспокоюсь, что

Полу больше нравится жить одному, в любой момент можно пойти и напиться.

– Я уверена, это не так, мам. Он обожает Эмили.

– Не сомневаюсь, но ведь он алкоголик, Лу. Ты понимаешь, какими могут быть люди с зависимостью.

Луиза знала это слишком хорошо. Она видела много наркоманов за время службы в полиции. Обломки человеческих существ, пожертвовавших всем ради очередной выпивки или дозы. Брат еще не совсем дошел до этого, но она беспокоилась, что оценка матери была правильной и разлука с Эмили может подтолкнуть его к краю.

– Вы снова говорили с Полом о возможной помощи?

– Не в этот раз. Надеюсь, он придет в себя и вызовется добровольно. Пол был мил с Эмили. Знаю, он очень сильно скучает по ней. Посмотрим, как пройдет эта неделя.

Луиза взглянула на навигатор. Впереди еще двести миль, а дальше последуют бумажная работа и встречи.

– Ладно, мам, как скажешь. Я понятия не имею, когда смогу приехать к Полу.

– А как насчет тебя, дорогая? Вчера у нас не было времени как следует поговорить. Я знаю, ты занята расследованием. Как обстоят дела?

«Прекрасно, – подумала Луиза. – Единственный подозреваемый, который у меня есть, если его в принципе можно назвать подозреваемым, пропал, и, скорее всего, дело у меня завтра отберут. Лучше и быть не может». Она уставилась на дорогу перед собой.

– Все неплохо.

– Я так горжусь тобой, Луиза. Ты ведь знаешь?

– Спасибо, мам, я знаю. Я позвоню тебе позже на неделе. Сообщи мне, если тебе понадобится моя помощь с Эмили.

– Сосредоточься на работе. У нас все под контролем.

– Хорошо, мам. Люблю тебя.

– Люблю тебя.

Следователь добралась до Уэстона около десяти вечера. Было слишком поздно ехать в участок, но и в пустой дом возвращаться не хотелось. Луиза усмехнулась, съезжая с М-5 и подумав, что она ведь вполне может повторить путь Эйлин Босуэлл. Будет ли она по-прежнему жить в этом коттедже через сорок лет, на пенсии и в одиночестве? Инспектор припарковалась у дома и прошла по неосвещенной дорожке к пабу, расположенному рядом с супермаркетом. Оставалось всего тридцать минут на выпивку, и тускло освещенный бар был полон гуляк, провожавших здесь последние минуты выходных. Когда Луиза вошла в бар, голоса в нем на миг смолкли, все глянули на нее, но потом быстро вернулись к своим разговорам. Блэкуэлл была здесь всего один раз, на обеде с родителями, вскоре после того как переехала. Бармен приветствовал ее взглядом из-под бровей, словно знал, что она из полиции.

– Что для вас сделать? – спросил он.

– Большой джин с тоником, спасибо.

Бармен нахмурился и налил напиток.

– Не обращайтесь внимания. Он всегда с подозрением относится к незнакомым посетителям.

Луиза повернулась и увидела худого, жилистого мужчину, вероятно, лет под сорок, стоявшего в конце бара. Она слегка улыбнулась ему и отметила потрепанный спортивный костюм, в который был одет незнакомец. Луиза взяла напиток и нашла место в углу бара, она молилась, чтобы мужчина в спортивном костюме не присоединился к ней. Луиза словно достигла предела – одна в отвратительном пабе в Уорле в воскресенье вечером, но она просто не могла вернуться домой в тишину и к самодельной «доске убийств». Блэкуэлл попыталась подумать о деле, но не могла сосредоточиться из-за громкой музыки и пьяной болтовни. Когда бармен двинулся за последними заказами, она заказала вторую порцию и подумала, не так ли начинал Пол. Иногда выпивка в одиночестве в местном баре приводит к полномасштабному алкоголизму.

Луиза Блэкуэлл прикончила напиток тремя яростными глотками. Она не хотела быть последней, кто покинет паб. Незнакомец все еще был в пабе, когда она уходила, но Луиза решила пойти более длинным путем домой через достаточно освещенный жилой комплекс на случай, если мужчина решит последовать за ней. Инспектор замедлила шаг и

свернула за угол на свою дорогу. Блэкуэлл отметала мысль, что за ней следят. Ночь была тихой, и толстый слой облаков закрывал звезды и луну.

Инспектор зашла на кухню, налила еще алкоголя. Луизе не слишком хотелось пить в одиночку, но она знала, что пока все равно не сможет уснуть. В гостиной Луиза включила телевизор, однако не смогла сосредоточиться на мерцающих изображениях – фотографии и имена на «доске убийств» соперничали за ее внимание. Инспектор впиалась взглядом в изображения Вероники Ллойд и отца Маллигана, будто они могли ответить ей.

– Это был Ланеган? – прошептала она им. – Почему он сделал это с вами?

Жужжание телефона заставило Блэкуэлл вздрогнуть, и она вылила остатки водки в раковину. Только потом она прочла сообщение:

Время уходит, Луиза. Икс.

Она нашла номер Финча в контактах. Палец Луизы завис над кнопкой вызова, адреналин и алкоголь побуждали ее позвонить Тимоти. Она устала от всего этого дерьма и хотела высказать Тимоти Финчу, а заодно и некоторым другим коллегам, что о них думает.

– Черт, – вскрикнула Луиза, швырнула телефон на диван и пошла в спальню. Она заснула, даже не успев раздеться.

Глава тридцать вторая

В понедельник утром Луиза была встревожена, поскольку обнаружила, что заснула в одежде. Вчерашние поездки, два джина с тоником и одна рюмка водки оказались идеальным средством от бессонницы. Луизе хотелось раздеться и забраться обратно в постель, но с той секунды, как она проснулась, мысли сразу включились в работу. Она сварила кофе и взяла чашку в душевую. Потом инспектор схватила черствый круассан из буфета и отправилась в город.

Блэкулл первой появилась в офисе. Звук от ударов ее пальцев по клавиатуре сопровождался ровным гулом кондиционера, которого она никогда раньше не замечала. Возможно, сказывалась усталость, но сейчас это место казалось чужим, словно она была здесь впервые. Луиза ожидала прибытия старшего инспектора Робертсона. Она проинформировала HOLMES (Систему крупных расследований Министерства внутренних дел), подробно описав визит в Сент-Айвз и встречи с сержантом Джослин Меррик и Эйлин Босвелл. Уже сейчас Луизе казалось: ее короткое пребывание в Корнуолле было целую жизнь назад. Инспектор описала дом Ланегана, подтвердила, насколько смогла, что он являлся одним из приходских священников в церкви Святой Бернадетты в начале восьмидесятых.

На отдельном листе бумаги Блэкуэлл записала некоторые мысли, почему Ланеган мог убить Веронику Ллойд и отца Маллигана. Эйлин намекнула, священник убежал от интрижки, и хотя утверждала, что возлюбленная Ланегана была замужем, вполне возможно, Вероника Ллойд тоже являлась бывшей любовницей священника. Он стал бы не первым мужчиной, который лишил жизни женщину, отвергнувшую его, так что относительно Вероники был потенциальный мотив. Но зачем убивать Маллигана?

Возможно, священник знал слишком много или сыграл важную роль в прекращении этого романа. Луиза опустила карандаш. Если Робертсон вряд ли высмеет ее, то Морли и Финч наверняка сделают это. Все выходило за рамки обстоятельств. Ланеган на сегодня не более чем потенциальный подозреваемый. Сейчас он проходит просто как пропавший человек, и если он убийца, то какова связь с теорией

пяти святых ран, на которой настаивал монсеньор Эшли? Кого Ланеган собирается убить следующим и почему?

Сержант Фаррелл прибыл вторым. Он зашел в кабинет насвистывая. Одетый в хорошо сидящий темный костюм, будто собирался на похороны, Фарелл традиционно ухмыльнулся, когда увидел Луизу. Блэкуэлл не следовало так враждебно относиться к этому сотруднику, но она ничего не могла с собой поделать.

– Доброе утро, шеф. Вы сегодня рано.

– Доброе утро, Грег. Там остался кофе, если хочешь.

– Спасибо. Рад, что вы здесь. Вчера мне удалось поговорить с еще одним давним прихожанином Ланегана. Он не хотел говорить со мной по телефону, но согласился встретиться сегодня утром.

Луиза велела Фарреллу добавить эту информацию в досье HOLMES, и, поскольку больше рассказывать было некому, она сообщила ему подробности поездки в Корнуолл.

Фаррелла, похоже, искренне взволновала эта новость.

– Значит, у нас есть официальный подозреваемый, – произнес он.

Луиза не разделяла энтузиазма коллеги.

– У нас пропал человек. Не уверена, что сейчас это нечто большее.

– Да ладно вам, шеф. Это же чертовски странное совпадение; Ланеган пропал без вести именно в то время, когда убили двоих, тесно связанных с ним.

– Посмотрим, – заметила Луиза, и Фаррелл направился на кухню за кофе.

– Я тут подумал, шеф. Вам не кажется, что Ланеган скорее возможная жертва, чем подозреваемый? – спросил Фарелл, когда вернулся.

Луиза кивнула, раздраженная замечанием Фаррелла. Конечно, она размышляла об этом, особенно после того, как увидела сломанный дверной замок на кухне Ланегана.

– Этого нельзя исключать, но если его убили, то почему преступник не выставил напоказ тело Ланегана? Два других убийства наводят на мысль, что маньяк гордится делом своих рук.

– Может, Ланеган был пробой, а мы ведь не слишком активно искали его тело.

Инспектор снова кивнула. Блэкуэлл знала: сержант был прав. Хотя Джослин договорилась о беседах с соседями Ланегана, ни в одном из домов не проводили обыск. Насколько им было известно, тело Ланегана ожидало обнаружения где-то в поместье Корнуолла, где он жил.

– Думаю, мы должны решить, прежде чем продолжать, является ли Ланеган потенциальной жертвой или подозреваемым, – произнесла Луиза, когда Грег вернулся к столу.

Луиза оценивала разные точки зрения в ожидании прибытия старшего инспектора Робертсона и усмехнулась, когда вдруг представила, как Эйлин Босуэлл держит Ланегана где-то в доме.

Трейси и Томас прибыли вместе, и Фаррелл снова ухмыльнулся, потому что поймал взгляд Блэкуэлл, брошенный на них. Луиза надеялась: такое их появление было просто еще одним совпадением. Трейси обещала, что это будет интрижка на одну ночь, и, если отбросить в сторону затихающую ревность, Луиза вполне могла обойтись в отделе без их потенциального романа. Трейси словно прочитала ее мысли. Она едва заметно покачала головой и поздоровалась.

Луиза устала ждать Робертсона, созвала совещание и проинформировала команду о поездке в Сент-Айвз. Блэкуэлл повторила им слова Фаррелла, что Ланеган теперь и потенциальный подозреваемый, и возможная жертва. Луиза не знала, как отреагирует Робертсон, и не хотела, чтобы команда знала: возможно, это их последний день в расследовании дела, по крайней мере под ее руководством. Она могла только подчеркнуть срочность и попросить членов команды немедленно сообщить ей, как только у них появится что-нибудь важное для отчета.

Инспектор позвонила Джослин в Сент-Айвз и попросила ее провести обыски в домах в районе, где жил Ланеган. В голосе сержанта Меррик звучало сомнение, и она пожаловалась на нехватку ресурсов, но в итоге согласилась помочь.

Робертсон прибыл через полчаса, и Луиза предоставила ему всю информацию. К его чести, начальник терпеливо выслушал все гипотезы Блэкуэлл.

– Я прочитал ваш отчет за выходные, – произнес мужчина. – Я согласен, что это, возможно, хорошая догадка.

– Но?

– Но, боюсь, этого может быть недостаточно для Морли.

Луиза глубоко вздохнула.

– Как, по его мнению, нам поможет Финч, если он приведет его, Йен?

– Я понимаю, к чему вы клоните, Луиза, но вам нужно предложить Морли более существенные улики. Велика вероятность, что этот Ланеган просто вернется из отпуска в ближайшие несколько дней, если он уехал отдохнуть. И в какое дерьмо тогда мы угодим?

– Ланеган раньше работал с отцом Маллиганом. Он был местным священником в церкви Святой Бернадетты, когда Вероника Ллойд работала там в школе. А потом Ланеган ушел с должности. Я действительно не знаю, чего от меня хочет Морли.

– Бросьте, Луиза. Вы могли бы начать с поиска Ланегана.

– Мы его ищем, Йен. Я, черт возьми, узнала о нем только в субботу.

– Я просто предполагаю, что скажет Морли. На вашем месте я бы с радостью принял предложение о помощи. Так вы сможете остаться в деле. Вы даже сохранили бы должность старшего следователя.

Луиза наклонилась вперед.

– Вы ведь знаете, что случилось со мной в Бристоле, Йен? – спросила она.

Робертсон закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Он словно отстранялся от слов инспектора. Они никогда раньше толком не обсуждали дело Уолтона. С одной стороны, Робертсон мог просмотреть отчеты, узнать официальные заявления и версию событий самой Блэкуэлл, а с другой – начальник никогда не спрашивал у Луизы о деталях той ночи и она ему этого никогда не предлагала. Он не знал, что произошло на самом деле.

– Он солгал, – заметила инспектор.

– Сейчас не время для этого разговора, Луиза.

– Нет, вы, черт побери, услышите меня, Йен, – яростно заметила Луиза, охваченная диким гневом. – Старший инспектор Финч солгал под присягой. Он сказал мне: человек, в которого я стреляла, держал пистолет. Возможно, Тимоти Финч ошибся или солгал по собственным извращенным причинам, но Финч действительно сказал мне, что у жертвы пистолет, а я отреагировала, как меня учили. Под присягой

Тимоти отрицал, что когда-либо говорил это. По его словам, я запаниковала и поэтому застрелила безоружного человека.

– Я знаю, что произошло, – сурово произнес Робертсон.

– Вы этого не знаете, Йен, не знаете правды. Вы только в курсе, что Финч сказал в суде, но он обманул Фемиду.

– Луиза, вы навлечете на себя миллион неприятностей, если будете повсюду повторять ваши домыслы. Вы хоть понимаете, на что намекаете?

– Я вовсе не намекаю, я утверждаю, что человек, которого вы хотите взять на мое дело, по сути велел мне застрелить безоружного. Я не знаю, был ли он уверен в то время, что преступник вооружен, но он изменил историю для своей защиты, – с горячностью говорила Луиза. Инспектор знала, что повторяется, но не могла остановиться. – Если честно, я думаю, Тимоти Финч нарочно мне солгал. Он увидел возможность подставить меня и воспользовался ею. Я шла на должность старшего инспектора, а после этого случая мне повезло, что я хотя бы осталась на работе.

Робертсон встал.

– Я понятия не имею, чего вы от меня ждете.

– Вы мне верите? – спросила Луиза, все еще сидя.

– Это не имеет значения, инспектор. Я не буду никому сообщать об этом обсуждении, но предлагаю вам оставить обвинения при себе.

– И это все? – спросила инспектор.

– Господи, Луиза, помогите себе сами. Морли будет здесь сегодня днем. Достаньте что-нибудь для него или будьте готовы принять последствия.

Луиза почувствовала себя так, словно получила удар под дых. Инспектор поднялась и, не встречаясь глазами с начальником, вышла из кабинета.

Глава тридцать третья

Джефф работал, а пленник спал. По возвращении на остров ему пришлось еще раз усадить мужчину под душ. Заключение виновато смотрел вниз, пока вода смывала мочу и экскременты с его тела и одежды.

«*В последний раз*», – пообещал себе Джефф, шлифуя дерево. В следующий раз, когда он вернется, все будет кончено. Симмонс улыбнулся и представил себе эту сцену. Он молился, чтобы у него хватило сил сделать то, что требовалось.

Симмонс закончил со шлифованием. Он вытащил предмет из туристического центра. У него был потрясающий вид, а соединение получилось почти незаметным.

Джефф мечтал об этом, когда ожидал в доме матери наступления темноты. Этим утром она не была на работе, и Джефф, лежа в кровати, слышал, как она возится. Он думал, когда выходил из дома, что больше ее не увидит. Симмонс снова вернулся в дом, его охватило чувство пустоты, и он закрыл глаза, чтобы побороть внутреннюю слабость. Он хотел все рассказать матери, объяснить, почему он это сделал. Без сомнения, она, как и остальные, узнает, кто убил всех этих людей, и в конце концов полиция назовет его психопатом или кем-то подобным. Мать обвинят, и есть вероятность, она станет изгоем в обществе. Мать, как и его отец, перестала посещать церковь много лет назад, но у нее все еще были друзья на работе и в различных организациях, к которым она принадлежала. Как бы они отнеслись к ней, если бы узнали, что ее сын совершал убийства?

Если он оставит записку с объяснением причин, то этим только усугубит ситуацию. Мать будет винить себя, и, хотя это правильно, Джефф не хотел причинять ей еще больше боли. Маму обманули и подвели так же сильно, как и его. Люди воспользовались ее слабостью, и мама была уже достаточно наказана. Симмонс теоретически мог удержать ее от этого, но участие матери было неизбежной, заключительной частью ее покаяния.

– Джефф, ты встал? – позвала она из-за двери.

– Не совсем.

– Я постирала твою одежду. Могу зайти?

– Думаю, да.

Она улыбнулась и открыла дверь, держа перед собой большую стопку аккуратно сложенной одежды.

– Вот, давай я разложу ее по ящикам, – произнесла мать и начала открывать его шкаф.

Она убирала одежду сына, а он перенесся в детство, во время, когда ему не приходилось надевать на руки перчатки. Тогда все было намного проще. Джефф Симмонс будто уловил запах маминых духов, которыми она больше не пользовалась, и на секунду его коснулось ощущение прежней безмятежности и счастья. Он вспомнил, как лежал на кровати и читал компьютерные журналы, ожидая возвращения отца.

– Все в порядке, родной? – своим вопросом мать вернула его в настоящее.

Джефф Симмонс хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Если бы он только мог сказать матери правду, может, она смогла бы помочь. Например, сказать сыну, что он совершил очень серьезную ошибку, но из этой ситуации есть выход, и он может остановиться, и на остров ему возвращаться не нужно.

Джефф все-таки хотел сказать – в последний раз, – что любит ее, но эти слова не давались ему, поэтому он коротко ответил:

– Все хорошо, мама.

– Это замечательно, сынок, – обрадовалась она. – Прекрасно.

Джефф Симмонс подождал, пока закроется входная дверь, и только потом вышел из комнаты. Мать оставила обед в холодильнике, он съел его за кухонным столом, а потом запил стаканом молока. Он не волновался перед следующим преступлением. Психологически Симмонс готовился убивать в течение многих лет, и хотя поначалу, когда первой он схватил миссис Ллойд, у него были сомнения, теперь он научился быстрее избавляться от них.

Он был абсолютно справедлив. Миссис Ллойд заслуживала смерти, как и отец Маллиган, как и Форестеры. Эти люди отняли и

разрушили его жизнь, но он мог покончить с ними и этим искупить вину отца.

И все же он не мог препятствовать появлению ощущения пустоты в животе и груди.

Он с самого начала знал, что будет испытывать моменты неуверенности в себе, и сейчас ему пришлось снова бороться с беспокойством.

«Это не конец, а начало», – сказал себе Симмонс, в последний раз выходя из дома.

Джефф, безмятежно насвистывая, вел фургон в Уорлбери. Он двигался в потоке машин, как в замедленной съемке, и единственным звуком, который слышал, был собственный пронзительный свист. Он обнаружил, что припарковался у дома Форестеров и не заметил, как проехал последние километры пути.

У него было всего три часа, чтобы сделать работу и вернуться на старый пирс до того, как закончится прилив. Из задней части фургона Симмонс достал сумку с инструментами и направился к входной двери Форестеров. Он не стал передумывать.

Ответила миссис Форестер. Женщина всегда вела себя так, словно она важнее всех остальных, и Джефф Симмонс должен был знать, что в тот раз, когда он пришел поговорить с мистером Форестером об увиденном, его жена выкинет его на улицу. Что ж, теперь она его не прогонит. Миссис Форестер фальшиво улыбнулась, ее губы растянулись, но лицо не потеплело, когда пожилая женщина попыталась вспомнить, где видела Джеффа раньше.

– Здравствуйте, миссис Форестер, – произнес он, отметил долю секунды узнавания и страха, когда женщина поняла, кто перед ней, и только потом опустил металл на лицо.

Симмонс втолкнул ее внутрь и закрыл дверь. Из дальнего конца коридора он услышал голос мужа этой женщины, своего бывшего директора, и позволил миссис Форестер соскользнуть на пол. Джефф был готов к нападению.

Только этого не произошло. Вместо того чтобы помочь жене, трусливый супруг попытался сбежать через задний сад. Джефф положил находившуюся без сознания миссис Форестер на бок и двинулся по коридору.

Мистер Форестер скребся в дверь оранжереи. Его руки так сильно дрожали, что он не мог повернуть ключ в замке.

– Чего тебе надо? – крикнул бывший директор.

– Теперь все кончено, мистер Форестер, – произнес Джефф и положил руку ему на плечо.

Глава тридцать четвертая

– Ты в порядке, Лу? – спросила Трейси и поставила кофе на стол.

– Ты слышала?

– О твоих разногласиях с Робертсоном? Я думаю, об этом слышал весь участок, если не весь город.

– Я не знаю, что делать, Трейси. Думаю, они собираются передать дело в МПТ.

Трейси знала историю и то, насколько противоречивым было решение МПТ против нее. После отъезда Луизы Финчу удалось перевести в другие отделы еще трех членов команды, которые заступились за нее.

– У нас все еще есть этот персонаж, отец Ланеган. Мы продолжаем делать свою работу, пытаемся найти его, и у нас все еще есть шанс.

– Спасибо, Трейси.

Трейси остановилась в дверях.

– Я дам тебе немного времени.

Луиза не была слабой, но не могла заставить себя продолжать работать, когда дело, скорее всего, отнимут у нее в ближайшие несколько часов.

«Как работать в этом странном городе, – подумала она, – если каждое приличное дело будет заканчиваться в МПТ. В чем тогда смысл моей работы?»

Все смотрели на Блэкуэлл, когда она выходила из офиса. Внизу офицеры в форме и горстка гражданских этого района, казалось, смотрели на нее так, будто знали, что происходит. Снаружи она с радостью встретила порыв холодного воздуха, почувствовала отдаленный запах моря и услышала какофонию чаек, кружащих в небе над ней.

Было легко сдаться, уехать из города навсегда, но она не позволит им снова растоптать себя. Луиза продолжит работать над этим делом, пока ей не прикажут остановиться. На данный момент она хотела одного – найти Ричарда Ланегана.

Сначала инспектор собиралась вернуться в дом Форестеров. Мистер Форестер упомянул имя Ланегана, когда она расспрашивала их о пожаре. Тогда у инспектора было чувство, что они многое скрывали, и теперь хотела приехать без предупреждения и расспросить их подробнее.

Сейчас было так же темно, как и утром, когда Блэкуэлл только вышла из коттеджа. Вот такая зима в приморском городе, сезон безжалостной тьмы и теней. «Весело тут, ничего не скажешь», – пробормотала она себе под нос и остановила машину. В зеркале заднего вида на Луизу уставились мигающие огни скорой помощи, за которыми последовал вой сирены полицейской машины. Она позвонила и узнала, что совсем недалеко отсюда произошло ДТП.

Машина перед ней двинулась вперед, инспектор развернулась и направилась обратно тем же путем, каким и приехала, пока не нашла поворот, который привел к обратному маршруту в Уорлбери. У нее заурчало в животе, когда она проезжала мимо местного магазина рыбы и чипсов. Она ничего не ела с самого утра, если не считать черствого круассана, но сейчас на перекус не было времени. Звонок от Морли мог раздаться в любую секунду, и мысль о том, что Финч возьмет верх, сразу подавила ощущение голода.

Несколько водителей приняли такое же решение, поэтому она застряла еще на двадцать минут на вершине холма Уорлбери. Но вот движение начало восстанавливаться, и Блэкуэлл повернула к Форестерам.

Она не заметила свободных парковочных мест вдоль Форестерс-роуд и была вынуждена припарковаться через две улицы. Луиза вышла из машины ровно в ту секунду, когда облака разверзлись. Порывы ледяного ветра с дождем сбивали с ног, и зонтик был почти бесполезен. Она добралась до дома, промокнув насквозь уже на полпути к нему.

Блэкуэлл постучала во входную дверь и обнаружила, что та открыта.

Глава тридцать пятая

Джефф наблюдал, как женщина-полицейский приближается к дому под проливным дождем. Нападение лишило его сил. Он провел последние несколько минут в фургоне. Образы убитых им мистера и миссис Форестер отпечатались в памяти. Его кожа и одежда все еще были скользкими от их крови.

Он прокрутил в памяти, как сначала коснулся плеча бывшего директора, а тот начал сопротивляться и устроил настоящую драку. Конфликт вывел Джеффа из себя. Едва Симмонс усмирил мистера Форестера, как на глаза словно опустилась кровавая пелена. Даже сейчас воспоминания о следующих нескольких минутах затуманены. Он убивал пару с остервенением, которого никогда раньше не испытывал, но дело получилось дрянным и непрофессиональным. Разрезы на лодыжках он сделал поспешно и недостаточно точно. Он все еще слышал, как хрустнула кость миссис Форестер, когда гвоздь раздробил ей лодыжку. Ее крики сквозь кляп во рту тоже еще стояли в ушах.

В конце концов, Симмонс просто хотел покончить с этим делом. Он пока не мог заставить себя уйти. Женщина-полицейский разговаривала по телефону, пройдет несколько минут, и ее коллеги присоединятся к ней и узнают, что он для них оставил. Так почему же он не двигался с места?

Симмонс съезжился на сиденье. Женщина осматривала улицу сквозь хлещущий дождь и не торопилась войти в дом.

«Как легко было бы последовать за ней», – подумал он.

Женщина будет безоружна, а на его стороне сила и внезапность.

Будет ли иметь значение одно лишнее тело? Эта женщина не заслуживала смерти, но она явно ему мешала. Да, он рискнул бы, но мог ли он рискнуть, оставив ее в живых?

Мысли Джеффа обратились к отцу и к тому, что он должен был для него сделать. Пленник все еще ждал на Крутом Холме, и Джефф не хотел поставить под угрозу шансы на возвращение.

Луиза протиснулась в дверь и почувствовала смрадную смесь запахов крови, экскрементов и пота. У Блэкуэлл вместо пистолета

были только перцовый баллончик и выдвижная дубинка. Несколько секунд глаза инспектора привыкали к красной завесе, когда она вошла в гостиную. Свет в гостиной так падал на забрызганные кровью трупы Джанет и Натана Форестеров, что возникала иллюзия, будто они сами были источниками света. Веревки связывали пару вместе. Их выпученные безжизненные глаза смотрели на Луизу, словно в шоке.

Луиза больше не вторгалась на место преступления. Она осмотрела комнату и старалась не заикливаться на искалеченных ногах пары. Справа от гостиной находилась кухня, и она пробралась туда вдоль стен. Инспектор на всякий случай держала перед собой перцовый баллончик.

Скорее всего, убийца давно ушел, но Блэкуэлл медленно вернулась в коридор и решила подняться по лестнице. Она все время напоминала себе, что это не фермерский дом Уолтонов.

Сладкий, тошнотворный запах, смесь ароматических добавок и дезинфицирующего средства ударил в нос Луизы, едва она открыла дверь ванной. Луиза отступила. Белые фарфоровые раковины и ванну испещряли следы крови. Неужели убийца был настолько спокоен, что у него хватило самообладания и времени смыть кровь перед тем, как покинуть дом?

Она проверила другие комнаты на верхнем этаже, остановилась на лестничной площадке и вдруг услышала, как со скрипом открылась входная дверь.

Джефф отъехал за несколько секунд до того, как на улице раздался вой сирен. О чем, черт возьми, он думает? Словно хочет, чтобы его поймали! Женщина-полицейский не была частью плана, одной из пяти жертв, и все же у него возникло желание повторить то же самое с ней. Какая-то его часть хотела снова насладиться ощущением металла, проходящего сквозь плоть и кости, и он не совсем понимал своего возбуждения, когда ехал к старому пирсу.

На парковке Джефф переоделся в задней части фургона. Он наслаждался запахом с металлическим привкусом, которым пропиталась снятая одежда. Теперь не имело значения, оставит ли он

ее в фургоне. К тому времени, когда они обнаружат машину и проверят, что находится внутри, все будет кончено. Тем не менее рисковать не имело смысла, поэтому он завернул одежду в черный пакет для мусора, запихнул в рюкзак и направился к пирсу.

Дождь все еще шел, а маленький магазинчик у подножия пирса давно закрылся. Никто в здравом уме не вышел бы на улицу в такую погоду. Джеффу это пришлось на руку. Железные ворота, сверху обвитые пружинами колючей проволоки, преграждали вход на пирс, но существовал легкий путь – вокруг волнореза. До тех пор, пока он будет твердо стоять на ногах и крепко держаться за перила, все будет хорошо. Теперь он находился так близко к цели, что казалось несправедливым потерпеть сейчас неудачу.

У погоды было другое мнение. Ветер перерос в шторм, новый порыв едва не сорвал с него плащ, и руки соскользнули с перил.

– Не сейчас! – закричал Джефф Симмонс, но его слова затерялись в гуле штормового ветра. Левая нога маньяка подкосилась.

Фаррелл вошел первым. Он вытянул дубинку и объявил о своем присутствии. Луиза сдвинулась с верхней площадки лестницы.

– Не заходи дальше, Грег, – сказала она.

Сержант даже подпрыгнул.

– Господи, шеф, вы меня до смерти напугали. Все в порядке?

– Два тела вон там, – сказала инспектор и указала на дверь гостиной. – Запри входную дверь. Я не хочу, чтобы до прибытия криминалистов здесь наследил кто-то другой.

В течение нескольких минут район был закрыт, а аварийные службы выстроились вдоль улицы. Луиза не обращала внимания на дождь. Ее одежда уже промокла. Блэкуэлл была просто рада выйти из дома и оказаться на улице, на холодном свежем воздухе.

Чудовищность ситуации поразила Луизу, когда она увидела, что подъехал старший инспектор Робертсон. Она познакомилась с Форестерами в субботу, и теперь, сорок восемь часов спустя, семейная пара стала жертвами убийцы. Как долго еще Луизе ловить этого человека? Если бы не дорожно-транспортное происшествие в

Милтоне, она могла бы приехать на тридцать минут раньше. Тогда что? Смогла бы она успешно задержать убийцу или стала бы еще одной его жертвой?

– Как вы, Луиза? – спросил Робертсон и протянул ей второй зонт, который захватил для нее.

– Спасибо. Я в порядке. Я дико расстроена, что не пришла сюда раньше.

– Не нужно об этом беспокоиться, – старший инспектор сделал паузу и потом продолжил: – Во-первых, почему вы сюда приехали?

– Я собиралась еще раз расспросить Форестеров о Ланегане, – объяснила она и стала изучать реакцию начальника, насколько это было возможно в полумраке проливного дождя. – Смерть Форестеров наводит на мысль, что моя теория верна.

Судя по увиденному в гостинной, Форестерам нанесли третью и четвертую раны на лодыжках, так что следующие несколько часов станут решающими в поимке убийцы.

Робертсон кивнул, но ничего не сказал. Он вошел внутрь – осмотреть место преступления.

Час спустя прибыл помощник главного констебля Морли в сопровождении старшего инспектора Финча.

Время, казалось, замедлилось, когда пальцы Джеффа изо всех сил пытались ухватиться за перила. Симмонс нашел опору и подтянулся обратно. Он отошел от стены и сгорбился. Удары сердца были такими же громкими, как звук дождя, бьющего по плащу. Джефф Симмонс рассмеялся, ведь он легко мог угодить в быстро бегущие волны, а не перепрыгнуть через последний барьер и взобраться на прогнившие деревянные доски старого пирса.

Шторм был теперь настолько силен, что толкал его назад, будто невидимой рукой. Ноги Симмонса скользили по грязному дереву. Под ним волны разбивались о ржавые опоры и создавали впечатление, что пирс больше не закреплен и его сносит прилив. Насквозь промокший Джефф достиг желанного укрытия в конце пирса, но оно не давало никакого тепла.

Симмонс дрожал. Он вышел за двери старой станции спасательных шлюпок на бетонную платформу, где оставил лодку. Только лодки там больше не было.

Глава тридцать шестая

Луиза никогда не видела участок таким оживленным. Главная приемная была забита гражданскими лицами и офицерами как в форме, так и в штатском. Некоторые из них относились к местным жителям, некоторых Луиза знала по MIT. Огромное количество людей в сочетании с гиперактивной системой отопления создало в комнате жаркую и душную атмосферу. Блэкуэлл чувствовала в воздухе запах пота. Он липнул к ее коже, как запах крови и телесных отходов из дома Форестеров. Большинство людей, как и Луиза, были насквозь промокшими. Кожу покалывало от перепада температуры, и ей просто хотелось раздеться и принять долгий горячий душ.

В оперативном штабе происходили не менее активные действия. Все взгляды обратились к Луизе, едва она вошла. Такое внимание напомнило ей о последствиях дела Уолтона. На Блэкуэлл смотрели со смесью благоговения, жалости и злорадства, в зависимости от точки зрения конкретного человека.

Инспектор игнорировала всех, кроме Трейси, кивнувшей ей в знак поддержки.

Инспектор оставалась в доме Форестеров до тех пор, пока не сделали фотографии и видеозаписи и не закончили свою работу криминалисты. Потом Блэкуэлл изучила трупы вместе с Демпси. Было похоже, что маньяк действовал в припадке ярости. Пара лежала в луже крови, которая, казалось, растеклась по всей комнате. У Джанет Форестер была тупая травма головы. Она, по мнению Демпси, стала причиной ее смерти и была нанесена после того, как зверски изувечили ее ноги и лодыжки. Натан также, видимо, был в сознании, когда ему кромсали ноги. Демпси указал на разорванные ткани и мышцы в месте, где перерезали переднюю большеберцовую артерию Натана. Он измерил колотые раны на остатках лодыжек Форестеров и пришел к выводу, что их форма и размер соответствуют ранам, найденным на запястьях Вероники Ллойд и отца Маллигана.

Луиза пыталась игнорировать присутствие Морли и Финча. Они определенно прибыли на место преступления в спешке и держались от Блэкуэлл на расстоянии. Они разговаривали с криминалистами и

другими офицерами, проводившими расследование, и Луиза отметила, что оба вели себя так, словно все это время являлись частью команды. Теперь Морли и Финч ждали Луизу в кабинете Робертсона, начальник же департамента исчез вскоре после их прибытия. Блэкуэлл коротко поговорила с ним сразу после возвращения в участок, и Робертсон показался ей раздраженным, будто каким-то образом это последнее событие было виной его подчиненной.

Луиза опустила жалюзи в своем офисе, переделалась в сухую одежду и села за стол. Она готовилась к тому, с чем ей предстоит столкнуться. В прошлом инспектор подумала бы, что они не посмеют отстранить ее от дела, но горький опыт сделал ее более реалистичной. В полиции существовала строгая иерархия. Им не нужно было объяснять Блэкуэлл причину, каковы бы ни были ее возражения. Все, что Луиза могла сделать, – изложить точку зрения и постараться не раздражаться. Она сожалела о недавней ссоре с Робертсоном. Он всегда был на ее стороне, и ее вспышка по поводу Финча, какой бы оправданной она ни была, не пошла на пользу их отношениям, а ведь сейчас она нуждалась в его поддержке больше, чем когда-либо.

Робертсон вернулся и постучал в ее дверь.

– Я на месте, – произнес он.

– Сэр.

Робертсон остановился, он будто проигрывал в голове предназначавшиеся ей слова.

– Луиза. Послушайте, что они скажут, – после короткой заминки посоветовал он с явным предупреждением.

Луиза кивнула и последовала за начальником в кабинет.

– Инспектор Блэкуэлл, – начал Морли, входя вслед за Робертсоном. – Ну и ночка выдалась.

– Да, сэр.

Луиза села рядом с Финчем. Она почувствовала знакомый запах его лосьона после бритья и ощутила тошноту, поскольку вспомнила, какими близкими они были когда-то.

Все ее внимание переключилось на Робертсона. Блэкуэлл никогда не видела, чтобы ее начальник чувствовал себя так неловко, как в этот момент, особенно в собственном кабинете, и ей стало интересно, что же такое Морли успел сказать ему.

– Луиза, я пересказал все ваши замечания о расследовании и о причине запланированной вами сегодняшней встречи с Форестерами. Вы можете изложить нам свою версию?

В вопросе не было скрытого обвинительного тона, и Робертсон опустил глаза, как только закончил, словно давал понять, что находится под давлением.

Луиза помолчала. Морли и Финч хотели отстранить ее от дела, и проявление любого гнева или неподчинения только ускорило бы этот процесс. Она спокойно рассказала им о расследовании от начала до конца, будто читала лекцию классу стажеров. Морли остановил инспектора, когда она рассказывала о поездке в Корнуолл.

– Вы проделали весь путь до Сент-Айвза? – спросил он с неохотой, но под впечатлением.

– Я не смогла получить никаких конкретных ответов от их участка, поэтому взяла дело в свои руки.

Инспектор рассказала о Ланегане и о связи Форестеров с ним.

– Получается, вы уже говорили с Форестерами? – спросил Финч и наклонил голову, словно удивленный собственным откровением.

– Да.

– Так зачем вам нужно было снова с ними увидеться?

Луиза выдержала взгляд Финча. Она удивлялась, как можно ненавидеть человека так сильно, как она ненавидела его в этот момент.

– Форестеры фактически привели меня к Ланегану. Я была уверена, что во время моего первого визита они что-то скрывали, и после разговора с Эйлин Босуэлл мне захотелось бросить этой паре вызов.

– Если бы вы только пришла на час раньше, – отметил Морли.

– Сэр! – только и произнесла Луиза. Она не могла скрыть презрения к заявлению помощника главного констебля.

Морли и Финч ходили туда-сюда. Они обсуждали проблемы и то, как она вела дело.

– Похоже, утверждение монсеньора Эшли о пяти ранах верное, – заметила Луиза. – Значит, будет еще одна жертва.

– Нам нужно поговорить с этим Эшли, – резюмировал Финч, будто теперь он был главным.

Луиза проигнорировала реплику Тимоти.

– Я поговорю с ним еще раз, но на данный момент Ланеган остается нашим приоритетом. Если мы найдем его, то обречем либо убийцу, либо пятую жертву.

Последовала естественная пауза. Морли жестом показал, что собирается заговорить.

– Я обсудил этот вопрос со старшим инспектором Робертсоном и посчитал разумным оставить вас старшим следователем по этому делу, инспектор Блэкуэлл.

Луиза никак не отреагировала, а только заметила, как на лице Робертсона появилась едва заметная улыбка. Было бы преступлением отобрать у нее это дело, но она опасалась, что помощник главного констебля поддерживает ее исключительно на словах.

– Однако, – продолжил Морли, – у меня нет другого выбора, кроме как привлечь старшего инспектора Финча и МПТ. Это дело слишком громкое, и нужно использовать наш опыт. Две команды приступят к совместной работе незамедлительно, – добавил он, словно этого еще не произошло.

– Вы уверены, что сможете продолжать дело, Луиза? – спросил Финч.

Он хотел в невыгодном свете представить ее перед начальством, и Луиза прекрасно это видела.

– Что вы имеете в виду?

– Это ужасный случай, и, как вы признали, если бы вы пришли туда на час или даже чуть раньше...

– Позволь мне остановить тебя, Тим, – строго прервал его Робертсон.

Луиза оценила замечание босса. Финч был прекрасным манипулятором. Под предлогом беспокойства он намекал, что Блэкуэлл слаба и плохо подготовлена для ведения этого дела, и почти обвинял ее в смерти Натана и Джанет Форестер. Блэкуэлл не сомневалась: он упомянул бы Уолтона и свой искаженный взгляд на события, если бы не боялся ее реакции. Полнейший абсурд, что Морли позволил им работать вместе, и ни одному из них не принесло бы пользы упоминать сейчас Уолтона.

– Все в порядке, Йен. Я уверена, Тим не предполагает, что я виновата в смерти мистера и миссис Форестер. Верно, Тим?

– Конечно нет, – процедил Финч.

– Хорошо. Тогда, при всем уважении, думаю, что ваш вопрос излишен. Как и вы, я офицер полиции. Я привыкла к таким местам преступлений, и сейчас мой приоритет – найти убийцу. Итак, это все, джентльмены?

– Спасибо, инспектор, – поблагодарил Морли, и Луиза вышла из кабинета.

Блэкуэлл удалось добраться домой лишь к двум часам ночи. После позднего ухода Морли и Финча Робертсон в качестве извинения достал бутылку односолодового виски. Капля огненной жидкости попала в кровь, будто ее впрыснули прямо в вены. Вскоре после этого Луиза ушла, ее одолевал сон.

Дома она налила рюмку водки из холодильника и выпила одним глотком, как горькое лекарство. Финч не рискнул бы сейчас писать ей сообщения. Зачем ему это, когда можно открыто провоцировать ее в офисе?

Перед сном Луиза обновила «доску убийств», добавила фотографии Форестеров и поставила знак вопроса рядом с зернистой фотографией Ланегана.

Если Ланеган – убийца, то каким был его мотив? Если ему суждено было стать последней жертвой, то где же Ланеган находится? Вопросы досаждали ей, кружились в голове и сопровождали воспоминания о сцене в доме Форестеров, пока свист холодного воздуха, проникающего через узкие щели в окнах ее спальни, наконец, не убаюкал ее.

Глава тридцать седьмая

Джефф глядел на пенящиеся волны и не верил своим глазам. Он приковал лодку цепью к стальным балкам выше уровня прилива. Море не могло ее забрать. Симмонс покачивался под натиском проливного дождя. Одежда уже промокла насквозь, и он думал о том, что делать дальше. Меньше всего Симмонсу хотелось ползти обратно по пирсу, но и оставаться в этом месте до утра он не мог. Даже если его не настигнет переохлаждение, лодка сама по себе не появится.

Он слишком хорошо осознавал себя, даже *в крайних случаях*, поэтому сделал вывод, что это было некое испытание.

«Проблема, с которой я столкнулся – чистое невезение», – подумал он, как только свет ударил ему в глаза.

– Думал, это какие-нибудь дети. Вам должно быть стыдно, – заметил коренастый незнакомец, держащий фонарь перед собой, как пистолет.

– Что вы имеете в виду? – спросил Джефф, ошеломленный сюрреалистическим видением.

– Я наблюдал за вами, – ответил незнакомец. Его фонарь был направлен чуть ниже глаз Джеффа.

– Следили за мной? – спросил Джефф, опасаясь худшего.

– Обращаетесь с этим местом как со своим чертовым причальным столбом. Вам должно быть стыдно.

Знал ли этот человек, где он был и почему?

– В чем проблема?

– В чем проблема? Вы что, не умеете читать? Повсюду развешаны таблички «Посторонним вход воспрещен». Во-первых, как вы сюда попали?

– Я перелез.

– Вот именно. А если с вами что-нибудь случится? Мы повесили таблички не просто так. Для защиты. Пару месяцев назад у нас здесь была компания подростков, захваченных приливом. Экстренным службам пришлось рисковать, доставляя их в безопасное место.

«Он просто зануда», – подумал Симмонс, поняв, что перед ним сторож – человек, чьим главным интересом были вопросы охраны

состояния и безопасности ветхого сооружения.

– Где моя лодка? – спросил Джефф.

Сторож поднял фонарь повыше и на мгновение ослепил Джеффа, когда доставал что-то из кармана пальто.

– Не беспокойтесь, – заметил он и поднес телефон к уху.

– Да что вы делаете?

– Звоню в полицию.

Джефф вздрогнул. Адреналин начал спадать, а холод от мокрой одежды пробирал до костей.

Он не был готов к такому повороту событий и не знал, как реагировать.

– Пожалуйста, не надо. Я уверен, мы сами сможем во всем разобраться.

Мужчина покачал головой. Он не собирался прислушиваться к словам Джеффа.

– Уже поздно...

Симмонс не мог позволить незнакомцу сделать этот звонок. Тогда – конец. Причина всего, каждого поступка, ждала на острове. Ланеган должен быть принесен в жертву. Нужно нанести *пять* ран.

Сначала Симмонс сказал себе, что не хочет причинять боль этому человеку, но незнакомец не думал отступать. Симмонс рванул, пытаясь выхватить телефон, и врезался в грудь мужчины. Фонарь закружился в воздухе и высветил замешательство на лице этого человека. Его голова ударилась о неровный бетон. Звук напомнил Джеффу о зубах Джона Мейнарда, бьющихся о металл. Фонарь приземлился рядом со сторожем. Джефф увидел перемену в глазах мужчины, когда несколько раз ударил его затылком о камень – неистово, с нарастающим ритмом и интенсивностью – далеко за пределами той точки, когда уже можно было остановиться. Некоторое время спустя человек, оказавшийся новой жертвой, затих. Его спутавшиеся волосы были мокрыми от крови и мозгового вещества. Джефф будто очнулся и откинулся на пирс.

Что он наделал? С миссис Ллойд, отцом Маллиганом и Форестерами он все спланировал заранее. Каждое убийство было необходимо, но этот человек – *Боже милостивый, я даже не знаю имени бедняги* – совершенно невинный. Да, Симмонс убил его из чувства самосохранения, из потребности закончить то, что начал, но

он признавал, что часть его, часть, полностью отделенная от действия, наслаждалась происходящим. Это была совсем другая радость, чем та, которую он испытывал раньше. Грубая и дикая. Даже сейчас его тело сотрясалось от власти, которую он имел над незнакомцем.

Но было и унижение, чего он не испытывал с другими жертвами. Глядя на безжизненное тело, на лицо мужчины, теперь неузнаваемое, Джефф Симмонс почувствовал сожаление, которое он попытался развеять криком, заглушённым бушующей под ним водой.

Лодка находилась на старой станции спасательных шлюпок. Она пряталась под листом пластика. К счастью, судно стояло на небольшой тележке, однако Симмонсу пришлось задуматься, сам ли сторож затащил на нее лодку. Если ему помогли, то кто-нибудь мог ждать его возвращения.

Пальцы Джеффа окоченели от холода, когда он подтягивал лодку к началу причала. У Симмонса оставалось всего тридцать минут, но его отвлек вид трупа. Он не мог оставить его здесь, тело нужно брать с собой. Сняв лодку с тележки, он понял: придется потрудиться, чтобы спустить лодку на воду вместе с погруженным в нее трупом.

Джефф Симмонс подул на сложенные чашечкой ладони. Он отчаянно нуждался в тепле. Усталые легкие издавали сипение, дыхание сбивалось. Джефф закашлялся, когда взваливал мертвое тело на плечи. Что-то стекало по его груди. Симмонс пошатывался, неся останки человека к лодке, а затем упал, уронив в нее труп. Шея жертвы зацепилась за металлический край лодки и хрустнула, остальная часть тела скользнула внутрь.

Джефф постарался отмыться от крови, наклонившись к луже дождевой воды. Если ему повезет, пройдут дни, а может быть, и недели, прежде чем этот район проверят.

Труп занял почти все пространство внутри лодки. Секунду Джефф стоял над ней, абсурдность творившегося вокруг вызвала в нем смех. Он не знал, сможет ли спустить лодку с причала. Он рисковал повредить корпус, и тогда все было бы напрасно.

Симмонс ухватился за борт лодки, металлический обод которой был холоден как лед, спустил лодку вниз и запрыгнул в нее. Лодка соскользнула в море. Приводнение отбросило Джеффа назад, и он оказался лицом к лицу с жертвой. Маньяк закричал в искаженное лицо трупа. Грязная морская вода заливала их, когда лодку дико болтало возле причала. Джефф ухватился за тело в качестве опоры, выпрямился и обрел равновесие.

Волны катили лодку к окружающим скалам, но, к удивлению Джеффа, подвесной мотор завелся сразу.

Труп, казалось, улыбался ему. С отвалившейся челюстью незнакомец напоминал клоуна из фильма ужасов. Джефф представил себя на лодке на всю оставшуюся жизнь и в качестве своего единственного спутника – эту жутко улыбающуюся куклу. Симмонс прощался с Уэстоном. Яркие огни на набережной приглушались дымкой черных облаков, накрывающих полуостров, как саван.

Переправа к Крутому Холму была рискованной. Волны поднимались на несколько метров. Симмонс кричал от отчаяния в ночной воздух и едва не захлебнулся. Соль щипала глаза, а горло саднило, когда он боролся с сильным течением. Двигатель лодки натужно стонал, Симмонс выжал из него все, что мог, и, наконец, направил лодку к причалу на острове. Только потом он заглушил двигатель, схватился за швартов и закрепил лодку.

Ни на секунду не задержавшись на борту, он спрыгнул с трапа, поскользнулся на причале и приземлился на правый локоть. Джефф лежал так неопределенное время, а на него падали дождь и морская вода.

«Как легко соскользнуть отсюда в море», – подумал он и закрыл глаза, слишком измученный, чтобы двигаться.

Глава тридцать восьмая

Свист ветра в оконных щелях разбудил Луизу. Она сомневалась, что окна в ее коттедже меняли со времени его постройки где-то в восьмидесятых. Инспектор отметила необходимость связаться с домовладельцем по этому поводу. Она видела, как дыхание затуманивается перед ней, и с ужасом думала о том, что надо покинуть теплую постель. Луиза зарылась в одеяло, не обращая внимания на мочевой пузырь, и прокрутила в голове сны – абстрактные видения убийств Форестеров, смешанные с ясными воспоминаниями о ночи, когда она убила Уолтона. Ее разум уже перевозбудился.

Она прямо в одеяле прошаркала в ванную и облегчилась. В гостиной она включила газовый камин и сидела, как зомби, пока наполнялся кофейник. «Доска убийств» нависла над ней, а имена и фотографии, казалось, имели власть. Луиза еще не полностью осознала, что случилось с Форестерами, но вспомнились слова Финча:

«Если бы вы приехали туда всего на час или чуть раньше...»

Запищал кофейник, и Блэкуэлл налила свою первую чашку за день.

Логика подсказывала, что вывод Тимоти был чепухой, – она никак не могла нести ответственность за смерть Форестеров, – но наедине с собой сложно было уйти от ощущения, что, заблуждаясь, Финч был прав. Если бы она добралась до их дома раньше хотя бы на полчаса, то смогла бы не только спасти семью Форестеров, но и задержать убийцу.

«Если бы да кабы», – всплыли в памяти слова отца. Луизу разобрал смех, и она чуть не выплюнула кофе на пол гостиной.

Луиза вышла через тридцать минут и встретила у дома мистера Торнтона.

– Доброе утро! Рано же вы встали, – сказала она неприветливому мужчине, у которого, казалось, был нескончаемый запас продуктов для переработки.

– Доброе утро. Кто рано встает, тому Бог подает, – ответил сосед с подобием улыбки.

– Хорошего дня, – кивнула Луиза и села в машину. Жена Торнтоня умерла пять лет назад, и она предположила, что одиночеством можно объяснить его угрюмые манеры. Блэкуэлл подумала об Эйлин Босуэлл в Корнуолле, о ее одиноком существовании без сына и внуков. За тот небольшой промежуток времени, проведенного с ней, Луизе показалось, что Ланеган стал жизнью Эйлин. Уборщица жила ради еженедельных визитов в его дом, и Луизе было небезразлично, что станет с Эйлин, если они никогда не найдут старого священника.

Луиза не успевала в «Калимеру», да и кофе она выпила предостаточно. Инспектор поехала прямо в участок. Она мысленно вздохнула, увидев Финча, стоящего в кабинете Робертсона. Его костюм в тонкую полоску плотно облегал широкие плечи. Запах лосьона после бритья застыл в воздухе наподобие освежителя, как будто он распылил его по комнате, метя свою территорию.

Луиза не обратила на него внимания и направилась прямо в офис. Утренний брифинг планировался через тридцать минут, и перед его началом инспектор хотела еще раз прочитать о пяти святых ранах. Предсказание монсеньора оказалось верным. Четыре из пяти ран, полученных Иисусом на кресте, нанесли во время убийства жертв: Веронике Ллойд – в правое запястье, отцу Маллигану – в левое, Форестерам – по лодыжкам: Джанет слева, Натану справа. Оставалось только вонзить в бок копьё. Лежал ли где-нибудь Ланеган, убитый кинжалом? Или держал кинжал, приближаясь к последней жертве?

На брифинге Луиза повторила исследование, игнорируя недоверчивые взгляды Финча и кучки офицеров, которых он привел с собой из главного офиса.

– Хочу познакомиться с этим Эшли, – повторил Финч, перебивая Луизу Блэкуэлл.

Она проигнорировала его слова и поймала взгляд Трейси. Подруга кивнула в знак поддержки. Инспектор продолжила:

– Все должно быть сосредоточено на Ланегане и его связи с четырьмя жертвами. Если он убийца, то почему хотел, чтобы они все умерли? Если он следующая жертва, то почему? Существует связь между жертвами, например в церкви Святой Бернадетты, но мы упускаем еще кое-что.

Все знали о пожаре, но инспектор не стала настаивать. Луиза опасалась, что это прозвучит как одержимость. Она могла бы сама продолжать расследование в этом ключе.

Через десять минут после брифинга Финч вошел в кабинет.

– На пару слов, Луиза, – сказал он, закрыл дверь и сел напротив нее.

Инспектора охватило чувство клаустрофобии. Он поймал ее в ловушку в собственном кабинете. Присутствие Тимоти Финча наполнило воздух фантомным запахом резиденции Уолтонов, и на секунду она снова оказалась в ней, слыша требование Тимоти нажать на курок.

– Чего ты хочешь, Финч? – наконец спросила она.

– Монсеньор Эшли...

– А что с ним не так?

– Как уже говорил, я хотел бы встретиться с этим человеком.

Луиза чуть не хихикнула. Она должна была отдать должное Финчу. Вот он здесь, сидит в кабинете инспектора и ведет себя так, словно ничего не случилось. Можно подумать, он не разрушил ее карьеру и не посылал анонимные текстовые сообщения почти каждую ночь. Редкие психопаты могли вести себя подобным образом, и все же он был здесь. Фактически Тимоти Финч возглавлял дело о серии убийств, а ведь он вообще не имел права работать в полиции.

– Он *мой* контакт, Тимоти, – сказала она с нажимом, используя полное имя Финча, которое, как она знала, он ненавидел.

Тимоти Финч смог лишь частично скрыть недовольство. Луиза Блэкуэлл разглядела это в его глазах, в легком подергивании уголка губ и была рада, что все еще может осадить Финча.

– Он потенциальный свидетель, Луиза. Разумно, если бы с ним поговорил кто-то другой.

Тимоти прав, но от этого не стало легче. Отбросив личное, она сообщила Финчу подробности о монсеньоре.

– Ну, выходит, не так уж и сложно, – ухмыльнулся Финч и вышел из кабинета Блэкуэлл.

Как это случилось? Чуть больше недели назад ее самыми насущными мыслями о Финче были навязчивые сообщения и постоянные сны о ферме Уолтонов. Вот теперь он находился здесь.

Тимоти не мог довольствоваться тем, что доставал ее издалека, и поэтому каким-то образом сумел втереться в ее новую жизнь.

Инспектор пыталась отгородиться от Финча. Она проверила дневник и отметила, что отставной полицейский Бенджамин Фарнхэм вернулся из отпуска прошлой ночью. Может, у Фарнхэма имелись недостающие ответы по этому делу? Вдруг он мог объяснить, что именно произошло во время пожара в церкви Святой Бернадетты?

Инспектор вышла из кабинета, стены которого с приходом Финча казались теснее, а потолок ниже, и направилась к Томасу. Она подождала, пока тот закончит телефонный разговор. Он выглядел усталым и неопрятным. Луизе следовало поговорить с ним о жене и нынешних условиях его жизни, но на это не было времени. Луиза задалась вопросом, встречался ли Томас с Трейси, но тут же прогнала эту мысль, как всегда обеспокоенная, что ее тревога была личной и не имела отношения к делу.

– Луиза, – поздоровался Томас, вешая трубку.

– Доброе утро, Томас. Этот отставной офицер, Фарнхэм, вернулся из отпуска.

– Да, я помню. Может, мне сейчас позвонить ему? Я собираюсь уйти с Трейси и снова поговорить с некоторыми прихожанами Святой Бернадетты.

Луиза понимала усталость, очевидную в том, как Томас сказал «снова», но такова была реальность современной полицейской работы.

– Позвони ему сейчас, скажи Бенджамину, что я сама к нему подъеду.

Он позвонил, и инспектор услышала записанное на автоответчик сообщение.

– Он вернулся вчера поздно вечером. Наверное, еще спит, – обронил Томас.

– У тебя есть его адрес?

Томас нажал несколько клавиш на клавиатуре, и принтер рядом с ним ожил.

– Вот, пожалуйста.

– Все в порядке, Томас?

– Конечно. А почему вы спрашиваете?

– Это не мое дело, но ты выглядишь...

– Позвольте вас остановить, – вежливо оборвал ее Томас с вымученной улыбкой. – Я не уверен, что хочу услышать остальную часть этого предложения. Я не очень хорошо себя чувствую в такие моменты. Давайте не будем терять времени. Вся проблема в этом чертовом деле. Вы же знаете, как это бывает.

Луиза кивнула, но не сдвинулась с места. В принципе, инспектор могла предупредить Томаса, чтобы он не позволял такому состоянию влиять на работу, но это не привело бы ни к чему, кроме плохого настроения, а его работа не ослабевала с той ночи, когда она увидела его в отеле.

– Ты знаешь, где я, если тебе нужно будет поговорить, Том. Я серьезно.

– Спасибо, Луиза, ценю это.

Она вернулась в кабинет за пальто и заметила, что Трейси боковым зрением следит за ней.

– Фаррелл? – окликнула она, собираясь уходить.

– Шеф?

– Мне бы не помешала твоя помощь, – заметила она.

Грег Фаррелл удивился этой просьбе, но взял пальто. Они вместе покинули участок.

Фарнхэм жил в центре Уэстона, через несколько улиц от церкви Святой Бернадетты. Они могли дойти пешком за пять минут, но дождь был таким сильным, что Луиза велела Фарреллу сесть за руль.

– Наверное, тяжело, когда ваша старая команда работает рядом? – поинтересовался сержант и выехал с парковки.

В этом вопросе не было злорадства. Во всяком случае, Грег просто выглядел немного нервным оттого, что она сидела в его машине.

– Это немного странно, – ответила Луиза.

Фаррелл, как и остальные, знал о деле Уолтонов, о различиях между трактовками событий ее и Финча. Инспектор не могла понять намерения Фаррелла.

Иногда ей казалось, Грег Фаррелл настроен к ней враждебно, но в последнее время она начала верить, что его неизменные улыбки, возможно, были неким защитным приемом. Отчасти именно поэтому Луиза попросила его сопровождать ее.

– Приехали, – произнес Фаррелл с широкой ухмылкой и припарковался у отдельно стоящего викторианского дома рядом с полем для гольфа. – Милое местечко.

У дома была подъездная дорожка, и ржавый зеленый «Фольксваген-жук» выглядел здесь довольно неуместно. В гостиной был включен телевизор, и Луиза удивилась, что никто не ответил, когда она постучала в дверь. Инспектор кивнула Фарреллу, чтобы тот посмотрел в переднее окно.

– Там какой-то ребенок на диване. Черт возьми, он игнорирует нас.

Сержант постучал по стеклу.

– Он встал, сейчас придет.

Через минуту дверь приоткрылась. В проеме стоял мальчик-подросток, закутанный в халат.

– Могу чем-нибудь помочь?

– Почему сразу не открыл дверь? – спросила Луиза, не утруждая себя любезностями.

– Никого не ждал.

Они показали удостоверения.

– Инспектор Блэкуэлл.

– Сержант Фаррелл.

Если юноша и разволновался, то он хорошо это скрывал.

– Что вы хотите?

– Мы здесь, чтобы увидеть Бенджамина Фарнхэма.

– Ну, вы только что разминулись с ним.

– Бенджамин – твой родственник?

– Типа.

– Типа? – спросила Луиза. Ее терпение лопалось.

– Пасынок. Но, как я уже сказал, вы только что разминулись с ним.

– Когда он вернется?

– Кто знает. Бен только что уехал в отпуск с моей мамой. Даже не сказали, куда они направляются.

– В отпуск? Разве он не вернулся только что из отпуска? – напрягся Фаррелл.

Подросток выглядел удивленным.

– Да, но они постоянно уезжают в отпуск.

Луиза подумала, что мальчишка лжет.

– Куда они направляются на этот раз? – спросила она.

– Я же сказал вам: не знаю! – почти выкрикнул взъерошенный юноша.

– Можем зайти на секунду?

– Вам и правда нужно войти?

– Да, – отрезала Луиза и проскользнула мимо подростка.

Интерьер впечатлял. Вдоль коридора тянулись полированные деревянные половицы, а стены украшали дорогие на вид картины маслом и хорошо оформленные семейные фотографии.

– Где мы можем присесть? – спросила Луиза и смахнула капли дождя с лица.

– Вам лучше пройти на кухню, – ответил мальчик.

Кухня была обставлена так же хорошо, как и прихожая. Гранитный островок занимал центральное место в кухне, которая была больше, чем весь коттедж Луизы.

– Как вас зовут, сэр? – спросил Грег Фаррелл, усевшись на один из высоких барных стульев рядом с кухонной стойкой.

– Рэймонд.

– Хорошо, Рэймонд, – кивнула Луиза. – Представляюсь еще раз. Меня зовут инспектор Блэкуэлл, а это сержант Фаррелл. Мы надеялись поговорить с вашим отчимом сегодня о продолжающемся расследовании. Наш коллега разговаривал с ним во время отпуска Бенджамина, и он согласился позвонить нам по возвращении.

– Не знаю, что вам и сказать, – протянул Рэймонд в замешательстве.

– Для начала вы могли бы сказать нам точно, куда он направился, – гнул свою линию Фаррелл. Грег явно не верил рассказу подростка.

Рэймонд пожал плечами.

– Честно говоря, вообще не знаю. Они вернулись из Турции прошлой ночью. Даже не потрудились распаковать вещи.

– Вы не удивились, что они снова уехали в отпуск так скоро после возвращения? – спросила Луиза.

– Да нет.

– Они часто так делают?

– Мама и отчим на пенсии. Всегда куда-то уезжают.

– И вы живете один дома? – спросил Фаррелл.

– Это одно из преимуществ.

Луиза обменялась взглядами с Фарреллом. Она поверила, что Раймонд говорит правду, но что-то определенно было не так.

– Не могли бы вы позвонить ему для меня?

– Кому? Бену? – спросил Раймонд, не скрывая неудовольствия.

– Да. По громкой связи.

– Это еще зачем? – спросил подросток.

– Просто сделайте это, Рэймонд.

– Бенджамин очень удивится. Я никогда ему не звоню.

– Не могли бы вы просто попробовать для меня, Рэймонд? Нам очень важно поговорить с Бенджамином.

– Хорошо, мне нужно взять телефон, – сказал Рэймонд и вышел из кухни.

Фаррелл нахмурился.

– Можно подумать, Фарнхэм не хотел с нами разговаривать.

– Да уж, – только и сказала Луиза, когда паренек вернулся.

– У него неприятности? – спросил Раймонд, утративший часть прежнего безразличия.

– Нет.

Рэймонд нахмурился, но набрал номер отчима и положил телефон на кухонный стол. Телефон зазвонил британским тоном, значит, Фарнхэм еще не покинул страну. Он ответил после четырех гудков.

– Рэй? – донесся мужской голос сквозь треск помех в громкой связи. – Все в порядке?

– Да, извини, что беспокою, – сказал Рэймонд. Он взглянул на Луизу, которая кивнула, чтобы он продолжал.

На другом конце провода повисла пауза.

– С тобой там кто-то есть, Рэй?

Рэймонд не ответил, поэтому Луиза перехватила трубку.

– Мистер Фарнхэм, это инспектор Блэкуэлл из Уэстонского уголовного розыска.

– Инспектор... – произнес Фарнхэм. – Что стряслось?

– Мы пытались связаться с вами сегодня утром. Вы должны были поговорить с нами об одном из ваших старых дел – пожаре в церкви Святой Бернадетты в восемьдесят третьем году.

– О, да, извините, я собирался позвонить вашему коллеге сержанту Айрленду сегодня попозже. Был немного занят.

– Замечательно, если вы заскочите сегодня в участок, мистер Фарнхэм.

– Боюсь, это невозможно. Мы уже в пути.

– Куда вы едете? – спросила Луиза.

Заминка была минимальной, но Луиза уловила ее, перед тем как Бенджамин произнес:

– В Шотландию.

– В Шотландию?

– Да. Мы нашли маленький коттедж недалеко от озер. Сейчас школьный сезон, так что он обошелся нам очень дешево. Послушайте, мне вообще-то не стоит разговаривать, я за рулем. Могу перезвонить вам позже?

– Мне нужно поговорить с вами сейчас, мистер Фарнхэм.

– Извините, мне действительно неудобно сейчас разговаривать. Я позвоню в ваш участок позже, – быстро проговорил Фарнхэм и повесил трубку.

Луиза снова набрала номер, но он сразу был переведен на автоответчик.

– Что происходит? – спросил Рэймонд.

– Сложно сказать. Как вел себя твой отчим, когда вернулся? Ты заметил что-нибудь... какие-нибудь изменения в поведении?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– Они часто ездят в Шотландию? – спросил Фаррелл.

– Нет. Мама не любит холод.

– Есть еще какое-нибудь место, куда они могли уехать?

– Ничего не понимаю. Почему вы хотите поговорить с ними?

– Неважно. У них где-нибудь есть загородный дом?

– Пара домов.

– Даже пара? Где? – спросил Фаррелл.

– Один в Девоне, а другой – неподалеку отсюда.

– Нам понадобятся адреса.

Мальчик растерялся и взглянул на холодильник, где, как сразу заметила Луиза, находился рекламный листок стоянки фургонов в Брин-Дауне.

Луиза взяла листовку и протянула Рэймонду визитку. Она попросила подростка позвонить ей, как только он получит известие от любого из родителей. Блэкуэлл хотела прослушивать его телефон, так как была уверена, что мальчик позвонит им, как только они уйдут.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Грег Фаррелл, едва они вышли на улицу.

– Видимо, что-то напугало Фарнхэма. Он явно лгал.

– И?

Луиза помахала листовкой с холодильника.

– Он не поедет в Шотландию. Мы можем добраться до Брина минут за сорок. Если Бенджамин пытается игнорировать нас, то какое-то время будет держать телефон выключенным. Кто знает? Может, нам удастся застать его врасплох.

Глава тридцать девятая

Солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелые черные тучи, пробудил Джеффа ото сна. Он лежал на влажной пристани на острове Крутой Холм, всего в нескольких метрах от галечного пляжа. Промокшая одежда прилипла к телу, кожа онемела. Холод, которого он никогда раньше не испытывал, будоражил кровь. Менее чем в пятидесяти метрах от него лодка покачивалась у причала. Он не мог поверить, что проспал так долго. Симмонс перевернулся на бок и вспомнил о грузе в лодке.

Все его тело болело, когда он ковылял к лодке. Симмонс увидел труп, и его стошнило. Дневной свет подчеркнул последствия остервенелого ночного нападения: череп жертвы был почти полностью разбит.

Смерть невинного обесценила работу Джеффа. Он пытался убедить себя, что не имел выбора, а этот человек угрожал ему, но все-таки не мог сдержать слез, пока вынимал труп из лодки. Джефф упал на колени, вытащил тело на берег и поместил его вне досягаемости прилива. Измученный, он рухнул рядом со своей жертвой. Кровь пульсировала в его закрытых глазах, и Симмонс тут же проверил, сможет ли открыть их: он испугался, что умрет, если вдруг не удастся этого сделать.

Симмонс перевернул труп. Изуродованное лицо слилось с полузамерзшей грязью. Джефф заставил себя подняться по каменным ступеням и пересечь остров в направлении туристического центра. Вчерашний шторм утих, но густые облака наводили на мысль, что это всего лишь передышка.

Запах тушеного мяса, которое он приготовил, висел в воздухе и смешивался с вонью Ланегана, который снова испражнился. Старый священник все еще был прикован цепью к батарее в комнате, одеяло, прикрывавшее его нижнюю половину, промокло. Джефф коснулся холодной кожи Ланегана, опасаясь худшего, и почувствовал облегчение, когда тот съезжился при виде мучителя.

Джефф оставил Ланегана на месте и, полностью одетый, вошел в душ. Горячая вода поначалу вызвала дрожь и покалывание, когда тело

Симмонса оттаивало. Он стянул с себя одежду и заметил многочисленные порезы и синяки по всему туловищу. Он оставался под струей, пока кожа не покраснела, а потом неохотно выключил воду и прошелся по домику к запасу свежей одежды.

Симмонс переоделся, поставил на плиту еще одну кастрюлю с тушеным мясом и разогрел в духовке замороженный хлеб. Затем вошел в мастерскую и сосредоточился на последних штрихах, соединяя детали вместе. Джефф восхищался работой своих рук – гладкими краями и красивой симметрией предмета. Все, что ему сейчас было нужно, – это копье. Он оставил его в пещере, где Ланеган провел первые несколько дней на острове, и они скоро туда отправятся.

Джефф вернулся внутрь, снял с Ланегана цепи и заставил его принять душ, а потом надеть черную мантию.

– Иди и поешь, – приказал Симмонс, когда Ланеган сунул свои ободранные до мяса конечности в просторную одежду, которую Джефф украл у отца Маллигана.

Лицо священника было изможденным, глаза ввалились и выражали смирение. Ланеган выглядел уже лишь тенью того человека, которым был в ночь похищения, когда Симмонс ворвался в его собственный дом в Корнуолле, накачал наркотиками и отнес в фургон.

– Ешь! Тебе понадобятся силы, – произнес Джефф и оторвал для него кусок хлеба.

Руки Ланегана дрожали. Он взял хлеб и обмакнул его в миску с тушеным мясом. Половина куска упала на пол, когда священник попытался положить его в рот.

– Попробуй еще раз, – сказал Джефф.

Они сидели, пока Ланеган не прикончил миску. Его потерянный взгляд был похож на взгляд побитой собаки.

Джефф налил пленнику немного воды.

– Пей.

Ланеган пил, и теплая вода стекала по подбородку на черную одежду.

– Да что с тобой такое? – спросил Джефф и вытер мужчине.

Ланеган, казалось, нашел что-то забавное в этом замечании. Сухая кожа на его лице расплзлась в полуулыбке.

– Значит, ты все еще с нами?

– Я здесь, – ответил Ланеган. Сила его голоса удивила Джеффа.

– Тогда мы можем закончить, – произнес Джефф и заметил, как на лице Ланегана появилось облегчение. – Я хотел спросить, – теперь, когда ты больше не священник, ты все еще можешь слушать исповедь?

– Я все еще частично рукоположен, так что иногда могу выслушать исповедь.

– Хорошо, – кивнул Джефф. – Благослови меня, отец, ибо я согрешил. Прошло тридцать пять лет с моей последней исповеди. Вот мои грехи.

Глава сороковая

Финч позвонил, когда Луиза и Грег выходили из дома Фарнхэма.

– Тимоти? – спросила Луиза и заметила ухмылку Фаррелла.

– Где ты, Луиза? – возмущенно спросил Финч.

– Веду дело как старший следователь. А что такое?

Луиза услышала его резкий вздох. Финч, возможно, и был ее начальником, но формально Блэкуэлл все еще находилась в должности старшего следователя. Вот почему она ненавидела командные интонации Тимоти.

– Я надеялся, ты сможешь вернуться в офис. У меня возникли некоторые проблемы с этим монсеньором Эшли.

Видимо, Финчу было трудно говорить таким миролюбивым тоном, и она представила, как он морщится.

– Какие именно проблемы? – поинтересовалась инспектор.

– Во-первых, он не отвечает на звонки. Во-вторых, я поговорил с главой епархии и узнал, что Эшли официально больше не служит в церкви.

– Он работает консультантом, Тим. Эшли был в церкви Святого Михаила на поминках отца Маллигана. Он разговаривал с приходским священником, отцом Райли.

– Вполне может быть, но монсеньор Эшли не отвечает на мои звонки, и у меня нет его адреса.

Луиза достала из бумажника карточку монсеньора. На ней не было адреса.

– Я позвоню ему, – ответила инспектор и повесила трубку. – Пошли, – сказала она Фарреллу.

Посторонние из штаб-квартиры заставили Луизу почувствовать себя еще более загнанной в ловушку в приморском городе. В отличие от нее, когда дело будет закончено, они сбегут в Бристоль. Фаррелл добрался до конца Фарнхэм-роуд, до продуваемой всеми ветрами набережной, скрытой из виду, и Луиза признала, что, возможно, ей никогда не выбраться из этого городка.

Поток усилился, когда Фаррелл покинул город и направился в сторону Брин-Даун. Был только час дня, но небо потемнело, а густые

облака закрывали солнце, которое Луиза почти не видела за последние несколько дней.

– Должно быть, тяжело опять работать с Финчем, – снова заметил Грег Фаррелл ни с того ни с сего.

Он улыбался и медленно следовал вверх по извилистому склону. Еще вчера Луиза могла что-нибудь углядеть в этой улыбке, но теперь начинала относиться к Фарреллу по-другому и сказала себе: *«Некоторым людям просто нравится улыбаться».*

– А разве не говорят: «Никогда не зарекайся»?

– У вас ведь нет особого выбора, – отметил Грег.

Это было правдой. Луиза все еще служила в полиции Эйвона и Сомерсета, так что следовало ожидать: в какой-то момент это произойдет. Тем не менее все так же трудно смириться с тем, что Финч и его подчиненные заняли ее место.

Фаррелл хотел сказать что-то еще и остановился. Нерешительность Грега была настолько очевидна, что выглядела комичной.

– В чем дело?

– Вы можете предупредить, если это не мое дело, шеф... – пробормотал он.

– Не уверена, что мне нравится, к чему это ведет, но продолжайте.

– Старший инспектор Финч...

– Так.

– Я слышал, что-то произошло во время дела Уолтона. Эта... стрельба.

– Не сомневалась, что новости дойдут даже до Уэстона, – сардонически произнесла Луиза. – Хотите знать, что произошло на самом деле?

– Это же не мое дело.

Блэкуэлл хотела согласиться с ним, но прошло уже больше восемнадцати месяцев. Возможно, пришло время разрушить некоторые из мифов, циркулирующих в участке о ней.

– Вы не хуже меня знаете, что сделал Уолтон. Мы увидели тела, когда приехали, – начала Луиза и вспомнила запах той ночи, как будто вновь вернулась на ферму. – Впрочем, какими бы ни были его преступления, Грег, я бы никогда не выстрелила в него, если бы не думала, что он вооружен. Мы находились в очень непростом месте,

почти в полной темноте, и Финч сказал мне: у него при себе пистолет. Я знала, на что способен Уолтон, поэтому застрелила его. Все очень просто.

Фаррелл кивнул и постучал по рулю. Он не смотрел Луизе Блэкуэлл в глаза.

– Да, но почему, вы думаете...

– Почему Финч сказал так? – подсказала она.

Впервые за несколько минут Фаррелл посмотрел в ее сторону. Грег улыбался, и Луиза не увидела в его улыбке никакого подтекста.

– Да, почему он это сделал?

– Послушайте, Грег, я не собираюсь ругать в вашем присутствии старшего офицера. Полагаю, вы читали мою стенограмму. Вам придется самому решить, почему он это сделал, но ни для кого не секрет, что после этого дела Тимоти Финча назначили старшим инспектором.

– А вас послали в Уэстон. Сурово, – со смехом отметил Фаррелл.

– Действительно сурово, – согласилась Луиза, удивленная совпадением их мыслей.

Остаток пути они проехали молча, словно достигли взаимопонимания, и звук начавшегося дождя, хлещущего по машине, был единственным сопровождением.

Брин-Даун служил продолжением холмов Мендип, выходящих в Бристольский залив. Стоянка для фургонов находилась на мысе. Небольшой деревянный домик, расположенный у входа, был безлюдным, поэтому Фаррелл поехал дальше в парк.

– Кто бы захотел жить здесь зимой? – произнес он.

Несколько машин припарковались рядом с фургонами, и пожилая пара спускалась по металлическим ступенькам одного из хитроумных сооружений, увитого плющом и виноградными лозами. Фаррелл остановился на перекрестке.

– Вон там, – отметил Фаррелл и указал на ярко-зеленый фургон с припаркованным BMW.

Луиза записала номерной знак и велела Фарреллу ехать дальше по дороге, а затем позвонила в участок для проверки.

– Машина Фарнхэма, – кивнула она. Дверь фургона открылась, и из него, спотыкаясь, вышел мужчина с чемоданом.

Фаррелл, не теряя времени, развернулся обратно к фургону. Мужчина как раз садился в машину, поэтому Фаррелл помчался обратно по бетонной дороге и резко затормозил, блокируя BMW.

– Какого черта? – воскликнул мужчина, выходя из машины.

– Бенджамин Фарнхэм? – спросила Луиза и показала ему удостоверение.

– Да, – пробормотал мужчина под нос.

– Инспектор Блэкуэлл, сержант Фаррелл. Должна сказать, я немного сбита с толку, – произнесла Луиза и взглянула на Фаррелла, который приближался к Фарнхэму. – Вы уверяли нас, что направляетесь в Шотландию.

– План изменился.

– Полагаю, такие вещи случаются. Я думаю, нам нужно поговорить, мистер Фарнхэм. – веско произнесла инспектор.

Фарнхэм выключил двигатель машины. Это был невысокий, коренастый мужчина с редкими клочками седых волос на голове.

– Я арестован? – саркастически поинтересовался Фарнхэм. Человек был на пенсии уже пятнадцать лет, но явно думал, что знает все и лучше всех.

– Нет. Но у вас нет выбора, – заметила Луиза.

Фарнхэм заставил их ждать под проливным дождем, пока обдумывал ответ. Он мог вытереться и переодеться, а они надолго останутся в промокшей одежде. Мелковато, но эффективно. Луиза начала выходить из себя и уже подумывала, чтобы арестовать его за препятствование расследованию, когда Бенджамин наконец заговорил:

– Тогда заходите.

Внутри фургона стоял запах сырости. Его Луиза помнила с детства, еще когда семья проводила лето в автопарках в Корнуолле. Это место всегда казалось ей связанным с приключениями, хотя в солнечные дни было намного легче, ведь они с братом могли играть на улице. Инспектор согласилась с Фарреллом: как и почему кто-то мог захотеть остаться здесь на зиму, было выше ее понимания.

– Вы здесь один, мистер Фарнхэм? – спросил Фаррелл.

– Верно.

– Где ваша жена? – спросила Луиза, отметив два чемодана за дверью спальни.

– Ушла по магазинам.

Фарнхэм подвел их к изогнутому дивану в передней части импровизированного дома. Луиза села ближе всех к двери на случай, если Фарнхэм захочет убежать.

– Вы вроде торопились, – сказала она.

– Я должен поехать и забрать жену.

– О, точно. Значит, дело не в том, что вы не хотите с нами разговаривать? Не знаю почему, но именно такое впечатление у меня сложилось, когда я говорила с вами по телефону.

Фарнхэм не ответил.

– Вы ведь мне солгали – сказали, что направляетесь в Шотландию.

– Я не лгал.

– Лгали, – подтвердил Фаррелл.

Фарнхэм поморщился.

– Чего вы хотите? – спросил он.

– Мы хотим поговорить с вами о пожаре в церкви Святой Бернадетты в восемьдесят третьем году.

– А именно?

– Здесь что-то не так, мистер Фарнхэм. Вы работали в полиции. Поставьте себя на наше место. Я ждала, чтобы поговорить с вами, а сегодня вы активно избегали меня. Четырех человек, знаете ли, нашли зверски убитыми. Школьная учительница Вероника Ллойд, тогдашний приходской священник отец Маллиган, а также мистер и миссис Форестер, директор школы и секретарь. Форестеров нашли в их доме забитыми до смерти. Кроме того, один из других священников того времени, отец Ланеган, пропал без вести.

– Ого, мне нужно осмыслить эту новость – слишком много информации, – покраснел Фарнхэм.

– Я думаю, вы уже знаете об этом деле, мистер Фарнхэм, – парировала Луиза.

– Я не догадался, что оно связано с пожаром.

– Расскажите мне, что на самом деле произошло тогда в церкви Святой Бернадетты.

– Это было давно.

– Я захватила ваши записи по делу, они помогут, – произнесла Луиза и протянула ему копию старого досье.

Фарнхэм взглянул на бумаги без особого любопытства.

- Тогда вы, наверное, знаете больше меня.
- Пожар произошел случайно?
- Да, конечно.
- Конечно? – переспросила Луиза.
- Что вообще здесь творится? Вызываю адвоката?
- Не знаю, мистер Фарнхэм, а вы?

– Послушайте, – начал возмущаться Фарнхэм. – Я был полицейским задолго до того, как вы под стол пешком ходили, так что не приходите ко мне домой и не начинайте расспрашивать о моей работе.

Луиза видела сквозь наигранный гнев – Фарнхэм защищался. Ему было что скрывать, и Блэкуэлл решила этим воспользоваться.

– Даю вам выбор, мистер Фарнхэм. Если я официально вас допрошу, это станет событием. Мы рассмотрим старое дело всеми доступными нам средствами. Если расскажете мне то, что для расследования мне нужно знать прямо сейчас, нам не придется проходить через все процедуры.

- О чем, черт возьми, вы говорите?
- Это не было несчастным случаем. Я права?
- Не говорите глупостей...

– На месте происшествия обнаружили катализатор. Это я точно знаю, – перебила его Луиза.

Фарнхэм хотел что-то сказать, но вдруг затих.

Фаррелл посмотрел на Луизу в замешательстве.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – произнес Бенджамин Фарнхэм после некоторого молчания.

- Я говорила с монсеньором Эшли.
- Монсеньором?
- В то время вы могли знать его как отца Эшли.

Фарнхэм несомненно хитрил. Он взвешивал варианты ответа. Глаза Бенджамина метнулись к окну, когда он вспомнил об инциденте и обдумывал лучший ход. Фаррелл вопросительно посмотрел на Луизу, пока они ждали ответа Фарнхэма.

– Я ничего не знаю о катализаторе, – наконец ответил бывший полицейский.

- Хорошо, допустим, я вам верю. На данный момент.

Луиза сделала паузу. Она в любой момент могла взять Фарнхэма под стражу. Инспектор не сомневалась, что он скрывает от нее важнейшую информацию, ведь что-то напугало его. Единственной причиной, по которой она еще не предъявила ему обвинения, была задержка, которую, как она боялась, это вызовет. Расследование старого дела может занять месяцы, и без определенного решения в конце, скорее всего, его отклонят Робертсон и Финч.

– А скажите мне, Фарнхэм, на что мне следует обратить внимание? На свободе разгуливает убийца. Вы видели, что он сделал? Я знаю, все это как-то связано с пожаром в церкви. Где мне искать?

Фарнхэм потер подбородок, явно решая, стоит ли оно того, что он скрывает.

– Там был мальчик девяти или десяти лет. Госпитализирован в больницу Уэстон-Дженерал с ожоговыми ранами на руках.

– Этого не было в отчете, – заметил Фаррелл.

– Не могу это комментировать.

– Вас попросили скрыть эту деталь? – поняла Луиза.

– Церковь не горела желанием преследовать в судебном порядке одного из своих прихожан, особенно мальчика.

– Значит, вы просто закрыли на это глаза? – недоверчиво спросил Фаррелл.

Фарнхэм вздохнул, но ничего не ответил.

– И сколько они вам заплатили? – спросила Луиза.

Фарнхэм нахмурился, но промолчал.

– Надеюсь, оно того стоило. Кем был тот мальчик?

– Одним из учеников школы. Симмонс, Джефф Симмонс. После пожара он перешел в другую школу.

– Вы с ним виделись?

– Совсем недолго. Станный ребенок. Обожал отца, насколько я помню. Каждый раз, когда я видел его, он был с отцом. Его мама тоже была рядом, но между ними явно не было близости.

– Так вот в чем дело. Этот парень, Симмонс, по какой-то причине поджег церковь, и его отпустили.

– Как я уже сказал, церковь не была заинтересована в судебном преследовании и не хотела огласки. Отец Эшли очень ясно дал это понять.

Луиза покачала головой. Видимо, поддавшись чувству вины, Эшли вел ее к цели, хотя и медленно.

– Не знаете, этот парень, Симмонс, все еще здесь живет?

Фарнхэм кивнул.

– Да. Они находятся в одном из поместий.

Он достал блокнот и записал адрес.

– Вы наблюдали за ними?

– Они так и не переехали, – произнес Фарнхэм в свою защиту. – И вам следует учесть одну вещь, – добавил он.

– Продолжайте, – заинтересовалась Луиза.

– Отец мальчика. Он умер три месяца назад.

Глава сорок первая

Ланеган отвернулся.

– Джеффри, я больше не собираюсь выслушивать твои признания, – сказал он.

– Я подумал, ты захочешь услышать их, – процедил Джефф. Он приподнял старого священника и усадил на стул. Он стал таким легким, что у Симмонса возникли серьезные опасения по поводу следующего этапа.

– Не думаю, что услышу от тебя то, что смогу переварить. Твоей матери было бы стыдно, узнай она о твоих поступках.

– Не смей говорить о моей матери! – заорал Джефф. Слюна брызнула на лицо старика.

– Посмотри на себя, парень. Ты думаешь, она хотела бы видеть тебя таким, желала того, что ты собираешься со мной сделать?

Это было похоже на возвращение в церковь в качестве алтарного служки. Ланеган, как и его отец, мог тогда быть строгим... «В духе Ветхого Завета», – как тогда говорили товарищи Джеффа – алтарные служки. Джефф думал, старик больше не способен на такие тирады, но все же тот сумел собрать последние остатки воли. Симмонс был впечатлен. Однако Джефф больше не съездившийся маленький мальчик. Он не собирался позволить Ланегану диктовать ход разговора.

– Думаешь, это все из-за тебя? Сиди там и слушай. Выслушай до конца, что я хочу сказать.

Священник Ланеган задрожал, он вспомнил, что Джефф сказал ему о смерти отца Маллигана, и понял, чьих рук это убийство.

– Что же ты наделал?

Решимость выслушать исповедь Симмонса быстро испарилась, когда маньяк начал рассказывать ему, в подробностях и по порядку, о миссис Ллойд, отце Маллигане и Форестерах. Джефф понял, что улыбается, описывая свои ужасные действия. Это грех гордыни, но Джефф гордился тем, чего достиг.

– Зачем? – спросил Ланеган, когда Джефф закончил исповедь. Старик плакал, но его раскаяние запоздало на десятилетия.

– Мой отец умер, – произнес Джефф.

– Знаю, и мне очень жаль, – заметил Ланеган.

– Жаль? Раньше ведь тебе не было жаль?

– Ты не понимаешь, Джефф, мы с твоей матерью...

– Не надо! – проорал Джефф, и вопль эхом отозвался в ушах истязателя и пленника, сидевших друг напротив друга.

– Я могу понять, почему ты хочешь причинить мне боль, Джеффри, но при чем здесь другие? – спросил Ланеган после длительной паузы.

Симмонс не собирался болтать со старым священником. Остальные – соучастники. Если бы они его послушали, то, возможно, до преступлений никогда бы и не дошло. Им пришлось умереть, чтобы спасти его отца. Обязательно нужны пять смертей, пять ран. Они должны страдать, как страдал Иисус. Иисус спас их души. Вместе они спасут душу его отца.

Они сидели в тишине, уставившись друг на друга. Джефф заметил легкую дрожь на губах Ланегана, когда тот осознал, что произошло и свою роль в этом инциденте.

– Я видел тебя. Понимаешь? – начал Джефф.

– Видел меня?

– Видел тебя. С моей матерью.

Ланеган закрыл глаза, откинув назад голову. Джефф чувствовал его стыд и наслаждался им.

– Она никогда об этом не знала. Не знает даже сейчас. Она должна была встретиться со мной после школы, но, когда ее там не оказалось, я пошел в соседнюю ризницу и увидел вас обоих. Ты целовал ее, в церкви, во все места.

– Ты не должен был этого видеть, Джеффри. Прости, – пробормотал Ланеган. Он опустил влажные покрасневшие глаза.

– Папа знал: что-то случилось. Вот почему они все время ругались, вот почему папа собирался уйти из семьи. Я не мог поверить, что ты это сделал. Ты предал мою семью и предал своего Бога.

– Мне очень жаль, Джеффри. Действительно очень жаль.

– Это было не самое худшее. Я ходил к ним ко всем. Сначала к миссис Ллойд, которая велела мне не рассказывать сказки, потом к

отцу Маллигану, заставившему меня покаяться, и, наконец, к мистеру и миссис Форестер, обещавшим, что займутся этим происшествием.

Ланеган посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Тебя подвели, сынок?

– Я устроил пожар, и ты это знал. – Джефф показал священнику покрытые шрамами руки, получившие ожог от воспламенившегося керосина.

– Не знаю, что ты хочешь от меня услышать, Джеффри. Ты не должен был видеть то, что увидел.

– Папа винил себя. Он винил себя! – повторил Джефф, растягивая каждое слово. – За то, что у мамы был роман с тобой, за то, что случилось с нашей семьей. Он так и не оправился. Он нес это бремя всю оставшуюся жизнь, Ланеган! – Джефф закричал что есть мочи в лицо священнику. – Носил этот крест всю жизнь, пока не наступил предел! Я сжег церковь дотла, чтобы очистить это место от того, что видел, от ужасных грехов, совершенных в ней. Я надеялся, пожар заставит отца перестать винить себя, но это ничего не изменило. Но сейчас переменит. Теперь у тебя будет шанс искупить вину за свой проступок. И теперь ты спасешь моего отца.

По тому, как сузились глаза священника, Джефф понял: Ланеган догадался.

– Если тебя волнует смертный грех самоубийства, Джеффри, то он не так прост, как ты думаешь. Я знаю, твой отец не был похоронен католической церковью, но церковь понимает: иногда люди кончают собой не совсем в здравом уме. Даже несмотря на то, что твой отец совершил этот поступок, он, возможно, не несет за него моральной ответственности.

Джефф услышал достаточно. Он вытащил священника наружу. С сумеречного неба падали капли дождя. Симмонс указал на предмет, над которым работал.

– Ты понесешь его всю дорогу до места упокоения.

Глава сорок вторая

Не было времени арестовывать Фарнхэма. Луиза предупредила отставного офицера, чтобы он не покидал округ, и вместе с Фарреллом отправилась на поиски Джеффри Симмонса. Бушевал еще один шторм, такой, что фургоны на стоянках сотрясались на своих основаниях.

– Не будем его арестовывать? – спросил Фаррелл, как только они вернулись в машину.

– Фарнхэма? Дело для участка по борьбе с коррупцией. Все равно, даже если они защищали ребенка. Если Фарнхэм приложил руку к фальсификации отчета о пожаре, я прослежу, чтобы его привлекли к ответственности.

Луиза проигнорировала пропущенные звонки Финча, но Фаррелл прослушал голосовое сообщение, отправленное на его телефон.

– Финч хочет, чтобы мы вернулись в участок. Что-то не то с этим монсеньором Эшли.

– Подождет, – коротко бросила Луиза и переключила дворники на полную мощь.

Движение на выезде из Бриана было замедленным, ливень мешал продвижению автомобилей по трассе.

– Может, вызовем его? Насчет Джеффри Симмонса? – спросил Фаррелл, едва они выехали на главную дорогу.

– Давайте сначала выясним, сможем ли мы найти этого человека. Начнем с проверки адреса, который дал нам Фарнхэм, а там посмотрим.

Ни Финчу, ни Робертсону пока не нужно знать о Симмонсе. Луиза решила, что сообщит им подробности после того, как поговорит с членами его семьи. До тех пор она хотела узнать как можно больше о поджоге и о том, почему скрыли его факт. И кто еще был вовлечен в процесс фальсификации.

Дом Симмонсов находился на Холмс-роуд в поместье Олдмиксон. Луиза срезала путь через заднюю часть Холма, чтобы добраться до нужного адреса. Дорога отходила от главной Уинтерстоук-роуд, а дом Симмонса находился через две двери от конца дороги. Свет в окнах

был вырублен, и никто не ответил, когда Луиза нажала на дверной звонок.

– Давайте вернемся в участок и узнаем о них все, что сможем. Сюда приедем позже, – предложила она.

К тому времени, как Луиза и Грег добрались до набережной Уэстона, потемневшее небо опустилось так низко, что сквозь залитое дождем ветровое стекло Блэкуэлл с трудом различала границу, где встречаются море и небо. Одно гигантское черное облако растянулось вдоль побережья, словно город обнесли стеной. Луиза развернула машину и направилась обратно к участку. Она проигнорировала очередной звонок Финча.

Влажная жара и запахи пота и еды заполнили приемную участка, а окна запотели от конденсата. Когда они прибыли, в офисе воцарилась тишина. Финч сидел в кабинете Робертсона, и Луиза приготовилась к тому, что один из них начнет что-то выговаривать ей перед всей командой.

«Я бросаю тебе вызов», – подумала Блэкуэлл.

– Посмотрите, что можете узнать о семье Симмонс, а я пойду и поговорю с Робертсоном, – сказала она Фарреллу, поскольку решила опередить двух полицейских.

– Шеф...

– Грег, давайте пока оставим это строго между нами. Договорились?

Фаррелл улыбнулся ей, и на этот раз это не показалось Луизе отталкивающим.

– Конечно. Вы – босс, шеф.

– «Босс, шеф». Мне нравится такое обращение. Спасибо, Грег.

Фаррелл кивнул и направился к столу.

– Значит, жива? – поинтересовался Робертсон, когда она вошла в кабинет.

Финч был явно раздражен. Если бы не Робертсон или если бы они вернулись в штаб-квартиру, Тимоти точно набросился бы на нее с тирадой. Но сейчас Луиза Блэкуэлл под защитой.

– Не хотите рассказать нам, где вы были? – спросил Финч.

– Шла по следу, – ответила Луиза.

– Весь день.

– Верно.

Блэкуэлл рассказала им о встрече с Беном Фарнхэмом и о том, как он пытался избежать их расспросов. Про Джеффа Симмонса она не упомянула.

– Ну, а я весь чертов день пытался найти этого монсеньора Эшли, – поделился Финч. – Он не отвечал ни на какие звонки. Церковь говорит, Эшли на пенсии, но время от времени работает внештатно. Однако они не спросили, подозревается ли он в причастности к смерти Вероники Ллойд или отца Маллигана.

Финч повторял это для Робертсона, но Луиза была непоколебима.

– Эшли сам подошел ко мне, – парировала она. – Все это записано в отчете HOLMES.

– Я читал, Луиза, но на каком основании, от чьего имени он связался с вами?

– Он никогда не претендовал на то, чтобы представлять кого-либо. «Обеспокоенный гражданин» – так он объяснил. Во время нашей первой встречи Эшли просто рассказал мне о пяти ранах. Во второй раз мы обсуждали пожар в церкви Святой Бернадетты.

– Хорошо было бы еще раз поговорить с ним, Лу. Монсеньор Эшли – потенциальный подозреваемый, – произнес Финч.

Луиза не могла поверить, что у него хватило наглости назвать ее Лу.

– Я ему позвоню, но вовсе не считаю, что Эшли надежный подозреваемый... Тимоти, – ответила она.

Робертсон закрыл глаза, явно недовольный, что оказался между двух враждующих сотрудников.

– Можете позвонить ему сейчас, Луиза? – спросил Робертсон. – Спасибо, – добавил начальник.

– Да, сэр, – ответила Луиза и вышла из кабинета.

Трейси остановила Блэкуэлл, когда та уходила.

– Ты в порядке? – спросила она.

Женщина несла большую папку с бумагами. Капелька пота стекала по ее лбу.

– Да, немного напрягает, что Финч здесь. Он пытается перехватить власть. Это неудивительно... Позволь мне взять несколько из них, – предложила помощь Луиза.

Жара в офисе была невыносимой, похоже, смотритель здания переусердствовал с регулировкой термостата.

– Ты должна игнорировать его, Лу. Продолжай в том же духе.

– Я пытаюсь, поверь мне.

Луизе хотелось рассказать Трейси о ночных сообщениях, о продолжающихся домогательствах Тимоти Финча после дела Уолтона, но если когда-нибудь и будет время поделиться этим, то явно не сегодня.

Трейси подвела Блэкуэлл к свободному столу, откуда их разговор не был слышен всем остальным в офисе.

– Послушай, я просто хотела сказать тебе, что Томас вернулся к жене. Я не думаю, что в последнее время ему было легко, но, по словам Томаса, они собираются наладить отношения.

– Хорошо. Томас сказал тебе все это после того, как...

– Нет. Я, видимо, уже повзрослела и поняла, что это было ошибкой для нас обоих, и я рада за него.

– А твой парень в Бристоле?

– Чувствую себя виноватой, что говорю так, но раз он ничего не знает, то это не причинит ему вреда. Звучит ужасно?

Луиза не чувствовала себя вправе давать какие-либо советы по отношениям.

– Встречаешься с ним всего несколько недель?

– Пару месяцев. Нет смысла портить все из-за одной дурацкой ночи. Как думаешь?

Луиза улыбнулась и слегка сжала плечо подруги.

Фаррелл ждал Блэкуэлл в кабинете. Она закрыла дверь и заметила, что Финч смотрит в их сторону.

– Есть ли новости?

– Судя по моей информации, Джефф Симмонс работает водителем фургона, – доложил Фаррелл и показал распечатку из «Меркьюри» с рекламой услуг по перевозкам и координатами этого человека.

– Пробовал позвонить по этому номеру?

– Автоответчик. Я нашел по Симмонсу кое-какие старые данные. Раньше он работал столяром. Мне удалось разыскать бывшего клиента Джеффа по отзывам в Интернете. Тот сообщил, что Джефф Симмонс довольно хорошо знает свое дело. Немного замкнутый, судя по всему, и всегда носил перчатки. Мне еще не удалось разыскать его мать.

– Ладно. Успехов, Грег.

– И еще одно. Отец. Тревор Симмонс. Он не просто умер, Тревор покончил с собой.

Глава сорок третья

Блэкуэлл и Фаррелл захватили несколько сэндвичей из столовой и снова отправились в поместье Олдмиксон.

– Я так понимаю, вы готовы к неоплачиваемой сверхурочной работе, Грег? – поинтересовалась Луиза, когда они тронулись в путь.

– Для чего еще нужны мои вечера?

Шторм бушевал. Луиза медленно вела машину. Ее обзор ограничивался задними фарами едущего впереди автомобиля. Инспектор изо всех сил старалась не думать о Финче, но ей это не удавалось. Она позвонила монсеньору Эшли, но получила то же самое сообщение на автоответчике. Она не рассматривала его как потенциального подозреваемого, но на данном этапе ничего не исключала. Тем более он ушел из зоны досягаемости.

В доме Симмонсов по-прежнему не горел свет, но Луиза опять нажала на кнопку звонка у двери. При этом она насквозь промокла. Блэкуэлл вернулась к машине и включила обогреватель. Она удивлялась тому, насколько можно вымокнуть, пройдя от машины до дома и обратно.

– Значит, дождь все еще идет? – поддел ее Фаррелл с непроницаемой ухмылкой.

– В следующий раз пойдете вы.

Романтизм слезки исчез для Луизы после ее первой ночи, проведенной в качестве следователя-новичка возле предполагаемого наркопритона. Блэкуэлл работала в паре с тучным детективом Дарреном Вудом, который продолжал есть, курить и портить воздух всю ночь и который беспокоился лишь об одном: только бы ничего не случилось до наступления утренней смены. Это была одна из частей работы, которую она ненавидела. Потраченные впустую часы без гарантированного результата.

Фаррелл и Блэкуэлл понятия не имели, когда вернется Джеффри Симмонс или его мать, и, вероятно, ни один из них не появлялся в их отсутствие.

– Я мог бы ходить от двери к двери. Выяснить, знает ли кто-нибудь, где они и когда должны вернуться? – предложил Фаррелл.

Хотя они ждали всего полчаса, Грега уже начинала одолевать скука.

Но жители таких районов часто были сплоченными людьми и либо не разговаривали с полицией, либо, что еще хуже, предупреждали соседей.

– Отставить, сержант, – ответила Луиза. – Будем сидеть в машине.

Блэкуэлл сейчас могла просто смотреть сквозь дождь, стекающий по ветровому стеклу. Она отправила сообщение матери – узнать, как дела у Эмили.

«С ней все в порядке. Готовится ко сну. Смотрит телевизор», – последовал ответ.

«Пол что-нибудь сказал?»

«Сегодня ничего особенного. Давай поболтаем позже?»

«На слежке».

«Что за жизнь!»

«Что за жизнь, в самом деле, – подумала она. – Сидеть в машине и караулить людей, которые, скорее всего, не появятся». Короткий разговор с матерью не помог Луизе избавиться от страхов по поводу Пола и его пьянства, но она не могла забивать себе этим голову. Сейчас в приоритете было найти убийцу.

– Здесь недалеко дом Вероники Ллойд, – произнес Фаррелл и нарушил неловкое молчание.

– Да, прямо за углом.

– Недалеко от горстки наркоторговцев, которых я тоже знаю.

Луиза чувствовала, что сержант слишком усердно пытается сопоставить улики, поэтому попыталась отвлечь его от бесполезных размышлений.

– Что вы читали о Фарнхэме? – спросила она. – Вы слышали о нем раньше? Томас сказал, что знал Бенджамина Фарнхэма.

– Он работал еще до моего прихода, – ответил Фаррелл и вновь начал ухмыляться. – Хотя я слышал несколько историй о нем. Старая школа... и не в хорошем смысле.

– А подробнее?

– Слухи о взятках и тому подобное. Некоторые из здешних дилеров утверждали, что он был у них на жалованье, поначалу они и мне рискнули предложить ту же сделку, пока не поняли, что у меня другой подход к работе. Я слышал о Бене Фарнхэме достаточно, чтобы

быть уверенным, что он убегал от нас. Полная чушь – его якобы поездка в Шотландию.

– Нужно поговорить с его женой.

– Может, стоит еще раз взглянуть на пасынка. У них чертовски хороший дом. Много приятных вещей. Для полицейской пенсии – явный перебор.

– Вы это заметили?

Луиза тоже отметила роскошь в доме, но не хотела делать никаких необоснованных выводов.

– Давайте оставим это фонду по борьбе с коррупцией, но однозначно стоит еще раз поговорить с его женой и ее сыном.

Фарнхэм почти признал незаконную роль в расследовании пожара, и инспектор понимала, что Бенджамину было выгодно держать рот на замке. Ее беспокоило предполагаемое участие монсеньора Эшли в этом деле и то, что он не отвечал на звонки.

Прошло еще два часа, прежде чем кто-то подошел к дому. Женщина с сумками в обеих руках. Грег и Луиза подождали, пока она начнет отпирать входную дверь, и вышли из машины. Они старались не напугать женщину, но была ночь и улица плохо освещалась.

– Миссис Симмонс, извините, что беспокою вас. Меня зовут Луиза Блэкуэлл, я следователь-инспектор, а это мой коллега, сержант Грег Фаррелл.

Женщина уставилась на них открыв рот.

– Извините, что я так неожиданно к вам подхожу, – произнесла Луиза и показала женщине удостоверение.

– Сейчас одиннадцать часов, – возмутилась миссис Симмонс. – Чего, ради всего святого, вы хотите?

– Мы хотели бы поговорить с вами о вашем сыне, Джефффри.

– Что-то случилось?

– Все в порядке. Ничего не случилось, – успокоила ее Луиза. – Мы можем войти и все объяснить?

Миссис Симмонс пожала плечами и открыла дверь.

– Наверное.

Интерьер дома напомнил Луизе ее коттедж. Аляповатые обои были такими же, как и яркий ковер, давно вышедший из моды. Они приняли предложение выпить чаю и уселись на диван, который, как и все остальное в доме, казался несуразным.

– Так в чем все-таки дело? Что наделал Джефф? – с тревогой спросила миссис Симмонс, усаживаясь в единственное кресло.

С чего начать? Луиза рассказала об убийствах и о том, что, по ее мнению, существует связь с пожаром в церкви Святой Бернадетты. Она все время следила за реакцией миссис Симмонс, которая варьировалась от шока до растущего возмущения.

– Но какое это имеет отношение к Джеффу?

– Возможно, никакого. Мы просто хотели поговорить с вашим сыном, чтобы исключить его из нашего расследования. Когда вы видели его в последний раз? – спросил Фаррелл.

Глаза миссис Симмонс метнулись вверх, когда она начала вспоминать.

– Вчера утром. Я приготовила ему завтрак.

– Вы заметили что-нибудь необычное в его поведении? Вчера или за последние несколько месяцев? – спросила Луиза.

– За последние несколько месяцев? Я вас не понимаю.

– Мы знаем, что ваш бывший муж скончался. Как Джефф отреагировал на это несчастье? – спросил Фаррелл.

– О, я понимаю. Да, они были очень близки. Этого нельзя отрицать. Джефф всегда был больше папочкиным сынком. С тех пор как... – Миссис Симмонс замолчала и погрузилась в мысли.

– С тех пор как что? – спросила Луиза.

Миссис Симмонс покачала головой, словно возвращаясь в настоящее. На долю секунды она даже выглядела удивленной, когда увидела двух полицейских в комнате.

– Извините, у меня был долгий день. Сменная работа в супермаркете.

– Конечно, понимаю, – кивнула Луиза.

– Да, они были близки, и смерть мужа очень сильно ударила по Джеффу. Последние несколько месяцев он был очень замкнут. На самом деле я сына почти не видела.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Нет. Иногда он ночует вне дома. Джефф – взрослый мужчина. Я не слежу за ним.

На словах «взрослый мужчина» был сделан акцент, будто женщина и сама не совсем в это верила.

– Значит, не ждете его сегодня вечером? – спросил Фаррелл.

– Не знаю о его планах.

– Миссис Симмонс, что вы можете рассказать нам о пожаре в церкви Святой Бернадетты?

Женщина заерзала на стуле. Ее губы слегка дрогнули, когда она уточняла:

– Что вы имеете в виду?

– У нас есть основания полагать, что Джефф причастен к пожару. Его госпитализировали со следами ожогов в местную больницу в тот же день, в который случился пожар, – ответила Луиза. Она решила хитрее использовать факты.

– Мой сын не имеет никакого отношения к пожару, – отрезала миссис Симмонс и покачала головой, словно пытаясь убедить саму себя.

– Послушайте, миссис Симмонс, я понимаю, вы пытаетесь защитить сына. Мы здесь не для того, чтобы расследовать пожар. Вполне возможно, Джефф в опасности.

Миссис Симмонс выпрямилась.

– Вы сейчас о чем?

– Вы помните священника по имени отец Ланеган?

Миссис Симмонс пристально, будто с укором, посмотрела на Луизу и разрыдалась.

Глава сорок четвертая

Луиза, удивленная вспышкой эмоций миссис Симмонс, дала ей немного поплакать.

– Принесу вам воды, – произнес Фаррелл и вернулся через несколько секунд со стаканом.

Луиза присела на край дивана, пока миссис Симмонс отхлебывала из стакана.

– Не торопитесь, – мягко заметила Блэкуэлл.

– Какая-то катастрофа, – вздохнула женщина и снова начала всхлипывать.

– В чем дело, миссис Симмонс? – тихо спросила Луиза. Инспектор понимала, что следующие несколько минут могут оказаться решающими. Необходимо удержать женщину в желании быть откровенной и на их стороне.

– Все. Моя жизнь, то, что случилось с Джеффом, то, что случилось с Тревором.

– А отец Ланеган?

– Ричард... Я не видела Ричарда Ланегана тридцать с лишним лет. Почему вы спрашиваете о нем?

– Мы пытались связаться с ним в течение последних нескольких дней.

Миссис Симмонс кивнула, будто этого следовало ожидать, а затем выражение ее лица изменилось.

– Но вы ведь не думаете, что он...

– В данный момент мы ничего не думаем. Мы просто хотели бы поговорить с ним.

– Ричард никому не причинил бы вреда. Он самый мягкий человек, которого я когда-либо знала.

Луиза слышала подобные уверения бесчисленное количество раз. Обычно от близких, отказывающихся верить, что их возлюбленный или член семьи может быть способен на что-то неподобающее.

– Вы с Ричардом были близки? – спросила инспектор.

– Да, – без стыда и с улыбкой при этом воспоминании ответила миссис Симмонс.

– Почему вы расстались?

Миссис Симмонс снова начала всхлипывать.

– Джеффри узнал.

– Не торопитесь, миссис Симмонс.

– Я догадалась об этом только потом. После пожара, когда Тревор бросил меня. Сын никогда не обсуждал эту тему со мной, даже после... смерти Тревор, но я знаю, он видел нас.

– То есть?

– Джеффри видел нас в церкви. Видимо, мы целовались. Я не хотела, чтобы он узнал об этом таким образом. Верите?

Луиза начала понимать ситуацию.

– А огонь? Мальчик поджег церковь, чтобы отомстить отцу Ланегану?

Миссис Симмонс не ответила.

– Мы знаем о его руках. На них есть следы ожогов, – отметил Фаррелл.

Миссис Симмонс покачала головой, не обращая внимания на этот комментарий.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Луиза назвала женщине имена других жертв и отметила, что та кивает при упоминании каждого имени.

– Джеффри всех их знал? – спросила инспектор.

– Не понимаю, – повторила миссис Симмонс. – Вероника была его учительницей, Натан Форестер – директором, миссис Форестер – школьным секретарем. А отец Маллиган работал с Ричардом.

– У Джеффри была какая-нибудь причина причинить им вред, о которой вы можете догадываться?

– Причинить им вред? – растерянно переспросила женщина. – Вы же не думаете, что Джефф... – миссис Симмонс замолчала, словно признавая какую-то давно похороненную истину. – Во время развода, после пожара, Тревор рассказал мне кое-что. Это были серьезные обвинения. Видите ли, Джефф не пошел прямо к отцу, чтобы рассказать об увиденном. Ему было стыдно за... мой поступок. Знаю, Джеффри говорил о нем с отцом Маллиганом, но священник сыну не помог. Вместо этого он наложил на Джеффри епитимью.

Луиза представила себе мальчика, разговаривающего со священником. Жизнь Джеффа Симмонса разорвана в клочья. Его

отвергает другой авторитетный человек, которому он доверял. Случилось ли то же самое с остальными? Неужели Джефф обратился за помощью ко всем ответственным взрослым, а когда они его проигнорировали, прибегнул к огню в качестве последнего средства?

– Грег, почему бы вам не приготовить миссис Симмонс еще одну чашку чая? Могу я посетить вашу ванну, миссис Симмонс?

– Наверху, первый поворот направо.

Луиза повернула налево наверху лестницы, ища спальню Джеффа. Она находилась в конце коридора. Блэкуэлл подготовилась, прежде чем войти. Сначала инспектор решила, что ошибается. Комната была заполнена сотнями деревянных распятий различных размеров. Некоторые включали фигуру Христа, другие – нет. Каждый сантиметр пространства на стене был занят ими, еще больше валялось на деревянном столе и на ящиках. Луиза подняла одно распятие с пола. Оно было сделано из красного дерева и имело около полуметра в длину. Распятие оказался тяжелее, чем она ожидала, с гладкими и покрытыми лаком боками. Инспектор вертела его в руках, не могла разглядеть соединений и задавалась вопросом, как это было сделано.

– Он их продавал, – донесся из прихожей голос миссис Симмонс. Она не казалась сердитой из-за того, что Луиза разглядывала без спроса. Миссис Симмонс скорее даже гордилась.

– Потрясающие распятия. Он сам их делает?

– На заднем дворе есть мастерская. Он перестал продавать распятия, когда Тревор умер. Вот почему их здесь так много.

– Они, должно быть, дорогие, – отметила Луиза, опуская на прежнее место крест из красного дерева.

– Он вносит свой вклад.

Продавал Джефффри Симмонс эти предметы или нет, но в его работе была какая-то навязчивая идея, и это пугало.

– Вы знаете, где он, миссис Симмонс?

Женщина выглядела смирившейся, будто она наконец поняла, на что способен сын.

– Если бы я знала, я бы вам сказала.

– Не могли бы вы позвонить ему? Посмотрим, сможете ли вы заставить его вернуться в дом.

Миссис Симмонс не ответила. Она выглядела опустошенной.

– Миссис Симмонс?

Женщина моргнула и огляделась, словно удивилась, обнаружив себя в комнате.

– Мой телефон внизу.

Луиза последовала за миссис Симмонс в гостиную и велела Фарреллу взглянуть на спальню Джеффа.

– Что мне сказать Джеффу? – спросила женщина.

– Просто попросите его приехать домой. Скажите ему, что сгорел предохранитель и вы не можете его починить. Поверит ли ваш сын в это?

– Возможно. – Миссис Симмонс набрала номер и тут же покачала головой. – Автоответчик.

– Оставьте сообщение.

– Привет, Джефф. Извини за беспокойство, но что-то не так с электрикой. Думаю, перегорел предохранитель. Дай мне знать, когда вернешься. – Миссис Симмонс сделала паузу, и Луиза уже собиралась отобрать у нее трубку, когда женщина произнесла: «Люблю тебя» – и только потом закончила разговор.

Луиза добавляла номер Джеффа в свой телефон, когда Фаррелл вернулся с верхнего этажа.

– Какого черта? – произнес сержант одними губами, не попадая в поле зрения миссис Симмонс. Он приподнял брови и широко раскрыл глаза, мимикой показывая боссу степень своей озадаченности.

– Как вы думаете, где может быть Джефф? – спросила Луиза, переведя взгляд на миссис Симмонс.

– Я уже сказала, понятия не имею. Иногда он ездит на фургоне.

– У вашего сына есть партнер или друзья, с которыми он любит тусоваться?

– Нет, он очень одинок. Джеффри действительно любит ходить в церковь... Очень грустно, но его единственным настоящим другом был отец.

– Наверное, смерть Тревора сильно ударила по нему.

На глаза женщины снова навернулись слезы.

– Да-да. Я знаю, Джеффри винит в смерти отца меня, хотя он никогда бы не сказал мне это в лицо.

– С чего бы ему винить вас?

– Вы знаете, что Тревор покончил с собой?

Луиза кивнула.

– Даже и не знаю. Тревор изменился после того, как узнал о Ричарде... отце Ланегане. Отец Джеффри начал сильно пить, бросил церковь, переходил с одной бесперспективной работы на другую. Я пыталась примириться с Тревором. Я немедленно порвала с Ричардом, хотя всей душой желала остаться с ним. Ричард Ланеган просил меня сбежать, но я не могла забрать Джеффа у его отца. Наши пути разошлись. Я пыталась наладить отношения с Тревором, но мы смогли прожить вместе всего несколько месяцев. Видите ли, он был очень религиозным человеком. Ну, до тех пор, пока не случился этот эпизод с Ричардом. Без веры ему не за что было держаться. Я знаю, Джефф по сей день винит меня в том, как все обернулось для Тревора. И я понимаю сына.

– Это было давно, миссис Симмонс.

– Только не для Джеффа.

– Знаю, об этом неприятно говорить, но не могли бы вы рассказать мне, что случилось с Тревором?

– Как он покончил с собой? – уточнила миссис Симмонс.

Луиза кивнула.

– Полагаю, он сдался. – Миссис Симмонс вздохнула. – Я видела его редко, но знаю, что в последнее время ему было особенно тяжело. Он отсиживался в одном из общежитий. Джефф часто навещал отца, и его настроение всегда менялось, когда он возвращался. Джеффри не хотел говорить о том, что произошло, но, как я поняла, пристрастие Тревора к наркотикам брало над ним верх. Тревор был капитаном парома, который ходил из Уэстона на Крутой Холм. Он брал Джеффа с собой иногда в поездки, и это место стало для них особенным. Поэтому, естественно, именно туда он отправился, чтобы покончить с собой. Спрыгнул с одной из скал. Тревор даже этого не смог сделать как следует. Сумел пережить падение и умер через три дня в больнице.

– Он разговаривал с Джеффом в это время?

Миссис Симмонс покачала головой.

– Нет, Тревор был в коме.

– Возможно, глупый вопрос, миссис Симмонс, но у Джеффа есть какие-нибудь средства добраться до этого Крутого Холма?

Миссис Симмонс прищурилась, словно разыгрывала в своем воображении различные сценарии.

– На деньги, которые Джеффри получил от продажи крестов, он купил себе маленькую моторную лодку.

Этого было достаточно для Луизы. Она поблагодарила миссис Симмонс и попросила сообщить им, как только Джефф свяжется с ней, хотя и сомневалась, что это произойдет.

– Еще кое-что, – сказала миссис Симмонс на пороге.

– Да? – напряглась инспектор.

Женщина посмотрела на часы.

– Завтра. Это был бы день рождения Тревога.

Глава сорок пятая

Лодка и день рождения – слишком большое совпадение для старшего следователя по этому делу.

– Пять святых ран, – сказала она Фарреллу, как только они вернулись в машину.

– Ланеган пятый?

– Теперь у нас есть мотив, и вы видели его комнату.

Луиза не была склонна к абсолютным утверждениям, но она изо всех сил старалась смотреть дальше Джеффри Симмонса.

– Теперь нам просто нужно найти его, – сказал Фаррелл.

Луиза повернулась к нему.

– Как вы думаете, где он может быть?

– Крутой Холм?

– Это логично. Место счастья из его детства, но также и место, где его отец покончил с собой. Вполне подходит, чтобы все закончить. И у него есть лодка. Нам нужно добраться туда.

– Может быть, мы назовем им подозреваемого? Если мы сообщим в штаб-квартиру, то сможем заказать вертолет.

Луиза думала об этом и беспокоилась, что на то, чтобы все это согласовать, уйдет слишком много времени. Им придется убеждать Робертсона и Финча, а также, скорее всего, и помощника главного констебля Морли. Даже если она убедит их, они смогут получить разрешение только ранним утром, ведь сейчас уже почти полночь.

– Через тридцать пять минут наступит день рождения его отца. И очевидно, что сразу после этого он собирается убить Ланегана, – сказала Луиза.

– Я согласен с вами, шеф, но как же нам сейчас добраться до Крутого Холма? По морю по меньшей мере около десяти километров.

– Знаете кого-нибудь, кто мог бы одолжить ночью лодку? – спросила Луиза.

Фаррелл сделал паузу и затем удивил ее, ответив на ее риторический вопрос.

– У моего дяди есть моторная лодка. Он иногда катается на водных лыжах возле Найтстоуна.

– Я пошутила, но как вы думаете, он станет нам помогать?

– Поезжайте, – ответил Фаррелл. – Я позвоню сейчас. Надеюсь, он еще не спит.

Луиза вела машину и слушала, как из динамика мобильного телефона доносились возражения дяди Фаррелла. В глубине души она была готова к его отказу, но продолжала думать только о том, что им нельзя опоздать. Уже почти среда, день рождения Тревора Симмонса. Если Джефф Симмонс планировал убить Ричарда Ланегана, то он сделает это завтра; сможет ли она быстро убедить Робертсона, Финча и Морли, что ее главный подозреваемый в настоящее время скрывается на каком-то острове у побережья Уэстона – большой вопрос. Скорее всего, они сочтут ее теорию отчасти косвенной и не выделят ей необходимые ресурсы. В лучшем случае подождут до рассвета, а Луиза не хотела, чтобы еще одна смерть была на ее совести.

– Он не против помочь и собирается сделать это, но ему не нравится, что придется выйти в море в такое время и особенно в такую погоду. Говорит, что хочет заверения, что его не будут преследовать за использование лодки ночью. Он также сказал, что прилив на Крутом Холме может быть, по его словам, «настоящим мерзавцем».

– Все, что он захочет. Пока он готов доставить нас туда. Вы уверены, что он сможет выполнить задачу?

– Он любит ныть, но он бывший морской пехотинец. С ним у нас все будет в порядке.

Дороги были свободны, и они добрались до Найтстоун-Харбор за пять минут. Когда они вышли из машины, буря затихла и наступила жуткая тишина. Луиза перешла дорогу, чтобы заглянуть на пляж Марин-Лейк-Бич, искусственную лагуну на берегу моря. Она посмотрела на очертания Крутого Холма на горизонте и задалась вопросом, что происходит там в этот момент.

Через пятнадцать минут приехал дядя Фаррелла на большом белом внедорожнике, лодка располагалась позади на прицепе.

– Луиза, это Дэнни Барнетт. Дэнни, это мой босс, следователь-инспектор Луиза Блэкуэлл.

Они пожали друг другу руки.

– Спасибо, мистер Барнетт.

– Можете звать меня просто Дэнни.

Луиза отметила, что он как бы отражение Фаррелла в будущем. Он был примерно на двадцать лет старше, с таким же телосложением и улыбкой. Единственной реальной разницей между ними была растущая лысина Дэнни и морщинки вокруг глаз.

– Следуйте за мной, – сказал он. – Будет лучше, если вы выключите свет.

Дэнни развернул внедорожник на полпути вниз по спуску. На волнах покачивалось несколько лодок, в основном рыболовецкие суда и небольшие шлюпки.

– Мне нужно немного времени, чтобы все подготовить. Наденьте спасательные жилеты. Должен предупредить, что это будет не самое приятное путешествие, когда мы выйдем в залив.

Моторная лодка оказалась не того размера, на который рассчитывала Луиза. Она была чуть больше резиновой лодки, и следовательно забеспокоилась, что переезд на ней втроем через Бристольский залив небезопасен, но промолчала.

Облачность была такой плотной, что Крутой Холм был почти невидим, если смотреть из гавани.

Луиза никогда не обращала особого внимания на остров. Однажды, когда она с отцом гуляла по пляжу, он объяснил ей названия двух соседствующих островов – Крутого Холма и Плоского Холма. Логично, что они отличались по форме. С тех пор она видела их много раз, но ей никогда не приходило в голову их посетить. Для нее они были парой больших камней в море, частью пейзажа.

Адреналин захлестнул Луизу, когда она, спотыкаясь, поднялась на борт. Лодка закачалась на движущемся приливе, и Дэнни схватил ее за руку. Она не сомневалась, что Фаррелл думает о том же, что и она. Теперь, когда они были здесь, все это казалось безрассудным, и когда Дэнни спрыгнул с лодки, чтобы отвязать причальный канат, Луиза начала сожалеть о своем порыве. Было странно, как быстро улучшились ее отношения с Фарреллом за последние несколько часов, но это не защитит ее, если все пройдет впустую. Если Симмонса или Ланегана не окажется на острове, то в лучшем случае ее просто высмеют. С Морли на тропе войны и Финчем, стремящимся разрушить ее карьеру, не избежать худших последствий.

Когда они выехали от пристани на открытый участок залива, ветер усилился. Лодка раскачивалась, пробиваясь сквозь вздымающиеся

волны, ветер дул в лицо, и было невозможно поднять голову. Дэнни наклонился, управляя моторной лодкой с кормы. Он что-то крикнул, его слова потонули в шуме мотора и волн.

Но вот перед ними замаячил Крутой Холм, его контуры, казалось, появились прямо из воды. Луиза понятия не имела, чего ожидать, когда они приблизились, ведь она знала об острове совсем немного – только то, что успела прочитать, набрав запрос в телефоне, пока ждала приезда Дэнни. На Крутом Холме располагался небольшой туристический центр, летом наблюдался приток туристов, но сюда было трудно добраться, было очень мало доступного транспорта на остров и с острова. Судя по тому, что она смогла узнать, в зимние месяцы остров пустовал.

Нелепо думать о необитаемом острове, расположенном так близко к материку. Она, вероятно, умерла бы от скуки через день или два, если бы это был ее дом, но идея побыть совершенно одной, хотя бы на короткое время, содержала определенный романтизм.

Дэнни направлял лодку вокруг первой скалы, как вдруг облака над головой снова разверзлись. Потоки дождя обрушились на них в считанные секунды, холод усилился из-за порывов ветра. Фарреллу стало плохо, он перегнулся через край, будто его вот-вот стошнит, волосы прилипли ко лбу.

– Вы сможете пришвартоваться? – крикнула Луиза, ее голос заглушал шторм.

– На северной стороне острова есть причал. Смогу ли я подвести к нему лодку – это другой вопрос, – крикнул в ответ Барнетт.

Море бушевало под ними, когда они достигли северного склона. Тяжелые капли дождя падали в нарастающие волны, словно крошечные пули. *«К счастью, это всего лишь Бристольский залив, а не Северное море»*, – подумала Луиза.

– Там. – Дэнни указал на деревянную пристань у скалистого берега, на которую обрушивались волны.

– Вы можете доставить нас туда в целости и сохранности?

– Это будет очень нелегко в такую погоду и при такой видимости, к тому же придется бороться с этим чертовым приливом.

Шторм был такой силы, что Дэнни приходилось выкрикивать каждое слово и отирать с лица капли дождя, пока он говорил.

– Если вы просто высадите меня там, этого будет достаточно, – крикнула Луиза в ответ.

– Я пойду с вами! – Дэнни завел двигатель и развернул лодку так, чтобы она была обращена к береговой линии. – А Грег говорил, что у полицейских работа скучная.

Луиза посмотрела на Фаррелла, неуверенно стоящего на корме.

– Вы в порядке? – позвала она.

– Я пытаюсь приспособиться, – крикнул в ответ Фаррелл.

Даже в темноте она увидела, как побледнело его лицо.

– Почему бы вам не подождать на лодке?

– Вы, должно быть, шутите, – крикнул Фаррелл в ответ, и порыв ветра заставил его, спотыкаясь, шагнуть к ней.

– Ладно, приготовьтесь, мы входим, – объявил Дэнни.

Лодка рассекала волны, морская вода атаковала со всех сторон, жгла глаза и обжигала горло.

– Приготовьте веревку, – попросил Дэнни, поворачиваясь к ним лицом.

Двигатель, казалось, застонал, когда Дэнни повернул лодку так, что ее правая сторона стала обращена к причалу.

– Нужно перепрыгнуть и зацепить веревку за причальный столб, – крикнул бывший морпех. Вены на его шее и лбу вздулись, он изо всех сил пытался удерживать лодку на месте.

– Позвольте мне, – произнес Фаррелл, потянувшись за веревкой.

Пристальный взгляд Луизы дал ясно понять, что она думает о его галантности.

– Вас сейчас вырвет, Фаррелл. Подождите здесь.

Расстояние между лодкой и причалом составляло всего несколько сантиметров, но волны качали ее вверх-вниз с метровой амплитудой, так что нужно было подгадать момент для прыжка.

– Давайте, – крикнул Дэнни.

Фаррелл завис рядом с ней, когда она поставила ногу на борт лодки.

– Будьте осторожны, – произнес он многозначительно.

Луиза схватилась за веревку, перепрыгнула на причал и упала, поскользнувшись на мокрых досках.

Жгучая боль пронзила колено, и она, зажмурив глаза и все еще крепко держась за веревку, принялась растирать его, и боль вскоре

утихла. Между звуками завывающего ветра и плеска волн она услышала, как Фаррелл зовет ее.

– Я в порядке, – крикнула она, привязывая веревку к причальному столбу.

Пока Дэнни закреплял судно, она пошла вглубь острова к небольшому галечному пляжу и чуть не споткнулась о другую лодку.

Луиза посветила по ней фонариком и, когда свет достиг пространства за лодкой, увидела, что приехать на остров было верным решением.

– Остановитесь, – крикнула она Фарреллу, уже бежавшему к ней.

– Господи, – прошептал он, уставившись на останки человека.

Глава сорок шестая

Радость Джефа возросла, когда он закончил объяснять Ланегану свои планы. Симмонс, казалось, был очарован распятием. Это было его величайшее творение. Годы оттачивания мастерства свелись к этой рабочей модели, готовой для Ланегана, чтобы тот пронес ее через весь остров.

– Ты в своем уме? – спросил Ланеган, не отрывая глаз от креста.

Джефф посмотрел на часы.

– Сегодня у моего отца день рождения. По крайней мере, так было бы, если бы он не умер три месяца назад.

– Мне жаль твоего отца, Джеффри, но это безумие.

– Он умер здесь, на этом острове, который так любил. Он умер из-за тебя.

– Из-за меня? – переспросил Ланеган. – Я не видел твоего отца несколько десятилетий.

– Ты убил его давно. А теперь возьми свой крест. Ты отнесешь его на то место, где он умер.

Задача конструкции заключалась в том, чтобы распятие было достаточно легким для переноски и в то же время его вес должен быть достаточно ощутимым, чтобы сдерживать Ланегана. К счастью, вторая часть теперь не будет проблемой, у священника нет сил на побег, трудность в том, чтобы заставить его нести крест через весь остров в шторм, который вот-вот начнется.

Ланеган присел на корточки, умоляюще глядя на Джеффа, когда тот взвалил поперечную балку ему на плечи. Джефф улыбнулся, представив себе вторую станцию росписи Крестного пути в церкви Святой Бернадетты, где Иисус принимает свое бремя.

Словно в ответ на воспоминания, он почувствовал боль в руках, получивших сильный ожог. Он никогда не хотел никому навредить. Это было последнее средство после того, как все его проигнорировали. Он пробрался в церковь поздно ночью, воспользовавшись ключами, которые украл у отца Маллигана, и поджег ее с помощью бензина, убедившись прежде, что в здании никого нет. Это был единственный способ заставить их выслушать его, и в определенной степени это

сработало. В больнице его мать плакала и обещала принадлежать только ему и семье. Она не упомянула имени Ланегана напрямую, но сказала, что ему теперь не стоит беспокоиться и что они навсегда станут счастливой семьей. Возможно, в то время она так и думала, но не могла предвидеть, как отреагирует его отец.

Какое-то время они были счастливы. Только позже Джефф понял, что пожар не может очистить все. Хотя Ланеган перестал беспокоить мать, в конце концов покинув этот район, отец не мог смириться с тем, что произошло. Он начал пить и потерял работу. А на следующий год он исчез, жил один, иногда как бездомный. Тем временем те, кто предал его, вели себя так, будто ничего не случилось. Его учитель, директор и его жена, приходской священник и сам Ланеган – все были благополучны, а его отец был навеки проклят. И когда отец наконец сдался и лишил себя жизни, Джефф понял, что есть только один способ спасти его.

Самоубийство было смертным грехом, и поэтому отцу Джеффа предстояла вечность без спасения, что бы ни утверждал Ланеган о растущем снисхождении церкви. Единственным способом спасти его было нанесение святых ран людям, которые его предали. Он спас этого невыносимого негодника, Джона Мейнарда, разбив ему передние зубы, и на какое-то время спас брак родителей, устроив пожар.

Его отец лишил себя жизни из-за Ланегана и тех, кто сговорился против него. Теперь он вечно страдал в Чистилище из-за этого, но Джефф был способен искупить этот грех, он знал, что это в его силах. Ланеган был последней жертвой. Бог поймет, он привел Джеффа к этому моменту. Его Сын вытерпел эти пять святых ран, и справедливо нанести их, чтобы спасти своего отца.

Ланеган, спотыкаясь, прошел несколько метров с тяжелым крестом на плечах и рухнул на мокрую землю.

Джефф представил, как римские стражники били Христа, несшего крест на Голгофу. Старый священник не вынес бы такого, но так или иначе он понесет распятие к месту своего упокоения.

– Вставай! – крикнул Джефф, когда черное небо разверзлось и на них обрушился ледяной дождь.

Джефф помог ему подняться на ноги.

– Двигайся туда, – приказал он, указывая в темноту на дальнем конце острова.

Проливной дождь мешал передвижению, вихревой ветер дул со всех сторон. Ланеган все время терял равновесие в темноте, и Джеффу пришлось помогать ему преодолевать труднопроходимые места, освещая путь тусклым светом фонарика.

Казалось, что их цель недостижима, они словно шли по беговой дорожке: край острова как будто отступал на такое же расстояние, которое Ланеган преодолевал с крестом.

Джефф закричал на Ланегана, но его слова потонули в шторме. В конце концов он был вынужден поднять заднюю часть креста, и вместе они, спотыкаясь, добрались до конца острова.

– Ланеган или Симмонс? – спросил Фаррелл, наклоняясь над телом.

Луиза не хотела трогать место преступления, однако проверила карманы покойника и нашла бумажник.

– Сидни Кресвелл, – ответила она, передавая сержанту водительские права.

– Кто это, черт возьми?

Луиза пожала плечами. Она подняла фонарик, чтобы осветить лицо лежащего ничком мертвого мужчины, но его голова представляла собой кровавое месиво. Его одежда была цела, и, похоже, на остальной части его тела ран не было. Ничего общего с другими жертвами.

– Возможно, несчастный случай на лодке. Может быть, он пострадал в море и его выбросило на берег, – предположил Фаррелл.

Лодка была похожа на лодку Дэнни, подвесной мотор покоился на гальке пляжа.

– И, по-моему, совсем недавно, – задумчиво произнесла Луиза. – С чего бы ему быть здесь в такое время? Сообщите об этом. Нам нужен вертолет и полное подкрепление.

– Мы будем ждать на берегу? – поинтересовался Фаррелл, после того как сообщил о своем местоположении оператору в штаб-квартире.

Луиза взглянула на каменные ступени. Дождь лил не переставая, ее руки и ноги немели от холода.

– Он должен быть здесь, – с уверенностью произнесла она. – Мистер Барнетт, вы с нами? Я не хочу никого оставлять одного.

– Я уверен, что пару часов назад был в безопасности в постели, – сказал он, дрожа. – Конечно, как скажете, больше промокнуть уже нельзя. Вы, ребята, вооружены? – спросил он, доставая из лодки фонарь и пару ракетниц.

– У нас есть дубинки и перцовый баллончик, – извиняющимся тоном ответил Фаррелл.

– Отлично, тогда все в порядке, – улыбнулся Дэнни.

Луиза и Фаррелл включили свои фонарики. Когда они поднимались по ступенькам, ветер хлестал со всех сторон. Это было похоже на движение против силы, как будто сам остров предупреждал их держаться подальше.

– Куда теперь? – спросил Фаррелл, вглядываясь в темноту.

Луиза шла впереди, она посветила фонариком – свет добивал всего на несколько метров. Дождь усилился. Он каскадом обрушился на них, капли отскакивали от замерзшей земли. Следователь загрузила карту острова на свой телефон и рассмотрела примитивное изображение. Если она права, то где-то слева от них находилось здание.

– Может быть, нам стоит подождать прибытия вертолета? Не лучше ли оставаться на месте? – предложил сержант.

– Не знаю, как вы, Фаррелл, но я замерзаю. Нам лучше двинуться вглубь к этому зданию, какое-никакое, но укрытие.

Дядя Фаррелла все еще не мог унять дрожь, и Луиза подозревала, что совершила ошибку, взяв его с собой.

– Давайте сюда! – позвала она. Ноги Блэкуэлл скользили, она двигалась вперед скорее инстинктивно.

Появись они на секунду раньше или позже, или если бы они двинулись в другом направлении, то Луиза не заметила бы искру света, луч фонарика, пронзивший темноту на противоположном конце острова.

– Вы это видели? – спросила она, уже меняя направление.

– Что? – не понял Фаррелл.

– Этот свет, – произнесла Луиза как раз в тот момент, когда увидела его во второй раз. На этот раз свет был направлен в их сторону, но мгновенно погас.

Джефф не мог поверить, что поступил так глупо. Он увидел их огни и вместо того, чтобы выключить фонарик, направил его свет прямо на них. Была кромешная тьма, так что самой крохотной искорки света было достаточно, чтобы проникнуть сквозь мрак. Он быстро выключил фонарик, но не сомневался, что луч был замечен.

Он надеялся, что это байдарочники возвращаются в устроенный на острове лагерь. Если это и правда они, то можно рассчитывать на то, что они окажутся или слишком безразличными, или слишком осторожными и не станут приближаться, однако он не мог рисковать сейчас, когда был так близок к завершению задуманного.

Ланеган был ослабленным, его тело стало хрупким, поэтому Джефф боялся, что тот не выдержит вколачивания гвоздей, извлеченных им из других своих жертв, поэтому к кресту он привязал его веревками.

Лежа на спине, старый священник неподвижно смотрел в небо и не реагировал на сильно бьющий дождь, и Джефф испугался, уж не мертв ли тот.

Хотя Джефф был в толстых перчатках, его руки онемели, когда он поднимал крест в исходное положение, используя систему шкивов, которую сам разработал. Благодарный Ланегану за его малый вес, он закрепил распятие на месте и полюбовался делом своих рук. Ланеган теперь был повернут лицом к морю, но глаза его были закрыты. Джефф сидел на краю обрыва, с которого бросился отец, чтобы покончить с собой. Это было подходящее место для последнего вдоха священника. Джефф представил себе Чистилище, где Ланеган завис в вечной агонии на кресте там, где фактически убил его отца.

Когда священник открыл глаза, небо озарилось вспышками, и Джефф подумал, что будто сам Бог заставлял Ланегана раскаяться в том, что он сделал.

Только когда Джефф потянулся за копьем, он понял, что свет был не Богом, говорящим с ним, а ракетницей, выпущенной в воздух тремя людьми, бегущими к нему.

Это Фаррелл предложил использовать ракетницу, и, прежде чем Луиза успела возразить, Дэнни уже выстрелил из нее в воздух.

Яркая вспышка осветила конец острова. Луиза повернулась к Фарреллу за подтверждением увиденного: на вершине скалы стоял крест! Она не могла разглядеть, был ли кто-нибудь распят на нем, но фигура, размахивающая копьем, стояла у его подножия и с обращенным в их сторону лицом.

Все трое остановились как вкопанные, уставившись на это зрелище.

– Это, должно быть, Симмонс, – произнесла Луиза, когда вспышка погасла в ночном небе, оставив в глазах обманчивый малиновый отблеск, и все вновь погрузилось во тьму.

Следующее, что она помнила, это как бежала с дубинкой в руке. Она не обращала внимания на камни под ногами и остановилась, только когда бегущий следом Фаррелл, падая, врезался в нее. Крик боли был приглушен дождем и ревущим штормовым ветром.

Луиза обернулась. Фаррелл протянул руку, и она схватила ее. Грег даже не мог ответить, когда она спросила, в порядке ли он: как раз в этот момент его раненая нога коснулась земли.

– Что случилось? – спросил Дэнни, подходя ближе и благоразумно направляя луч фонарика на землю.

– Моя лодыжка... – прошептал Фаррелл сквозь стиснутые зубы.

– Оставайтесь здесь, – сказала Луиза.

– Ждите подкрепления, шеф, вы не можете идти одна. Он сумасшедший.

– Вы видели, что было у него в руках. Он собирается заколоть того, кто на этом кресте.

– Что вы собираетесь делать? Избить его этим? – спросил Барнетт, глядя на дубинку в руке Луизы.

Луиза проигнорировала вопрос.

– У вас еще остались сигнальные ракеты?

– Одна, – ответил Дэнни.

– Дайте мне две минуты, а затем отправьте ее вверх, – попросила Луиза и ушла, не дожидаясь возражений мужчин.

Суеверный человек счел бы это знаком. На кресте Ланеган боролся с узами. Он закричал, когда Джефф поднял копьё.

– Это за моего отца! – крикнул Джефф, из-за шума стихии не уверенный, что слова вообще елетели с его губ, и ткнул копьём в сторону Ланегана одновременно с новой вспышкой света. Женщина, появившаяся из темноты вместе с этой вспышкой, ударила его в висок.

Она продолжала пробираться вперед, и ее единственным ориентиром были смутные, но уже близкие очертания креста. Луиза откинула мучительное воспоминание о доме Уолтонов, о безоружном человеке с пустыми глазами. Этого не было тогда. Симмонс был реальной угрозой, и она уничтожит его любым возможным способом, вооруженным или нет.

Через две минуты после того, как Луиза отправилась, Дэнни запустил еще одну сигнальную ракету. Та взлетела в воздух, как фейерверк, и осветила небо багрово-красным в ту секунду, когда Луиза достигла креста. Луиза обрушила дубинку на висок Симмонса в момент его удара копьём, и тот, падая, невольно изменил траекторию. Копьё пошло в сторону инспектора.

Сначала боли не было, лишь ровная пульсация в правом предплечье, там, где копьё пронзило ее плоть. Если кровь и была, то ее смысл нескончаемый дождь. Не обращая внимания на подступившую тошноту, Луиза посветила фонариком вперед и сфокусировала взгляд на расплывчатом силуэте Джеффа Симмонса, подползающего к краю обрыва.

Она осторожно дотронулась до места, куда ее ударило копьё. Это не настолько серьезно, иначе она бы упала в обморок. Луиза надеялась, что Дэнни скоро подойдет к ней, когда оценивала примитивно выглядящий блок рядом с крестом.

Держа Симмонса в поле зрения, она посветила фонариком в сторону распятой фигуры. Как она и предполагала, это был Ричард Ланеган. Но Луиза не могла определить, дышит он или нет.

– Попробуйте спустить его, – крикнула она подошедшему дяде Фаррелла. Одно было ясно наверняка: она не позволит Симмонсу

выбрать легкий путь.

Несмотря на дождь и темноту, Джефф узнал женщину-полицейского. Он не должен был колебаться, надо было убрать ее, когда у него был шанс, но теперь было слишком поздно. Или нет? Будет ли его отец спасен, если Ланеган не получил пятую святую рану? Продолжая двигаться к краю обрыва, он оглянулся и с ужасом увидел, что коллега женщины-полицейского работает с системой шкивов. Если ему повезло, то Ланеган мертв, но было обидно, что он никогда этого не узнает.

Три месяца назад его отец упал с этого самого места, а теперь настала и его очередь. *«Скоро мы снова будем вместе»*, – подумал он, подходя к краю, когда женщина-полицейский окликнула его.

Рана отняла у нее много сил, у нее закружилась голова, боль усилилась. Симмонс был почти на краю обрыва, а она двигалась медленнее.

– Стой! – крикнула она, когда он подобрался к самой кромке.

Симмонс действительно остановился, опасно балансируя на краю.

– Я видела твою мать сегодня вечером, – крикнула Луиза, стоявшая теперь почти на расстоянии вытянутой руки от мужчины.

Выражение его лица было не разобрать, когда он повернулся и посмотрел на нее. Длинные спутанные волосы налипли на лицо и исказили его, как маска.

– Она бы не хотела этого для тебя, Джеффри. Ты – все, что у нее есть. Я знаю, что ты пережил трудные времена, но она очень тебя любит. Она так беспокоится о тебе. Возвращайся со мной сейчас, и мы сможем оказать тебе помощь. Только не поступай так со своей мамой.

Симмонс улыбнулся ей и спрыгнул.

Глава сорок седьмая

«Вся жизнь промелькнула перед глазами» – такого не было, он не увидел ключевых событий своей жизни, когда падал, как камень, брошенный в реку. Земля приблизилась с такой огромной скоростью, что удар стал неожиданностью, его левый бок врезался в скалистый выступ с тошнотворным хрустом, удар отразился по всему телу за долю секунды до потери сознания.

Он никогда не узнает, погружался ли он в непостижимую тьму до того, как появился свет. В одно мгновение он перестал существовать, а в следующее сияние уже давило на его веки, взывая к нему.

Джефф открыл глаза. Дождь перед ним был освещен, кружился в узоре, которого он никогда не наблюдал. Чудовищный шум атаковал уши. Он попытался вернуться в непроницаемую тьму, но шум и боль не давали ему покоя. Было ли это Чистилище, которого он желал Ланегану, или он переживал худший кошмар в своей жизни?

Луиза потянулась к Симмонсу, но тот был быстр. Он завис над пропастью, словно бросая вызов гравитации, и затем исчез в темноте. Через несколько секунд прибыл вертолет, широкий луч его огней осветил местность, и Луиза увидела, что Симмонс не смог достичь низа, его тело зацепилось за небольшой гребень менее чем в двадцати метрах. Она не была уверена, но, казалось, он дышал.

Она надеялась, что он испытывал боль.

Дэнни удалось опустить крест, Луиза, спотыкаясь, вернулась к нему и проверила слабый пульс Ричарда Ланегана. Следовательно отметила, что на его хрупком теле не было следов, – ни от гвоздей, вбитых в запястья или лодыжки, ни от пятой раны на боку – и озадачилась, переживет ли пожилой человек это испытание.

– Постарайтесь его согреть, – сказала она, направляясь к лежащему Фарреллу.

– Вы его поймали? – спросил сержант, морщась от боли.

Луиза проверила распухшую лодыжку Фаррелла. Отек выглядел не очень хорошо.

– Я думаю, они оба живы. Симмонс пытался покончить с собой, но, похоже, ему это не удалось.

Фарреллу было так больно, что он ответил не сразу.

– Дэнни в порядке? – спросил он.

– Я не думаю, что он одолжит вам свою лодку в ближайшее время. Кроме этого, уверена, с ним все будет в порядке.

Фаррелл приподнялся на локтях, чтобы оказаться к ней лицом.

– У вас кровь, – произнес он, сумев улыбнуться, но его глаза были полны тревоги.

– Я получила пятую священную рану. Ладно, лишь немного поцарапало.

Вскоре к полицейскому вертолету присоединилась санитарная авиация, они приземлились дальше, на более ровном участке. К счастью, ни в одном из вертолетов не было Финча, Робертсона или Морли, так что Луизе не придется объясняться прямо сейчас.

Пока спасатели доставали Симмонса, Луиза руководила медиками, работавшими с Ланеганом.

– Возвращайтесь со своим племянником, – сказала она Дэнни, пытавшемуся согреться под одеялом из фольги.

Медработник повел его к вертолету, куда уже доставили Фаррелла, а через несколько минут на борт был помещен и Ланеган.

Только через два часа Симмонса смогли поднять с уступа. За это время Луиза связалась с участком и проинформировала Робертсона и остальных членов команды о случившемся. Следователь удивилась, что Робертсон не отругал ее за единоличное и безрассудное решение отправиться на остров ночью, но предположила, что выволочки все же не миновать.

Сообщили, что Ланеган пережил поездку в больницу, однако Луиза все еще боролась с желанием сорвать кислородную маску с лица Симмонса и отправить его в направлении моря. В тот момент ей было наплевать на его трудное детство или напряженные отношения с

родителями. Все, что ее волновало, это жизни, которые он отнял, и несправедливость, что он сам выжил.

– Ему повезло, что он остался жив, – сказал один из врачей. – Множественные переломы, но, думаю, он выживет.

– Замечательно, – мрачно произнесла Луиза, и они повезли Симмонса к вертолету.

Глава сорок восьмая

Эйлин Босуэлл привыкла к внезапным переменам в окружающей среде. Погода в ее маленькой части Корнуолла могла в мгновение ока превратиться из совершенно спокойной в бурю, но в глубине души она была убеждена, что этот день не будет одним из таких. За окном солнце стояло высоко, небо было ясным, а кроны деревьев замерли без ветра. Это был второй день нового года, день, которого она с нетерпением ждала. Ее память ослабела, но она отметила этот день в календаре, подаренном ей милой Джослин на Рождество, и с тех пор она каждый раз смотрела на отметку.

С чашкой горячего чая с лимоном, Эйлин уже была одета так, как того требовало время года. Она старалась не пялиться на входную дверь, но это было трудным делом. Семья Джослин была так добра к ней с тех пор, как Джослин навестила ее с другой женщиной-полицейским, но, хотя Джослин и ее семья уже неоднократно ее навещали, ей трудно было поверить, что это продлится долго. Дети – Матильда и Зак – были радостью, это все равно что иметь внуков. Они даже пригласили ее на рождественский обед, от которого она, разумеется, отказалась.

– Рождество – это семейный праздник, – сказала она, когда они пришли на Рождество забрать ее к себе домой.

Такие времена, и вот они здесь, стучат в дверь с нетерпением, на которое способны только дети.

– Бабуля Босвелл! – бросилась обнимать маленькая Матильда, когда Эйлин открыла дверь.

Хотя Эйлин готовилась к их приезду, она не могла сдержать радостного волнения. Эти дети – у Джослин и ее мужа больше не было родителей, поэтому их дети никогда не знали бабушку и дедушку – дали ей силы продолжать жить.

– Позволь мне взять пальто, – сказала она, запирая дверь и следуя за девочкой к ожидающей машине.

Эйлин, конечно, читала об этом в газетах, но для нее это было похоже на один из дрянных романов, которые она иногда покупала в благотворительных магазинах. Предположительно, этот сумасшедший

распял мистера Ланегана на кресте после того, как несколько дней продержал в плену на холодном острове. Джослин сказала ей, что они, возможно, никогда бы его не нашли, если бы не она, но Эйлин все это было неважно, она просто хотела увидеть его снова. Джослин взяла ее за руку и повела к нему в больницу.

– Помните, его здоровье подорвано, – предупредила она.

– Пожалуйста, просто дайте мне его увидеть, – попросила Эйлин.

Ричард сидел на кровати. Он выглядел старше, но в его глазах появился блеск, когда он улыбнулся, увидев ее.

– Пришли прибраться в моей комнате? – спросил он хриплым голосом.

– Я слышала, вы попали в беду? – произнесла Эйлин, вздыхая, и села на стул рядом с его кроватью.

– У вас будет немного времени, – сказала Джослин, выходя из палаты.

Эйлин вспомнила, как впервые встретила этого мужчину. Тогда он слишком много выпил, но на этот раз открылся как на исповеди. Ланеган рассказал обо всем этом испытании, как будто она – его священник. Как сын его бывшей любовницы похитил его, отвез на остров и попытался убить. Но более того, он рассказал ей о женщине, которую оставил. Как, по его собственным словам, он украл ее у другого мужчины.

– Видите ли, Эйлин, я должен был умереть на этом кресте. Я разрушил эту семью. Сначала их брак, потом их жизни. И из-за меня погибли все эти другие люди. Я совершил первое убийство. Оно на моей совести.

Слезы потекли по морщинкам на щеках, Эйлин наклонилась и вытерла их.

– Не глумитесь! Вы совершили ошибку в молодости, как и многие. Вы никак не могли знать, что все так обернется. Этот Симмонс был не в своем уме. Он убил бедных невинных людей. Эта вина на нем, а не на вас, – произнесла она так, как будто поставила точку. Это были последние слова на эту тему.

Некоторое время спустя вернулась Джослин.

– Я могу снова привезти вас завтра, – ласково предложила она, когда Эйлин поцеловала мужчину в щеку на прощание. Это был

первый раз, когда она поцеловала его. И единственный – в ту ночь старый священник скончался во сне.

Глава сорок девятая

Луиза наклонилась и поцеловала племянницу. Глаза девочки искрились от смеха. Луиза вздрогнула, когда Эмили схватила ее за руку. Рана после нападения Симмонса зажила за несколько недель, но все еще была ощутима.

– Я люблю тебя, тетя Луиза.

– Я люблю тебя, Эмили.

Грусть, охватившая Луизу, когда она добралась до М-5, была смягчена воспоминаниями о последних нескольких днях. Она была в родительском доме с Рождества, наслаждаясь отдыхом. Пол не пил, и праздничный период был одним из самых счастливых. Эта мысль подняла ей настроение, когда она ехала по мосту Эйвонмут. Период до Рождества был сложным, с последствиями дела Симмонса. Джеффри Симмонс в настоящее время проходил психиатрическую экспертизу, но прокуратура была убеждена, что в итоге он предстанет перед судом за убийства Вероники Ллойд, отца Маллигана, Джанет и Натана Форестеров и Сидни Кресвелла.

Луиза помнила эти имена и знала, что всегда будет их помнить. Съехав с автострады в Уорле и направляясь в объезд центра города, она снова прокрутила в уме все расследование, как и сотни раз до этого. Она искала ошибку, недостающее звено, то, что могло бы предотвратить последующие убийства после обнаружения тела Вероники Ллойд. Она установила связь с пожаром, но не была ли она слишком нерешительной в своем расследовании? Возможно, если бы она была более внимательна, они бы обнаружили связь с Ланеганом раньше. Она высказывала такие опасения Робертсону, но он отмахнулся от них. По его словам, сказанным с грубоватым шотландским акцентом, то, что она вовремя нашла Ланегана и сохранила Симмонсу жизнь, результат, которым она должна гордиться. Луизу это не убедило.

По привычке она сделала круг на побережье. Третье января, солнце стояло высоко в небе, и море – на этот раз во время прилива – было тихим, безмятежным. В такие дни, как этот, Луиза могла не то чтобы любить, но выносить старый приморский город.

Она предложила Томасу, Фарреллу и Трейси встретиться в «Калимере», и они уже ждали ее там.

– Здравствуйте, инспектор, – поприветствовала ее владелица ресторана.

– Привет, Джорджина. – С тех пор как новость об аресте на Крутом Холме попала в газеты, Луиза вновь обрела ее уважение. Их разговоры редко выходили за рамки любезностей, но Луизе больше не приходилось терпеть с самого утра холодные взгляды женщины.

– Это тебе, – сказала Луиза, протягивая Трейси бутылку шампанского.

Сегодня был последний день командировки ее подруги в Уэстон. Завтра она вернется к Финчу и остальным сотрудникам МПТ.

– О, тебе не следовало этого делать, – произнесла Трейси, улыбаясь. – Открываю?

– Только не здесь, – сказала Джорджина, ставя чашку кофе перед Луизой.

– Спасибо, что пришли. Я просто хотела лично поблагодарить вас всех, перед тем как мы отправимся в бар, – обратилась к присутствующим Луиза, отпив из чашки.

Томас и Трейси переглянулись, Фаррелл выглядел смущенным, и на секунду Луиза забеспокоилась, что эти двое возобновят свой роман.

– Грустные новости, шеф, – сказал Фаррелл. – Сегодня утром пришло известие, что Ричард Ланеган скончался ночью во сне.

– Естественная смерть, – подчеркнула Трейси, будто была нужна в объяснении.

Луиза провела рукой по волосам. Старому священнику было чуть за семьдесят, но она не могла отделаться от мысли, что дни заключения на острове ускорили его уход.

– Пойдем, пойдем в бар и выпьем, помянем его, – предложила Трейси, беря Луизу за руку и помогая ей подняться на ноги. От Трейси исходил запах сладких духов.

Казалось, что весь полицейский участок ждал в баре отеля. Робертсон подошел к ним с подносом односолодового виски, Луиза извинилась и ушла в туалет, чтобы не пить.

Финч вернулся в штаб-квартиру через пару дней после того, как Симмонс и Ланеган покинули остров. Он несколько раз заводил разговор по поводу безрассудства Луизы во время расследования, но

Робертсон только посмеялся над ним. Уважение Луизы к своему боссу достигло новой вершины.

Была вызвана антикоррупционная служба, расследовавшая пожар в церкви Святой Бернадетты. Отставной сержант Бенджамин Фарнхэм находился под следствием, как и монсеньор Эшли, который после ареста Симмонса был отправлен в участок в Бристоле.

– Вот она, – сказал Томас и протянул бокал с шампанским вернувшейся к бару Луизе.

– За Трейси Пью, – произнес Робертсон, поднимая свой бокал. – Ее будет нам не хватать.

– За Трейси, – сказала Луиза и улыбнулась, глядя на покрасневшие щеки своей подруги.

Луиза подождала час, прежде чем извиниться и уйти.

– Спасибо за все, – поблагодарила она Трейси, провожавшую ее до машины.

– Благодарю. Я прекрасно провела время. Боже мой, можно подумать, мы прощаемся! Мы живем в полчаса езды друг от друга.

– Мне грустно, что ты уезжаешь. Уверена, что не собираешься подавать заявление о переводе?

– Ты знаешь, как говорят, это прекрасное место для посещения, но жить...

– Рассказывай мне об этом, – усмехнулась Луиза.

Она поехала домой по старой платной дороге через Кьюсток, в безоблачном ночном небе висела полная луна. В последние два месяца Уэстон оправлялся после последствий убийств. Эти трагические события объединили город. Жители тихого приморского городка были стойкими, и уже проявлялись признаки выздоровления. Таня Эллиотт продала свою историю одной из национальных газет, и город получил дурную славу, что привело к увеличению бронирований отелей на предстоящий летний сезон.

Отбросив грусть от возвращения в коттедж, Луиза включила газовый камин и начала разбирать «доску для убийств». Складывая фотографии жертв в пластиковую папку, она думала, как истории этих пяти человек, шестерых сейчас, если включить Ланегана, были навсегда переплетены. И как нелегко теперь это было забыть.

Она проверила свой телефон, перед тем как налить рюмку водки из холодильника. От Финча не было сообщений с тех пор, как он уехал

из Уэстона, но она ждала, когда они возобновятся, каждый вечер. С рюмкой в руке, она посмотрела на пустую стену, где раньше висела «доска убийств», и решила, что выцветшая область нуждается в свежей краске, впрочем, как и вся поверхность.

Благодарности

Спасибо всем, кто помог мне с выходом этой книги: моему агенту Джоанне Свейнсон за поддержку и отличные советы, моему редактору Джеку Батлеру за его восторг по поводу этой серии и Расселу Маклину за его отличные идеи.

Элисон, Фрейе и Хэмишу за то, что снова посетили Уэстон со мной, и за неизменную любовь и поддержку.

И особая благодарность всем замечательным людям Уэстон-сюпер-Маре и в частности моей горячо любимой бабушке, Эйлин Бернелл, обустроившей жизнь в Уэстоне.

Об авторе

Получив диплом юриста по уголовному праву, Мэтт Бролли приобретает степень магистра в области литературного творчества в Университете Глазго.

Он является автором бестселлеров детективных романов о старшем инспекторе Ламберте «Мертвая вода», «Мертвые глаза», «Мертвая удача», «Мертвые угли» и «Мертвое время», нашумевшего криминального романа «Ноль» и американского триллера «Контролер».

Мэтт также пишет детские книги как Эм Джей Бролли. Его первая книга – «Спящий Жук».

Писатель живет в Лондоне с женой и двумя маленькими детьми. Вы можете узнать больше о Мэтте по адресу www.mattbroolly.co.uk или подписавшись на него в Твиттере: @Mattbroollyuk.